

**К 55-летию
Великой Победы**

**"Росичи" против
"волков" Гелаева**

**Лев Лещенко:
Я вырос в богородском полку**

НА

5'2000
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

БОЕВОМ ПОСТУ

Два десятилетия для учреждения — срок небольшой. И тем не менее для Типографии внутренних войск он выдился в десятки тысяч выполненных заказов — книг, журналов, брошюр, бланков, ведомостей и т.д. и т.п. без чего просто невозможно представить повседневную жизнь частей и подразделений.

К сожалению, нельзя сказать, что производственный коллектив располагает на сегодняшний день современным оборудованием, просторными цехами. Тем не менее он славится людьми — патриотами своего дела, высококлассными специалистами, такими, как начальник одного из цехов старший прапорщик Владимир Абросимов, награжденный недавно орденом Почета (снимок в центре), как переплетчицы прапорщички Наталья Семенова (снимок вверху) и Татьяна Сенокосенко. Рядом с ними набираются опыта молодые войны ефрейтор Р.Травожин, рядовые А.Немыкин, М.Дмитриев, которых вы видите на снимках, а также их товарищи.

**20 ЛЕТ
СЛУЖБЫ
ВОЙСКАМ**

День Победы

**Полковник в отставке
Иван ВОРОБЬЕВ:**

В НАШУ ПОБЕДУ ВЕРИЛ ВСЕГДА

Вся жизнь полковника в отставке Ивана Федоровича Воробьева связана с внутренними войсками. Этим жизненным обстоятельством ветеран особенно гордится и сегодня, по прошествии многих лет, обязательно подчеркивает это при случае.

Судьба Воробьева в своем роде уникальна. В 39-м был призван на действительную военную службу в войска НКВД. Участвовал в войне с белофиннами. Был ранен. В Великой Отечественной войне — от первого до последнего дня. Победу встретил в Бухаресте. Принимал участие в операции по высылению чеченцев в феврале 44-го. Гонял бандеровцев по лесам Западной Украины. Помогал Германской Демократической Республике в строительстве собственных внутренних войск. В системе Министерства внутренних дел Иван Федорович прослужил почти полвека — 49 лет. Командовал соединением по охране важных государственных объектов. Работал в режимных органах. В отставку ушел по состоянию здоровья.

Среди наград, которых удостоен Иван Федорович, ордена Красного Зна-

мени, Отечественной войны, три ордена Красной Звезды, ордена ГДР.

В канун великого Дня Победы наш корреспондент встретился с заслуженным ветераном и попросил рассказать его о прожитых годах.

— Иван Федорович, как складывалась ваша судьба до того дня, когда почтальон принес вам повестку из военкомата?

— Работал заместителем директора солотчинского детского дома по воспитательной работе на Рязанщине. Жизнью своей был вполне доволен. И на тот момент круто менять свою судьбу не собирался. Работа с детьми мне нравилась, и так уж получилось, что до призыва в армию только ею и занимался. Еще в техникуме товарищи избрали меня секретарем комсомольской организации. После выпуска мои однокашники поехали на объекты народного хозяйства, а меня направили в пятницкую среднюю школу старшим пионервожатым. Наверное, так и остался бы педагогом, но в мою жизнь внесла свои коррективы служба в войсках. Война.

— Война с Финляндией?

— Нет, Великая Отечественная. С финнами воевал недолго — был ранен во время минометного обстрела. Осколок угодил в колено. Сделали операцию. Шесть швов наложили. Да и в Финляндии я оказался, можно сказать, случайно.

— Как это случайно?

— Как уже сказал, служить попал в дивизию им. Ф. Дзержинского. Наше соединение и тогда считалось элитным. Служить под знаменем железного Феликса доверяли лучшим из лучших. Требования к кандидатам предьявлялись повышенные. Физические данные, биография должны были быть безупречными.

Так вот, в нашем прославленном соединении практиковались различные агитационно-спортивные мероприятия — пробеги, походы, марши.

Зимой 40-го наш батальон совершал лыжный переход по маршруту Москва — Ленинград. Мы уже были близки к намеченной цели, позади осталось Бологое, когда нас догнала весть — Советский Союз вступил в войну с Финляндией. Тут же состоялся импровизированный митинг, где все участники перехода

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

заверили Советское правительство и лично товарища Сталина в своей готовности немедленно убыть на фронт и выполнить любую задачу командования. Нас погрузили в эшелон и отправили в район боевых действий.

Для лыжного перехода батальону выдали соответствующую экипировку — узенькие беговые лыжи с ботинками. С ними и прибыли на передовую. Что хорошо для парада, не подходит для боя. Передвигались в основном по пересеченной местности, сами себе прокладывая лыжню. Так что спортивный инвентарь пришлось бросить и вооружиться широкими солдатскими лыжами и вместо ботиночек надеть валенки.

Финны показали нам пример. Они передвигались на широких охотничьих лыжах, подбитых оленьим мехом.

Повоевать, как уже говорил, мне довело недолго. Был ранен. Ранение по медицинским меркам довольно тяжелое, и меня вместе с другими пострадавшими эвакуировали в тыл.

Чем запомнилась финская кампания? У финнов уже тогда большое развитие получило снайперское движение. Финские леса буквально кишели снайперами. Кукушки, как называли вражеских снайперов, не давали покоя нашим бойцам ни днем ни ночью. Потери от снайперского огня были весьма значительны.

— Иван Федорович, в трудах историков внутренних войск вы упоминаетесь и как один из самых удачливых войсковых снайперов. Когда и как стали вы мастером меткого огня?

— Прилично стрелять научился еще на гражданке. До войны вся наша страна напоминала большой стрелковый тир. Изучали устройство стрелкового оружия, учились метко стрелять. Достигнувшие определенных результатов удостоивались почетного звания "Ворошиловский стрелок".

И я был ворошиловским стрелком. Приобретенные на гражданке навыки отшлифовал в войсках до зеркального блеска.

В 41-м меня опять призвали. В войска НКВД. Наш 160-й полк дислоцировался в подмосковных Мытищах. На его базе был создан оперативный батальон для решения задач в малоярславецком секторе охраны Московской зоны обороны. Меня назначили старшиной одной из стрелковых рот. Так как из всех видов оружия я стрелял только на "отлично", вскоре меня определили командиром станково-пулеметного взвода. А

когда в войсках было развернуто снайперское движение, поручили сформировать команду мастеров меткого огня.

— Но ведь снайперское искусство предполагает не только умение вести точный огонь. Если перечислять составляющие снайперского мастерства, пальцев на руках не хватят.

— Вы правы. Требования к будущим снайперам предъявлялись самые разнообразные. Мне предоставили возможность самому отбирать кандидатов в снайперскую команду. Проверял не только умение владеть оружием, но и физическую готовность, морально-волевые качества, психологическую устойчивость.

Снайперское движение в войсках в то время только зарождалось, поэтому учебников, как готовить мастеров меткого огня, не было. Приходилось самому разрабатывать методику, искать новые подходы к обучению.

Три месяца я отбирал кандидатов. Три месяца шла напряженная боевая учеба. На первом этапе пристальное внимание отводилось совершенствованию огневого мастерства личного состава. Огонь вели по ростовым, потом по грудным фигурам. Вначале цель считалась пораженной при любом попадании, потом только при попадании в голову. Огонь вели как по неподвижным, так и по движущимся мишеням.

При каждом удобном случае тренировали глаз. Даю команду: определить расстояние до указанного ориентира. Один говорит — 200 метров, другой — 250, третий — все 300. Промеряли расстояние шагами. С каждым разом результаты становились лучше и лучше.

Учились маскировке, оборудованию позиций для стрельбы. Выдвижению на огневой рубеж и отходу с места ведения огня после поражения цели. Учились выслеживать врага. Уничтожать его в самый выгодный момент.

Наш выпускной экзамен состоялся уже в освобожденном Наро-Фоминске. Мы жили там в казармах фабрики игрушки. С утра отправлялись на стрельбище и, если не поступало никаких вводных, занимались день напролет. Проверяющие отметили высокую степень обученности моих подчиненных и доложили о готовности снайперской команды к выполнению боевого задания.

Командование бригады договорилось о проведении боевой стажировки на Западном фронте, безопасность тыла которого мы обеспечивали.

Нам выписали предписание, и мы убыли к месту стажировки.

— Как показали себя ваши подчиненные в деле? Насколько учебная обстановка соответствовала боевой действительности?

— Наша снайперская команда работала на пятерку. Все, чему учились, пригодилось. За первую стажировку уничтожили 223 солдата и офицера противника. Правда, возникло одно обстоятельство, которое во время боевой учебы мы не учли.

Командование требовало подтверждения нашей работы. Сделать это было непросто. На "охоту" ходили в тыл противника. Сколько фрицев ухлопали, никто, кроме нас, рассказать не мог. Разве только сами фрицы.

— Вы хотите сказать, что для подтверждения результатов боевой работы требовались языки?

— Так точно.

— Но ведь снайперское искусство и искусство разведчика, как говорят в Одессе, две большие разницы?

— Вы абсолютно правы. Но делать нечего, пришлось менять специализацию. Командование Западного фронта разрешило нам побывать на передовой, пообщаться с армейскими разведчиками. Спасибо им, они щедро делились с нами секретами своего мастерства. Детали додумывали сами в ходе занятий. Помимо стандартных ситуаций старались предусмотреть самые немислимые. Такой творческий подход к делу позволил нам добиться неплохих результатов.

Теперь после работы в тылу противника притаскивали с собой языка, который мог засвидетельствовать результаты нашей работы.

Слава о нас как о разведчиках разошлась по всему фронту.

Как-то меня вызвал к себе командующий 31-й армией генерал Поленов:

— Наслышан о вас. Мои разведчики натаскали мне много языков — они в этом деле большие мастера. Но мне сейчас не просто язык нужен, а офицер. Желательно чином и рангом повыше. У вас же рука легкая. Приказывать вам не могу. Так что сами решайте — братья за задание или нет.

Я согласился. Как же, сам генерал Поленов просит. И только когда вышел из штаба на улицу, осознал, на какое нелегкое дело подписался. Пришел к своим ребятам, рассказал, по какому поводу генерал вызывал и какой ответ я ему дал. Мои снайперы-разведчики меня поддерживали: правильно, товарищ командир, поступили. Им тоже было при-

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

ятно, что армейское командование о войнах-чекистах такого высокого мнения.

Задание генерала Поленова мы выполнили. Притащили ему, как он и просил, офицера.

— **Иван Федорович, если можно, расскажите об этом фронтовом эпизоде подробнее.**

— Дело было под Спас-Деменском. Наши войска тогда вели бои за Калугу. Зима была. Морозы стояли трескучие. Как наст скрипит под ногами, за версту слышно. В поиск, как водится, отправились в ночь. Наша задача осложнилась тем, что все подступы к своему переднему краю немцы тщательно заминировали. Преодолеть их можно было только ползком, когда давление на мины минимальное. И то соблюдая предельную осторожность. Оперся на локоток или колено — взрыв. Руки или ноги нет. Вся операция накрылась медным тазом. Но Бог милował, минное поле миновали благополучно. До вражеских траншей оставалось метров 700-800, когда слева ударил пулемет.

“Неужто заметили?” — думаю. Вжался в снег. Лежим не дыша. Но пулемет почему-то молчит. Минут 10-15 прошло, даю команду:

— Вперед!

Почти к самому брустверу подползли, опять немец огонь открыл. Очередь прямо над головой прошла. Мне показалось, что шапка вверх поднялась. Первым ползу к окопам, уже в голове план действий прокручиваю: вниз скачусь — и фрица круглым диском от автомата по башке. Выглядываю осторожно из-за бруствера — что за чертовщина, пулемет стоит, а возле него никого нет. Даю условный сигнал своим: ко мне!

Сыпемся в окоп. Так вот, оказывается, в чем дело. Пулемет стоит на пулеметной площадке. Сошки и приклад вморожены в землю. К спусковому курку бечевка привязана. Фриц где-то поблизости в теплой землянке и время от времени за веревочку подергивает — пулемет постреливает. Мы тогда взяли и веревочку попридержали. Фриц подергал шнурок, подергал — пулемет молчит. Слышим — топ-топ-топ. Идет миленький. Пришел, затвор передернул, на курок нажал — машинка заработала. Фриц выругался и назад, в тепло.

Мы — за ним. Фриц нырнул в землянку. Там, видно, буржуйка стояла. Труба от нее наружу выведена, и чтобы искры не выдавали, маскировочной сеткой накрыта. Ничего трогать не стали. Нам же назад возвращаться.

Продвинулись еще вперед. Еще землянка. Возле нее часовая. Значит, или КП, или склад какой. Решили понаблюдать. В течение часа двое из землянки вышли. Двое в землянку зашли. Не зная, сколько там фашистов, от налета отказались. Вылезли на бруствер, осмотрелись. Недалеко населенный пункт. Принимаю решение выдвинуться к нему и выяснить обстановку. Ползем к околице. Чем ближе подползаем, тем отчетливее видим, что что-то на заборе из еловых палок висит. Что — никак понять не могу. Даю группе поиска команду: вперед, разобраться и доложить. В бой не вступать! Себя не обнаруживать!

Ребята уползли в темноту. Через какое-то время возвращаются:

— Там, товарищ командир, такое!

Ползу по их следу и вижу страшную картину: черное пятно — это женская шаль. Белое — младенец, за распашонку на частокोल подвешенный. На распашонке следы крови. Мои ребята аж трясутся от ярости:

— Давай командир фрицам трам-тарарам устроим!

— Вы что, — говорю, — в своем уме? Вас зачем сюда послали? За языком! Ну нападём на фрицев, а сколько их здесь, вы знаете? Взвод? Рота? Батальон? А если полк? Сами погибнем и задачу не выполним. Отставить трам-тарарам!

Направляю двоих бойцов из группы поиска к дому. Они покрутились — никого нет, следов тоже. Дают знак: путь свободен!

Вошли во двор. Стали открывать дверь, а там щеколда как лягнет: дзины! Затаились, но тихо вокруг. Вошли в сенцы — они не заперты оказались. Начинаем тихонько в дверь стучать — никто не отвечает. Стучим еще. Слышим шаги. Потом женский голос спрашивает:

— Кто там?

— Свои!

— Ой, уходите! Тут немцы в деревне.

— Мы сейчас уйдем. Вы только скажите, кто там в углу на заборе висит и что тут у вас произошло.

— Это моя дочь и внучка, — плачет женщина за дверью.

Она рассказала о трагедии, которая произошла в деревне.

Немцы согнали всех рыть окопы. Дочь хозяйки дома обратилась к офицеру:

— Господин офицер! У меня бабушка больная лежит и ребенок маленький. Разрешите, сегодня моя сестра на работу пойдет, а я завтра.

Фашист выхватил младенца из рук матери и повесил на забор за распашонку. Женщина бросилась к нему, ее среза-ли автоматной очередью.

— Кто позволит себе что-нибудь подобное, того ждет та же участь, — на до-маном русском объявил фашист за-сгившим в ужас деревенским.

Делать нечего, надо уходить. Когда по-кидали деревню, забрезжил рассвет. Днем любые передвижения сопряжены с опасностью, поэтому решили отсидеться в лесу. Выбрали ель и укрылись под ее широкими ветвями. Весь день пролежали, прижавшись друг к другу — ни вы-рывать, ни огонь разводить, ни разговари-вать не разрешалось. Когда кончилась дневка, продолжили выполнение боевого задания. Часов в восемь вечера вышли на большую дорогу, ведущую к деревне. Решили попытать удачу здесь.

Часов в 12 ночи раздался шум мото-ра. Появились грузовик с тентом. Непо-нятно, что в кузове: то ли груз какой, то ли люди — пропустили.

Минут через двадцать еще одна маши-на идет. Двигается по направлению к де-ревне с соблюдением всех правил свето-маскировки. Разобраться, что за машина такая, луна помогла. Автобус! Даю коман-ду: брать!

Группа поиска выдвигается к дороге. Группа захвата остается со мной. Группа прикрытия блокирует пути подхода к месту засады. Как только автобус подиа-тил поближе, под передок ему полетела протivotанковая граната. Автобус встает на дабы и заваливается на бок. Тут же в салон летит еще одна граната. И следом за ней граната имитационная — простая болванка, с горящим куском биффордова шнура. Вреда от нее ника-кого, но волно врага на какое-то время парализует. Врываемся в автобус в го-товности к захвату языка. Ура! Среди пассажиров есть офицер, но вот незада-ча — он тяжело ранен осколками гра-нат. Умирает прямо на наших глазах.

Остаются на месте засады опасно, поэтому быстро отходим на место дненьки, под елку. Там переводим дух и уточ-няем дальнейший план действий. Я принимаю решение совершить налет на землянку, где ориентировочно находит-ся командный пункт врага. Сказано — сделано. Идем к траншеям.

Там все без изменений. Как вчера, перед входом в землянку маячит часо-вой. Снять его — два раза плюнуть. Уку-таный платками так, что только узкая щелочка для глаз видна, он как маячик

(Окончание на с. 6)

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВУТРЕННИХ ВОЙСК

НА БОЕВОМ ПОСТУ

№ 5 ♦ 2000

Издается с 1958 года

УЧРЕДИТЕЛЬ – МВД России

ИЗДАТЕЛЬ – Главное командование
внутренних войск

111250, Москва, Е-250,
Красноказарменная улица, 9а

Редакция вправе сокращать и литературно
обращивать принятые к публикации
тексты.

Редакция может публиковать материалы,
не разделяя точку зрения авторов.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

За достоверность фактов, имен
собственных, неразглашение тайны
отвечают авторы публикаций, за
достоверность рекламных объявлений –
рекламодатели, за качество печати –
типография.

Переписка с читателями ведется только на
страницах журнала.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятнический проезд, 8
Телефон для справок
361-81-71

Содержание

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

И. ВОРОБЬЕВ

В нашу победу верил всегда 1

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

В. ЯГОЗИНСКИЙ

Комсомольское: “Росичи” против “волков”
Гелаева 8

Бойцам группы седьмого отряда не повезло — досталось больше всех. Они шли впереди и первыми напоролась на засаду. Я им ору: “Отходите, мы вас прикроем!” А они не слышат, да и не могут двинуться — перекрестный огонь вжал в землю.

В. ЯГОЗИНСКИЙ

На войне как на войне 13

Комсомольское в огне. Темнота спустилась с гор быстро, почти мгновенно. Отблески пожарищ выхватывают из темноты разрушенные дома, по которым еще недавно били танки, САУ, работала авиация. По поступающей оперативной информации, часть банды Гелаева просочилась в этот населенный пункт. Однако пока основные события разворачиваются именно здесь...

К. АЛЕКСЕЕВ

По приказу, по совести 17

Он сначала даже не понял, что произошло. Где-то совсем рядом ахнул взрыв. Головная машина, судорожно дернувшись, замерла и занялась огнем. С брони посыпались солдаты. По ним с двух сторон ударили струи автоматных очередей, нашиповывая тела бойцов горячим свинцом.

А. ПЕТРОВ

Победу добудем в горах 22

СЛУЖБА

А. КИРИЛЕНКО

Две ипостаси генерала Рубцова 19

“Заключенным врагом чеченской нации” я стал, когда активно воспрепятствовал пропуску в Грозный молодежи из поселков Ачхой-Мартан, Шали и Урус-Мартан. Хаджиев со злостью в голосе мне говорил: “Это золотой фонд нации! А вы их не пускаете восстанавливать город, возрождать экономику”.

Ю. КИСЛЫЙ

Пяндж — река коварная 33

200 лет МВД РОССИИ

С. НЕСВЕТАЙЛО

Боевое знамя — военная святыня. 28

55 лет ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ

Е. БЕЛОВ

Снайперы войск НКВД в Великой Отечественной войне 38

П. СМИРНОВ

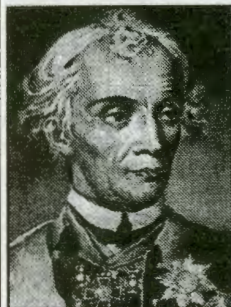
Умный в гору... пойдет. 40

Спокойствие величественных гор было обманчивым. Внезапно обстреляли дозор. Старший дозора, командир взвода связи, заметив бандитов, поддавшись искушению и стал их преследовать с тремя бойцами. Впереди ждала засада.

Ю. ДУРНЕВ

Ветераны 44

ЮБИЛЕИ

В. БАЛЯЗИН

Александр Васильевич Суворов 47

Он начал Швейцарский поход, ставший венцом его воинского искусства, вознесший его выше покоренных им альпийских вершин. И эту его лебединую песню справедливо назвали "орлиным полетом".

ЛИТЕРАТУРА

М. БОРИСОВ

Дымят призывно старые костры... (стихи) 52

В. РОСИН

Передовая. 54

Что и говорить, неисчислимые жертвы, горе и страдания принесло военное лихолетье. Трудные то выдалась годы, невероятно трудные. Но даже в самые черные времена мы верили в свою Победу. И она наступила, желанная, выстраданная...

Р. САЙГАНОВ

"Сладкая каторга" Валентина Пикуля 74

КАЛЕЙДОСКОП

Л. ЛЕЩЕНКО

Я вырос в богородском полку 75

Кроссворд 78

Врио главного редактора
УЛЬЯНОВСКИЙ В.Н.

**Редакционная
коллегия:**

АРТЮХОВ Е.А., АШУРКОВ И.А.,
ГЕРАЩЕНКО В.П.
(зам. главного редактора —
ответственный секретарь),
ДОМОЖИРОВ В.К. (зам. главного
редактора), ЕРМАКОВ П.И.,
ЖУРАВЕЛЬ В.П., КАМШЕКИН Н.В.,
КАРПОВ Б.В., КИСЛЫЙ Ю.П.,
КЛОЧКОВ В.И., КУДРЯШОВ В.И.,
ЛЕВКОВИЧ В.Г., ПАНЧЕНКОВ В.В.,
ПЕТРОВ А.А., СЫСОЕВ Н.Г.,
ТОНКОНОГОВ В.П., ФАТЕЕВ К.К.,
ШАРАПОВ Н.С., ЮРЧЕНКО С.П.

**Художественное
оформление**
КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка

БАРАНОВА В.А.
ПЕТРОВОЙ Л.А.
ЗАВДОВЬЕВА А.И.

Корректоры

БОГДАНОВА Е.А.
ГАВРИЛОВА Е.Ю.

На 1-й странице обложки фото
Ю.ТУТОВА

Благодарим
Государственный комитет РФ
по молодежной политике
за содействие в подготовке
иллюстраций этого номера.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и информации
Российской Федерации.
Регистр. № 01420.
Имеет приложения:
газету "Ситуация"
и сборник учебно-
методических материалов
"Войсковой вестник"

При перепечатке
материалов ссылка на наш
журнал обязательна

© Журнал
«На боевом посту», 2000

Сдано в набор 9.04.2000 г.
Подписано к печати 27.04.2000 г.
Формат бумаги 84x108 1/16.
Тираж 2900

Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,8.
Уч.-изд. л. 14,2. Зак. № 769.

Индекс
для индивидуальных подписчиков —
70610
для предприятий и организаций —
73175

Ордена "Знак Почета" типография
"Красная звезда".
123826, ГСП, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

(Окончание. Начало на с. 1)

ходит взад-вперед по установленному маршруту. Один из бойцов окликает часового:

— Хальт!

Немец поворачивается на крик, и в это время второй боец снимает его ударом ножа. Группа захвата — я по центру, по два человека справа-слева — врывается в землянку. Перед нашими глазами открывается картина — за столом сидит офицер. Рядом с ним, на ящике, солдат. Бинтом к голове у него приторочена телефонная трубка. Бросаюсь к офицеру, хватаю его за грудки и выдергиваю из-за стола на себя. Но обледенелые валенки предательски скользят по полу землянки, и мне ничего не остается делать, как бросить офицера через себя вместе со столом. В это время ребята мои освободились. Загнули фрицу салазки, рот заткнули кляпом, чтобы не орал. Командую:

— Уходим!

Один из моих разведчиков взваливает фрица на плечо и выносит на улицу. Уходим тем же путем, что и пришли. По дороге приказал бросить в трубу землянки, где грелся дежурный пулеметчик, противотанковую гранату. После взрыва никто из землянки не вышел. С собой прихватили пулемет.

Немцы очухались, когда наша группа уже подошла к своему переднему краю. Что тут началось! Пальба поднялась неимоверная. От осветительных ракет стало светло как днем. Но дело сделано.

Языка притащили к генералу Поленову. Он крепко обнял меня, расцеловал. Тут же вручил орден Отечественной войны:

— Вот тебе, новенький. А твоим героям — по Красной Звезде.

— **Иван Федорович, сколько боевых стажировок выпало на вашу долю? Сколько захватчиков вы уничтожили?**

— Три раза выезжал я на фронт со своей командой. Лично уничтожил 83 солдата и офицера. У меня сохранилось одно из командировочных удостоверений. Выдано в Загорске управлением 307-го стрелкового полка. Мне предписано убыть в распоряжение командира 371-й стрелковой дивизии. Основание — распоряжение командира 23-й отдельной бригады внутренних войск. День прибытия к месту командировки — 24 декабря 42-го. День убытия — 30 января 43-го.

Наша дивизионная газета "Боевая чекистская" за 4 февраля 1943 года рассказывает о наших подвигах. На снимке — младший лейтенант И. Воробьев на огневой позиции. Вот мои орлы.

Всего за время боевых стажировок снайперы бригады — к 43-му году все они находились под моим командованием — уничтожили 806 фашистов.

— **А у вас были потери?**

— Погиб только один наш товарищ. Фашистский снайпер перехитрил его.

— **Орден Отечественной войны, который вы получили из рук генерала Поленова, был первой вашей фронтовой наградой?**

— Нет, почему же. Боевое крещение принял в боях под Наро-Фоминском в декабре 41-го. Враг прорвал нашу оборону и вышел в район населенных пунктов Петровское, Юшково, Бурцево. Под угрозой оказались тылы и коммуникации 33-й армии генерал-лейтенанта Ефремова. На участок прорыва был брошен танковый десант. Нас так и называли — десантники-чекисты. Положение восстановили. Врага отбросили на исходные позиции. Наши потери в юшенковском бою — 4 убитых и 7 раненых. Подбит один танк. За этот бой получил свою первую правительственную награду — медаль "За боевые заслуги". Ее мне вручил в Кремле лично всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин.

В том же бою меня легко ранило. Пуля задела руку по касательной. О своем ранении никому не докладывал. Ротная медсестра втайне от командования делала перевязки.

— **Раз уж речь зашла о боевых наградах, какая из них для вас самая дорогая и за какие боевые заслуги вы ее получили?**

— Орден Боевого Красного Знамени. Получил его за бой с остатками 376-й немецкой пехотной дивизии. Как дело было? Разбитые под Яссами и Кишиневом войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов немецкие части и соединения, тысяч 10-15 их было, прорывались на юго-запад и запад, в Карпаты. Они перерезали шоссе Васлуй — Берлад и заняли станцию Красна.

После упорных боев с частями Красной Армии основные силы немцев отошли на запад и 31 августа 1944 года оседлали шоссе Баку — Фокшаны на участке станций Ракачуни и Саскут.

В это время два отдельных батальона нашей 23-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД по приказу военно-

го совета 2-го Украинского фронта совершали марш в Бухарест и Плоешти.

Когда немцы вышли к шоссе, наш 239-й отдельный стрелковый батальон находился на привале на южной окраине села Ракачуни. Здесь от офицеров Красной Армии и погранвойск охраны тыла 2-го Украинского фронта узнали: немцы перерезали шоссе в районе станции Негрени, сбили два наших самолета У-2, убили 19 человек из полка правительственной связи, разбили несколько следовавших по шоссе обозов, ранили подполковника, ехавшего из Баку в Фокшаны.

Мы выслали разведку в район станции Негрени с задачей выяснить состав, вооружение и намерения противника в этом районе. Вернувшись из рейда, разведчики доложили — основные силы немцев, остатки разбитой под Яссами 376-й пд, накапливаются на берегах реки Серет восточнее станции Негрени. Перед ними поставлена задача: двигаясь на запад, перерезать шоссе, уйти в Карпаты и, перейдя линию фронта, соединиться с немецкой армией.

Капитан Гамаюнов, заместитель командира по политчасти, принимает решение занять оборону и не дать противнику возможности перейти шоссе в западном направлении.

Моей роте была поставлена задача оседлать небольшую высоту, с которой контролировалось шоссе. Заняли позицию. Даю команду: окопаться!

Где-то часов в десять вечера немцы пошли в наступление на левом фланге батальона. Наши соседи встретили врага сильным огнем и заставили его вернуться на исходный рубеж.

Спустя два часа немцы предприняли еще одну попытку прорваться на левом фланге, но опять их встретили огнем. Дело дошло до рукопашной.

В два часа ночи пришел и наш черед. Вначале услышали ржание лошадей. Приказываю бойцам покинуть окопы на скатах высоты и спуститься вниз за шоссе, к кукурузному полю. Рота залегла. Через час завязал бой взвод лейтенанта Горячева — боевое охранение. Немцы ответили ураганным огнем минометов и артиллерии. Били по окопам, которые мы предусмотрительно покинули.

Немцы ближе и ближе. Уже в кукурузе треск автоматных очередей. Вот и сами автоматчики появились. Большинство из них — пьяные. Идут напролом.

Командую:

— Огонь!

Поливаем фрицев свинцом. Но, одурманенные алкоголем, они прут и прут — За Родину, за Сталина! Вперед!

Немцы не выдерживают нашего стремительного натиска и откатываются назад, за дорогу.

Передышка длится недолго. Опять начинается обстрел высоты. Немцы патронов не жалеют. Бьют почему-то трассерами. Зрелище красивое, но как хорошо, что нас в это время в окопах нет.

Закончив огневую подготовку, враг пошел во вторую атаку. И ее отбили. Правда, боеприпасов почти не осталось. У бойцов по несколько патронов на брата. Гранаты все вышли. В моем автомате патронов нет. Только в пистолете.

— Кто жив остался — ко мне!

Собрались в группу. В третью контратаку пошли уже без стрельбы. Патроны кончились.

Но ничего, выстояли. Когда рассвело, картина открылась жуткая. Всюду, куда глаз хватает, раненые и убитые. Над полем слышны стоны. Все поле стонет.

Приехал комбриг полковник Алексеев:

— Вот мы знали Куликовскую битву, а это битва Воробьевская!

Оказалось, в районе опорного пункта моей роты основные силы немцев прорывались, и нам выпала сама тяжелая участь.

После боя вырыли братскую могилу. Застелили ее плащ-палатками. На них бережно опустили тела погибших товарищей. Сверху опять же накрыли плащ-палатками — гробов на войне не делали. Некогда, да и не из чего было делать их.

На месте захоронения поставили обелиск с фамилиями погибших. Вряд ли он сохранился.

В книге "Внутренние войска в Великой Отечественной войне" еще один эпизод тех дней описывается.

"В 18.00 2.9.44 от разведки были получены данные, что противник силой до роты с обозом отходит с северо-запада в направлении с. Обрени.

Для перехвата отходившего противника в район южнее с. Обрени была выброшена 1 ср 239 осб. Достигнув указанного пункта, в 19.00 командир 1 ср лейтенант Воробьев перерезал дорогу отходившим, устроил засаду. В результате короткого боя были уничтожены 76 немцев и захвачен обоз с трофеями. Незначительная часть немцев ушла обратно".

Вот за эти дела меня и наградили орденом Красного Знамени.

— Где для вас закончилась война?

— Там же, в Румынии. В памяти ос-

талась встреча с королем Румынии Михаем. Сталин прислал ему в подарок два самолета. Мне, как начальнику караула объединенных войск, предстояло торжественно рапортовать румынскому монарху во время церемонии вручения сталинского подарка, причем обязательно на румынском языке. Мне нашли учительницу, и я долго репетировал этот доклад. До сих пор помню.

— Война закончилась, и вы...

— ... И я вернулся в Кузнецы. Была такая деревня под Москвой. Там во время боев на подступах к столице познакомился со своей будущей супругой Лидой. Тогда же и поженились. Расставаясь, сказал:

— Жди. Жив буду, обязательно вернусь. Слово разведчика!

И вернулся. Лида меня ждала. С дочкой.

В 46-м году меня направили в школу усовершенствования офицерского состава в Сортавалу. А после ее окончания — на Западную Украину, бороться с бандитизмом. Со мною поехала и моя семья. Поколесили мы по Львовщине изрядно. Тяжелое время было. Всякое случалось, но не унывали. Молодые были.

— Иван Федорович, говорят, вам довелось участвовать в выселении чеченцев в 44-м году. Расскажите, как все происходило.

— Где-то недели за две нашу бригаду сняли с охраны тыла Западного фронта, погрузили в эшелон и скрытно перебросили в Чечню. В район станци Асламбековская, Ассиновская, Серноводска. Местному населению было объявлено — выведены с фронта на отдых.

Сегодня, по истечении стольких лет, нет-нет да услышишь разговоры на тему: правомерно было выселение чеченцев или нет. Но в то время орудовавшие в тылу наших войск банды, состоявшие в основном из чеченцев, немало бед натворили. Они устраивали засады на дорогах, нападали на выведенные для отдыха и перестроения части и подразделения. И это в то время, когда шла битва за Кавказ! Битва, от исхода которой зависел исход всей войны. Немцам во что бы то ни стало нужна была кавказская нефть. И доберись они до нее...

Так вот, мою роту разместили в станции Асламбековской. Задача была поставлена такая: собрать всех мужчин на работы по расширению дорог. Чеченцы организовано собирались и выходили на работу. Хотя мужчины у них до этого

ничего не делали. Всеми делами по хозяйству заправляли женщины.

22 февраля в станицу прибыл комиссар госбезопасности Лябов. Местным властям приказал поставить трибуну на площади для митинга. Мне — два станковых пулемета. Один на колокольне, другой — в аптеке. Так, чтобы вся площадь была под прицелом.

23 февраля собрали все население на митинг. Представитель центра зачитывает решение правительства о выселении. Приказывает всем разойтись по домам, собрать вещи и ждать машины. Машинами их к эшелонам вывозили.

Следует команда:

— Сдать оружие! Огнестрельное сложить в одну кучу. Холодное — в другую.

На глазах выросли два вороха кинжалов и револьверов, обрезов и прочего огнестрельного оружия. Оружие было практически у каждого мужчины.

Нас инструктировали: делать все тихо, спокойно. Если из какого дома грянет выстрел, бросить в окно пару-тройку гранат и продолжать выполнять поставленную задачу.

Операция продолжалась всю ночь и к утру была завершена — чеченцы с их нехитрыми пожитками были погружены в эшелоны и отправлены в места не столь отдаленные.

Так же поступили и с ингушами.

Потерь за всю операцию не было. Только машина начальника штаба сорвалась в пропасть. Водитель погиб.

— Иван Федорович, вы следите за событиями в Чечне сегодня?

— Слежу. Можно, конечно, все было сделать по-другому. Но в данный момент у России другого выхода нет. Добивать бандитов до конца. Тем паче в горах попрятались одни головорезы. И большинство из них иностранные наемники.

— Иван Федорович, спасибо вам за интересный рассказ. Разрешите в вашем лице поздравить всех участников Великой Отечественной войны с 55-летием Победы. Пожелать вам здоровья, заботы о вас со стороны родных и близких, со стороны государства. Пусть не забывают вас нынешние защитники Отечества.

— Спасибо. Я в Победе не сомневался ни на йоту. Верю в Россию нынешнюю. Верю в Россию завтрашнюю.

**Беседовал полковник
Алексей ПЕТРОВ**

КОМСОМОЛЬСКОЕ: “РОСЛЧИ” ПРОТИВ “ВОЛКОВ” ГЕЛАЕВА

Мне приснился кошмарный сон. Будто меня в темноте снимают с бэтэра, перекалывают на носилки и несут под свет фар КамАЗа. Тентовый фургон стоит неподалеку от дороги. Вокруг суетятся люди. Руки у них почему-то в резиновых перчатках. А сами они в спешке надевают белые халаты и просят посторонних не мешать.

Склонившийся надо мной доктор качает головой и что-то говорит медсестре. Меня несут к санитарному фургону. Я чувствую запах сырой земли и остро-горький — крови. На соседнем бэтэре лежат неподвижные, словно замороженные, тела. Рядом с броней в молчании застыли бойцы.

— Что вы стоите как вкопанные! — кричит на них доктор. — Помогайте санитарам!

Солдаты зашевелились, обступили “коробочку”, принимая на руки скорбный груз. Узкие полоски света выхватывают из темноты

“двухсотых” со страшными ранами. У одного в глазнице набух огромный кровавый цветок. Мой взгляд будто прилипает к нему. Наконец усилием воли переключаю внимание на живых.

Вот собровец, раненный в ногу, отбивается от медсестры, убеждая, что ему не нужна помощь:

— Мне уже вкололи промедол, сестричка, работайте с другими!

Его обступили сослуживцы, и он начинает рассказ:

— Сволочи, заманили нас в ловушку. Бойцам группы седьмого отряда не повезло — досталось больше всех. Они шли впереди и первыми напоролись на засаду. Я им ору: “Отходите, мы вас прикроем!” А они не слышат, да и не могут двинуться — перекрестный огонь вжал в землю. Мы с Володькой забежали в дом, а на втором этаже — “чехи”. Я начал шмалять по ним из ПКМа. Одного завалил сразу. Тут кто-то из боевиков со двора гранату в окно бросил. Не попал. Граната разорва-

лась на улице. Я распахнул дверь и начал палить во двор — второй “дух” повалился на землю. Третьего достать не удалось — пулемет заклинило. Володька, молодец, подсобил — замочил гада! Тот, видимо, в рюкзаке нес боеприпасы — разнесло в клочья! Со второго этажа “духи” поперли на подмогу своим. Мы выбежали на улицу, прыгнули в неглубокий арык. Он нас и спас. Иначе бы снайпер пострелял, как куропаток.

А вот молодые парни в заляпанном грязью камуфляже, глядя на тела погибших, последними словами костерят “духов”: “Ублюдки, гады! Мы вас еще достанем, дайте срок!” И я верю, они сдержат обещание. Не могут не сдержать. Побывав там, на передке, под огнем бандитов, и потеряв своих товарищей, эти повзрослевшие на войне пацаны не успокоятся до тех пор, пока не отомстят.

Кошмарный сон продолжается. Тягуче-медленный, изнуряющий.

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Как на экране, прокручиваются кадры боя. Огонь по нам — со всех сторон, не дает возможности разогнуться. Спина ноет все сильнее и сильнее. Пули свистят над головами, срезают ветки деревьев. Забегаем в какую-то подворотню, где нас не достанет “духовский” снайпер.

— Ну что, писатель, — с сочувствием смотрит на меня подполковник Николай Лидов*, — попал в перешлет?

Да уж, ничего не скажешь, жарковато. Впрочем, что корреспондент! Это бойцы отряда специального назначения “Росич” бьются с “духами” не на жизнь, а на смерть. А мне, журналисту, по воле судьбы оказавшемуся рядом с ними, выпала всего лишь роль наблюдателя.

Здесь, во дворе, спокойнее. Относительно, конечно. Грохот стоит адский — ни минуты передышки. Выглянув из-за укрытия, замечаю раненого. Его втащили во двор и положили на землю. Из запрокинутой головы обильно струится кровь. Док быстро накладывает повязку, вкалывает в ногу промедол. Но, увидев, что изо рта солдата пошла слюна, а тело забилось в конвульсиях, качает головой — не жилец.

Мне вдруг нестерпимо захотелось выпить. Не закусывая. Чтобы мозг хоть на мгновение отключился от реалий боя...

И тут я очнулся в палатке, ходившей ходуном под порывами холодного ветра. Ощупав себя, с облегчением вздохнул: цел, ранение лишь привиделось. Но только ранение, в остальном же сон один к одному продублировал горячие события, в которых мне довелось участвовать.

А память продолжала терзать душу, вновь и вновь возвращая к вчерашнему дню...

Спецоперацию по проверке паспортного режима в Комсомольском решено было провести повторно в силу непредвиденных обстоятельств. Рано утром 6 марта группа боевиков во главе с Русланом Гелаевым выходила с гор по направлению к селу. За-

става мотострелков засекала передвижение бандитов и обстреляла их. Уклонившись от боя, “духи” ворвались в Комсомольское. Его тут же блокировали. Ранее планировавшаяся операция в Алхазурово была отменена, все подразделения внутренних войск передислоцировались на северную окраину Комсомольского.

7.45. Глядя на село в этот утренний час, с трудом верю, что бандиты могут находиться там. Они что, дураки, самоубийцы? Сюда подтягиваются внушительные силы внутренних войск, с юга занимают позиции армейцы, начинают обстреливать южную окраину.

Пара “вертушек”, заходя по кругу, долбит ракетами выходы из Комсомольского и предгорья. Где-то там содрогается земля.

8.00. Вертолеты уходят на базу. В сторону села направляются два бэтра с разведчиками. От их работы во многом зависит успех операции по уничтожению “волков” Гелаева.

Местное население покидает насиженные места. Старики, женщины, дети, мужчины — все спешат убраться подобру-поздорову, таща за собой разнообразный скарб. Для них отвели безопасное место, где мирные люди могут переждать бой.

8.15. На КП приехали представители местной власти. Их встречает комендант Урус-Мартана. Разговор носит ритуальный характер.

Чеченская сторона, как всегда, оправдывается: мы, мол, не виноваты, что бандиты зашли в село. Комендант упрекает. А толку? “Духи” закрепились в домах, и теперь сломить их сопротивление будет не так-то просто.

8.50. Силы спецназа сосредотачиваются на дороге, ведущей в Комсомольское. Все готовы к началу операции. Командир “росичей” подполковник Игорь Семенов ходит вдоль колонны, отдаёт последние распоряжения. Основная задача “спецам” уже поставлена. Все группы знают, на каких направлениях предстоит действовать. Вчера они проводили зачистку в селе. Но пройти его до конца не успели. Сегодня предстоит доделать ту же работу. Только в другой обстановке. С боем...

9.00. Звучит долгожданная команда. Трогаемся. Дорога сворачивает направо. Впереди узкий мосток. Щелкая предохранителями, бойцы и офицеры переходят по нему в пешем порядке. Группы “Назара”, “Джафа”, “Соболя” и “Птицы” рассредоточились по своим направлениям.

“Гром” — “Назару” (подполковник Семенов руководит действиями подчиненных по рации): “До первого перекрестка — вперед!” Вслед за “Назаром” указания получают командиры других ГСН.

Бойцы двигаются быстро. На спех осматривают дома — лишь бы людей не было. Вчера здесь уже за-

*Некоторые фамилии изменены

чищали. Да и следом пойдут милиционеры. Более детальная проверка в их компетенции.

9.40. Закрепились на втором перекрестке. Я иду вместе с группой "Соболя" — капитана Валентина Сиротина. Здесь "Гром" принимает доклады от командиров групп и указывает следующий рубеж — третий перекресток. Если б знать заранее, что за ним последует!

9.50. Во всех четырех домах на перекрестке засели бойцы "Соболя". По радиации доложили, что к нам на "уазике" движутся парламентарии. Боевики согласились вести переговоры о выдаче четырех пленных армейцев.

Подъезжает "уазик". Три небригных чеченца с белым флагом просят офицеров сопроводить их до армейской заставы. Боятся, как бы не перестреляли, приняв за бандитов. "Езжайте сами. Мы предупредим по радиации, вас не тронут", — говорит командир. Ему сейчас нельзя отвлекаться от управления действиями отряда.

9.55. Группы начинают движение от уравнительного рубежа — третьего перекрестка к окраине Комсомольского. Иду за "Соболем" и "Громом". И вот тут начинается. По всему фронту — справа, слева и по центру — "духи" влупили из автоматов, пулеметов и гранатометов. Работает снайпер. Все присели. Кто ползком, кто перебежками уходят под прикрытием железных ворот. Шум боя нарастает. Спецназовцы дают отпор.

10.10. Мне не видно, что происходит на левом фланге у "Назара" и на правом — у "Джафа". Слышу только: там тоже ох как горячо! Эфир словно взбесился. Из радиации "Грома" несутся доклады один тревожнее другого. По отдельным репликам понимаю: особенно тяжко у "Джафа". Да и "Назару" крепко достается. Еще при подходе к третьему перекрестку бойцы его группы повстречали мирных жителей, не успевших покинуть село. Они предупредили: в правом доме боевики. Как потом выяснилось, только в одном этом здании на левом фланге против "спецов" выставили стволы 24 "духа". А это, согласитесь, не пу-

стяк. Но все-таки жарче было у "Джафа".

"Джаф" — позывной исполняющего обязанности командира первой ГСН лейтенанта Джафяса Яфарова. Вместе с ним группа насчитывала шестнадцать человек. Когда подошли к третьему перекрестку, Яфаров оставил позади себя подчиненных, а сам с младшим сержантом Николаем Емиковым, рядовыми Равилем Абдуллаевым и Александром Адамовым дозором выдвинулся вперед.

Бегло осмотрев первый дом, бойцы побежали дальше. Здесь, по замыслу командира, детально будут работать идущие следом. Во втором доме "Джаф" обнаружил подготовленную огневую точку — пулемет ПКМ стволом смотрел на улицу. Боевики, не ожидавшие быстрого появления военных, кучковались на втором этаже.

Заняв удобные позиции, спецназовцы приготовились к встрече с бандитами, которые поспешили вниз, на первый этаж. За считанные минуты восемь боевиков были изрешечены очередями. С этого момента на правом фланге разгорелся жестокий бой.

Перекресток плотно обстреливался из всех видов автоматического оружия и "шайтанок". Противостоять многократно превосходящим силам "духов" было крайне трудно. Но отважная четверка в течение часа не покидала захваченный дом. Держала оборону, не давая возможности боевикам продвигаться к перекрестку.

Озверев от дерзости наших бойцов и понесенных потерь, бандиты сосредоточили основной удар на доме, где была четверка "Джафа". После интенсивного обстрела из гранатометов оставаться в здании не представлялось возможным. Дом превратился в развалины.

Работавшие с группой Яфарова собровцы, попав в огневой мешок, отползли к полю за селом и залегли в неглубоком арыке. Видя, что дозор спецназа попал в серьезный переплет, они стали кричать "Джафу": "Отходите к нам! Прикроем!" Да, это был единственный шанс. Возвращаться к перекрестку себе доро-

же, можно угодить под огонь засевших в тылу "духов".

Лейтенант Яфаров принял решение: прорываться к собровцам. Пан или пропал! По его сигналу парни выпрыгнули со второго этажа и рванули к арыку. Но добежать им не удалось. Боевики простреливали буквально каждый метр, пришлось залечь на открытом месте... Никто из дозора больше не поднялся. Погибли и некоторые другие подчиненные Яфарова из числа тех, кто принял бой на перекрестке, не успев забежать в дома.

Затаив дыхание слушаем эфир. "Гром" — "Джафу": "Ты отходишь?" — "Не могу пока..." На этом связь с лейтенантом оборвалась.

"Абрек" — "Грому": "До "Джафа" дошел?" — "Сзади него. Приблизиться пока не могу, "духи" х...т из подствольников". "Назар" — "Грому": "Меня обходит слева..."

10.20. Подполковник Семенов докладывает "Первому" — руководителю спецоперации генерал-майору Григорию Фоменко, что отряд натолкнулся на ожесточенное сопротивление по всему фронту. Требуются резервы. Особенно на правом фланге.

10.40. Пальба не прекращается ни на секунду.

"Гром" — "Назару": "Видишь дом возле "Джафа"?" — "Да". — "Сколько до него?" — "Метров триста". — "Обстреляй из бэтра ближнее к нему здание. Лули по крыше, там гнездо снайпера".

11.15. "Гром" — "Соболку": "Ты отошел к третьему перекрестку?" — "Пытаюсь..."

Начинаем отходить. За соседним забором что-то грохнуло. Матперемат. Рядовому Антону Доронинову пуля попала в голову. Он прикрывал отход группы...

Бэтээр медленно ползет назад, к третьему перекрестку. Лица у бойцов сосредоточенные, злые. Через каждое слово — проклятье. Пули свистят и ковыряют землю совсем рядом. Дыхалка сбивается.

"Уроды, пидоры, скоты!" — это во дворе, за забором, подчиненные капитана Сиротина дают волю эмоциям. Раненого опускают на землю. Не могу оторвать взгляд от его головы. Череп сзади рвано рас-

колот на четыре части. Антон почти не реагирует, когда капитан Алексей Кубанов вкальвает ему в ногу промедол и накладывает повязку на голову, стараясь не задеть красные сгустки...

Чтобы не выходить на простреливаемую со всех сторон улицу, по которой вдобавок работает и "духовский" снайпер, бойцы выламывают сетку-рабицу и перетаскивают в соседний двор Антона. "Коробочка" медленно-медленно пятится по улице. Башенный пулемет изрыгает длинные очереди. Но огонь по нам не ослабевает.

Дальше дворами не пройти — каменная стена. Солдаты забрасывают участок улицы дымовыми гранатами. В едком тумане перебегаем до третьего перекрестка. Сердце готово выскочить из груди. Прошел час с того момента, как мы начали отсюда движение вперед. Час, промелькнувший как миг! Если б не делал пометки в блокноте, ощущение времени утратил бы напрочь.

11.50. Заняли круговую оборону. Семенов, пригибаясь, побежал вдоль забора на правый фланг, к тому месту, откуда можно было увидеть, как "Назар" пытается подойти на помощь группе "Джафа". Добраться до нее по-прежнему не удается. Метрах в сорока "духи" подорвали наш бэтээр. Пришлось опять отойти.

"Аллах акбар!" — ожила у кого-то радиостанция. "Пошел ты на ... со своим акбаром! — доносится в ответ. — Мой Бог накажет тебя моими руками! Живым не уйдешь". У кого-то из собровцев, находившихся рядом с нами, не выдерживают нервы: "Братишки, хватит с этим скотом разговаривать! Перейдите на другую частоту". В горячке боя не сразу сообразили, что к этому времени командир группы лейтенант Джафяс Яфаров погиб. Скорее всего именно его радиостанция попала к "духам".

12.00. Сидим в одном из четырех домов на перекрестке. Пальба продолжается. По стенам цокают пули, над головами проносятся трассеры. Стараемся не высываться без необходимости. Опять стреляет снайпер, не оставляет по-

пыток достать кого-нибудь из нас. По шиферной крыше дома то и дело царапают осколки и залетают к нам во двор.

Смотрю на солдат. Мальчишки пришли в себя, лица разгладились, посветлели.

Не умолкает радиостанция у подполковника Лидова. Он отслеживает эфир, готовый к действиям по первому приказу командира. "Гром" — "Назару": "Ты стоишь зади меня. Подтянись, технику оставь".

12.10. "Первый" — "Грому": "Отходи. Будет работать авиация и артиллерия". "Гром" — "Первому": "Не уйду, пока всех своих не выгашу".

12.25. На улице, за бэтээром, разорвалась граната подствольника. Бойцы засекли, откуда работал "дух", и пустили в ответ пять ВОГов. Гранатометчик заткнулся.

13.05. Идет корректировка огня. Бойцы отряда и собровцы обозначают свое местоположение ракетами и указывают дома, в которых засели боевики.

13.15. Начали бабахать танки. По радиостанции кто-то докладывает: снаряды ложатся хорошо. Но после нескольких минометных залпов попросили больше не обстреливать — возросла вероятность поражения от осколков.

13.45. Подполковник Семенов отправил к нам сержанта-контрактника Андрея Болдырева. Это пока единственный боец из группы Яфарова, которого под прикрытием дымовой завесы удалось выгнать из-под обстрела. Андрей получил касательное ранение в голову. Медик уже наложил ему повязку. Все обступили сержанта: интересно, что творится на правом фланге. Рассказ получается сбивчивый, путаный. Ясно одно: парням там гораздо тяжелее, чем нам.

Через час Болдырева отправили броней на КП.

14.45. Мужики из орловского СОБРа, расположившиеся в соседнем доме, чуть не попали в ловушку. Слева от перекрестка обосновались боевики. Девять бойцов отправились на разведку. "Духи" подпустили их поближе и обстреляли из пулемета. Собровцы едва ноги унесли. Капитан Сиротин посылает

"коробочку" к тому месту, где обнаружили себя бандиты. Пулемет бэтэера работает не переставая несколько минут. "Духи" с левого фланга больше не беспокоят. Попытка обойти нашу группу провалилась.

15.20. На правом фланге без изменений. "Грому" и "Назару" пока не удается подобраться к остаткам группы "Джафа". Опять начинают бить танки. Видимо, решено форсировать события. Все прекрасно понимают: ночевать в Комсомольском, среди "духов" — не лучший вариант.

15.40. Только выпрямился, разгибая затекшую спину, как нас опять обстреляли. Бандиты не дают расслабляться. Время тянется медленно. Уже не верится, что до наступления темноты выберемся отсюда.

16.20. Возле нашего дома оставился бэтээр. "Назар" под прикрытием брони ведет человек двадцать чеченцев. Эти старейшины Комсомольского изъявили желание вести переговоры с боевиками об обмене ранеными и убитыми. Их сопровождает помощник командующего группировкой внутренних войск "Запад" по работе с местным населением.

17.00. "Гром" — "Сотому" (позывной командира 100-й ДОН): "Начали договариваться об обмене на моем фланге. Прошу прекратить огонь!"

Парламентеры из числа старейшин и представителей местной администрации пошли огородами. "Духи" не захотели подпускать бэтээр. Гелаев пожелал вести переговоры только с "Громом".

Условия такие. Первое — прекратить огонь. Второе — во время обмена "Гром" должен стоять на дороге в пятидесяти метрах от боевиков и находиться под их прицелом на тот случай, если первое условие будет нарушено. Третье — четыре федерала во время обмена остаются в расположении боевиков, пока они не заберут своих. Семенов эти условия принял. Хотя, как я узнал потом, на КП к его решению отнеслись неоднозначно. Была реальная угроза захвата еще четверых заложников с бэтээром в придачу.

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

17.10. Начался обмен. Наша четверка выехала на броне вперед — туда, где еще недавно гремели выстрелы. Не трудно догадаться, какие чувства испытывал Игорь Семенов под прицелом “духовских” снайперов.

17.30. Откуда-то слева бухнули выстрелы. У бандитов не выдержали нервы. По “коробочке” влупили из гранатомета. К счастью, промазали. Семенов стоял не шелохнувшись, всем своим видом показывая, что к стрельбе на левом фланге не имеет никакого отношения. В это время командир 100-й ДОН сурово разговаривал с начальником штаба бригады, бойцы которой без приказа открыли огонь и чуть было не сорвали обмен. Через пару минут пальба прекратилась. Напряжение спало.

17.40. Раненых отправили на КП. Бэтээр пошел еще раз — теперь уже за “двухсотыми”. После этого настал черед боевиков. Только из одного дома, где бились “спецы” лейтенанта Яфарова, “духи” забрали шесть трупов и одиннадцать раненых. На направлении действий группы “Соболя” нашли еще восьмерых убитых. Какие потери были в глубине обороны бандитов, не известно. Но судя по выкрикам гелаявцев, которые доносились из радиостанции, наколошматили их там будь здоров.

Ближе к вечеру начался отход из Комсомольского всех участников спецоперации.

19.00. — 20.00. Стемнело. Медики работают в свете фар КамаЗа. Кому-то из раненых вкальвают промедол. Другим накладывают на ноги шины или делают перевязки. Некоторым помощь уже не требуется.

Отец Андрей (в миру Немыкин), который все время находился вместе с бойцами в группе “Соболя”, читает отходную молитву по убиенным и молится за исцеление раненых.

В стороне молча стоит невысокого роста солдатик. Если бы не боевая раскраска на лице — воробышек воробышком. Это рядовой Денис Чупенков. Он, рядовой Свиридов и сержант Болдырев — единственные уцелевшие из группы “Джафа”. Еще двое — рядовые Виталий

Мухин и Роман Чванов, получившие тяжелые ранения, эвакуированы в Моздок.

Дениса обступили собровцы. Он им рассказывает: “Когда “духи” перебили всех наших, я с пулеметчиком лежал в стороне, в небольшой канавке. Достать нас не могли — холмик прикрывал. А к себе мы их не подпускали. Отстреливались, экономя патроны. Командир забрал нас во время обмена”. Кто-то

из собровцев протягивает Денису пачку печенья: “Подкрепись, братишка, целый день ведь не ел”. Чушенков растерянно смотрит на пачку и не знает, что с ней делать. Потом, словно опомнившись, лихорадочно разрывает обертку и угощает окружающих.

20.00. — 21.00. В кашэемке на КП “Первый” проводит совещание. По словам генерала Фоменко, в Комсомольском уничтожено 86 боевиков. Какова была общая численность банды, захватившей село, точно не известно. Во время переговоров с Гелаяевым подполковник Семенов услышал: накануне первой спецоперации в Комсомольское заходило до тысячи боевиков. Перед началом боя 6 марта там их было до 600 человек. Но эти данные пока официально не подтверждены.

Неоспоримо одно: отряд “Росич”

оказался на самом трудном направлении. Боевики ждали нас на трех улицах, заранее оборудовав огневые позиции. Если бы лейтенант Яфаров со своими бойцами не принял на себя основной удар, проскочив в темпе третий перекресток, в огневой мешок угодила бы группа капитана Сиротина. Так мне объяснил “Гром”.

Утром отец Андрей отслужил панихиду. Спецназовцы молились

над пробитыми брониками и “сферами” тех, кто не вернулся из боя.

Несколько дней назад, когда мы познакомились с батюшкой, он сказал, что хочет в пункте временной дислокации дивизии поставить крест в память о погибших военнослужащих 100-й ДОН. После боя в Комсомольском в скорбный список на этом кресте будут внесены имена лейтенанта Джафяса Яфарова, сержанта Михаила Борисова, младшего сержанта Николая Емикова, ефрейтора Сергея Кузнецова, рядовых Антона Доронина, Равила Абдулаева, Александра Броничева, Юрия Гордеева, Дмитрия Морозова, Александра Никулина и Александра Адамова.

Подполковник
Владимир ЯГОЗИНСКИЙ

Фото Константина РАЩЕПКИНА

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

Комсомольское в огне. Темнота спустилась с гор быстро, почти мгновенно. Только что было светло, и вдруг под напором ветра мгла окутала равнину под горами, заволокла населенный пункт серыми хлопьями. Отблески пожара выхватывают из темноты разрушенные дома, по которым еще недавно били танки, САУ, работала авиация. В свете луны видно, как над селом клубится дым. Поднявшийся ветер сносит едкие облака в сторону Алхазурово. Там тоже, говорят, в ближайшее время станет неспокойно. По поступающей оперативной информации, часть банды Гелаева просочилась в этот населенный пункт. Однако пока основные события разворачиваются именно здесь...

На ТПУ, разместившемся в поле примерно в километре от Комсомольского, все идет своим чередом. У палатки медиков работают санитары и врачи. Им забот по-прежнему хватает. Под руководством подполковника медицинской службы Сергея Барышева люди в белых халатах продолжают оказывать помощь раненым. Неподалеку на но-

силках лежат прикрытые брезентом тела убитых военнослужащих. Под "груз 200" уже заказаны борта. Дежурный Ми-8 дожидается команды на вылет в Моздок. Одному из раненых необходима экстренная помощь вне полевых условий.

Возле тыловой палатки тоже суета. Оставшийся за зампотеха группировки внутренних войск "Запад" майор Сергей Красиков подсчитывает количество боеприпасов и горюче-смазочных материалов, оставшихся после дневных боев в Комсомольском. Офицер уже знает, чего и сколько следует заказать на утро, чтобы к исходу следующего дня не оказаться на нуле.

Кружком около потрескивающих поленьев сидят чумазы, в промасленных комбинезонах ребята из 93-го мехполка соединения, которым командует генерал-майор Яков Недобитко. Они в Комсомольском практически с самого начала специальной операции. И все это время живут здесь, в поле, возле костра, обгороженного от ветра ящиками из-под боеприпасов.

Не все еще танки вернулись из

населенного пункта. Некоторые экипажи остались там для прикрытия военнослужащих 33-й бригады, 12-го и 19-го отрядов специального назначения, а также бойцов ОМОНа и СОБРа, которым предстоит провести ночь в окружении боевиков. Задача у них одна — не допустить прорыва бандитов из Комсомольского до наступления утра.

На ТПУ за кружкой свежезаваренного чая расположились подчиненные капитана Виталия Лукьянчикова, исполняющего обязанности командира 2-й танковой роты. Сюда, под Комсомольское, удалось стянуть все, что осталось от подразделения. Все военнослужащие прошли закалку в боях под Грозным, где прикрывали действия бойцов софринской бригады. Здесь они выполняют, по существу, ту же работу. Выбивают "духов" из домов и прикрывают броней пехоту.

Под свист осветительных ракет, на которые уже никто не обращает внимания, ребята с философским спокойствием попивают чаек. Старший техник роты старший прапорщик Сергей Астахов, придав

голосу необходимую степень суровости, напоминает военнослужащим, что им перед отбоем предстоит еще немного потрудиться. Первым поднимается механик-водитель ефрейтор Руслан Шабуров. Оставшиеся возле костра смеются ему вслед: "Шайба пошел, неугомонный наш". Но смех мгновенно стихает, когда здоровенный Руслан оборачивается и небрежно бросает в сторону товарищей: "Кому тут смешно?". Все делают вид, что давно перешли на другую тему. После повторного напоминания старшего прапорщика Астахова у костра остается много свободных мест. Танкисты расходятся готовить технику к новому дню. Кто знает, что он им готовит?

Несмотря на поздний час, кое-где еще работают наши коллеги журналисты. Основная масса телевизионщиков давно улетела в Ханкалу перегонять отснятый материал. Задержались только единицы. Операторам не терпится доснять картинку догорающего Комсомольского. И никто из них не обращает внимания на чумазых ребят возле танков, на технарей, готовящих свои "коробочки" к очередному бою с "духами". А напрасно! Военнослужащие этой танковой роты 93-го мехполка — настоящие герои. Многие из них представлены к высоким государственным наградам. Подготовить документы на награждение орденом Мужества наводчика танка рядового Н. Никитина приказал лично командующий группировкой внутренних войск на Северном Кавказе генерал-полковник М. Лабунец.

... Военнослужащие 33-й бригады и 19-го отряда специального назначения медленно продвигались по одной из улиц Комсомольского. Спротивление бандитов возрастало с каждой минутой. Переждав обстрел авиации в укрепленных бункерах, "духи", как тараканы, высыпали из своих щелей и обрушили на военнослужащих шквал огня. Пришлось укрыться за ближайшими домами. Снайпер не давал нашим бойцам возможности поднять голову от земли. Продвижение к указанному рубежу приостановилось.

Командир группы вызвал по радиостанции подкрепление. Спустя пару минут из-за перекрестка, ляз-

гая гусеницами, на улицу выполз танк с бортовым номером "32". На помощь пехоте пришел экипаж, где наводчиком был рядовой Николай Никитин.

— Лучший наводчик второй роты — так о нем отозвался старший техник старший прапорщик Сергей Астахов, — проявил себя еще в боях в Старопромысловском районе Прозного, когда особенно тяжело пришлось бойцам софринской бригады во время сражений возле пятиэтажек.

Танк словно застыл на месте. Медленно начала вращаться башня. Ствол повернулся в сторону дома, откуда боевики вели наиболее интенсивный огонь. Под броней четко работали все члены экипажа. Спустя несколько секунд после занятия боевой позиции прогремел выстрел. Первый же снаряд лег точно в цель. Здание, в котором засели "духи", на глазах превратилось в развалины. Оказавшись практически на ровном месте, бандиты попытались перебежать в соседний дом. Однако они допустили серьезную ошибку, бросившись наутек всей группой сразу. Для наводчика рядового Николая Никитина это было лучшим подарком. Прогремел второй выстрел, и вся группа, кувыркнувшись в воздухе, больше не поднялась с земли. Когда пехота продвинулась вперед, военнослужащие насчитали восемь обезображенных трупов боевиков.

— Я сам танкист, — с восхищением рассказывал потом начальник оперативного отдела группировки внутренних войск "Запад" подполковник С. Тамбовцев, — и много метких выстрелов видел за свою службу. Но наводчик Коля Никитин меня просто поразил. Классный стрелок!

... Утро над Комсомольским уже занялось, и из-за гор показалось солнце. Подчиненные капитана В. Лукьянчикова получили задание. Все экипажи выехали накрытие действий "пехоты".

Танк с бортовым номером "016" прикрывал действия бойцов 33-й бригады и группы СОБРа. Узкие улочки не позволяли особо маневрировать, но экипаж, которым командовал рядовой Чуйков, успевал

четко откликаться на каждый маневр военнослужащих. Все это достигалось благодаря грамотным действиям механика-водителя сержанта Кузнецова.

До того как танк вышел на исходную позицию, собровцы уже успели положить нескольких "духов". Войдя в азарт, бойцы задумали перетащить трупы боевиков в свои боевые порядки. Однако из-за плотного огня не смогли к ним подойти. Тогда они попросили танкистов прикрыть их огнем и раздолбать бандитов, засевших в развалинах дома. В прицел наводчик рядового Укупоров видел боевиков, но поразить их непосредственно с позиции не мог — мешала кирпичная кладка забора. Пока командир экипажа рядового Чуйков уточнял у командира группы СОБРа задачи на действия танка в течение дня, механик-водитель рядового Кузнецов вывел "коробочку" из-за укрытия. Проехав несколько десятков метров, он заглушил мотор и пересел на место заряжающего.

Башня медленно повернулась на 90 градусов. Наводчик рядового Алексей Укупоров поймал в прицел развалины красного дома. Через минуту прогремел выстрел. Ответного огня по собровцам больше не последовало, и военнослужащие смогли вытащить трупы боевиков. Механик-водитель сержант Иван Кузнецов еще не успел вернуться на свое место, чтобы отогнать танк на боевую позицию, как прогремел выстрел. "Духи" метров с трехсот вупили по боевой машине из гранатомета. Выстрел кумулятивным снарядом прожег броню как раз в том месте, где должен был находиться механик-водитель.

Иван Кузнецов в это время повернулся к Алексею Укупорову и попросил предупредить, когда в следующий раз будет стрелять, чтобы успеть отстраниться от казенника. Сразу после попадания снаряда в броню он увидел черный дым за спиной наводчика и почувствовал удар в ногу. В мозгу запульсировала мысль: "Только бы БК не взорвался!". В том, что снаряд попал в танк, сомневаться не приходилось. Вот только задет ли боекомплект? Если задет, то сейчас рванет и в радиусе 500 метров ничего не останется!

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Как по команде, и механик-водитель, и наводчик рванули наверх. Выбросив через открытые люки автоматы, Укупоров и Кузнецов начали вылезать на броню с левой стороны, где "духовские" снайперы не могли достать их. Когда они сползли с башни, раздался второй выстрел из гранатомета, и на броне, чуть левее первой дырки, образовалась вторая. Как раз там, где в передней боеукладке находилось еще 16 снарядов. Это ускорило десантирование военнослужащих.

Дождаться приближения боевиков к неподвижному танку сержант Кузнецов и рядовой Укупоров не стали. Не стовариваясь, они что есть силы рванули к соборцам и бойцам 33-й бригады. 50-60 метров войны благополучно преодолели со спринтерской скоростью.

— Бейте по командирскому люку! — прокричал сержант Иван Кузнецов. — Он открыт, "чехи" через него попытаются пролезть.

Механик-водитель не ошибся. Боевики намеревались подойти к танку, но проникнуть в него не смогли. Военнослужащие вели настолько плотный огонь, что "духам" не удалось завладеть техникой.

После оказания первой медицинской помощи (у сержанта Кузнецова было осколочное ранение ноги, а у рядового Укупорова — множественные осколочные ранения мягких тканей ягодиц и мышц спины, поэтому его пришлось срочно эвакуировать на ТПУ к медикам) механик-водитель и командир экипажа рядовой Чуйков бросились под прикрытием 31-го танка вытягивать подбитую "коробочку". Кузнецов пролез под днищем подбитого танка, закрепил трос за крюк и, запрыгнув на свое место, начал выравнивать машину по ходу движения. Танк удалось вывести.

Уже оказавшись на безопасном удалении от "духов", военнослужащие поняли, насколько им повезло. Во-первых, они не получили контузии, потому что люки были открыты. Во-вторых, не рванул боекомплект. А в-третьих, повезло больше всех механику-водителю сержанту Ивану Кузнецову. Если бы во время попадания первого снаряда он находился на своем месте (они это потом четко определили, протолкнув в дырку на броне металлический прут), снаряд поразил бы его в грудь. Как говорится, судьба на этот раз оказалась благосклонной!

... Когда все задачи, поставленные старшим техником роты старшим прапорщиком Сергеем Астаховым, были выполнены, сержант Кузнецов показал мне танк с двумя отверстиями откумулятивного снаряда. Я удивился: почему Иван, получив ранение, отказался от госпитализации. Тем более что маленький осколок, засевший в ноге, извлечь так и не удалось.

— А-а, все обойдется, — с мальчишеской беспечностью махнул рукой военнослужащий, — мне каждый день делают перевязки, так что ранка не загноится. А тут людей не хватает.

Старший прапорщик С. Астахов подошел к нам незаметно.

— Ты опять треплешься! — с напускной угрозой в голосе набросился он на подчиненного. — А ну-ка марш отсюда, готовь технику к завтрашнему дню!

Когда Иван, нисколько, кстати, не обидевшись на командира, отошел в сторонку, Сергей Витальевич обратился уже ко мне:

— С этими ребятами я прошел Грозный. От роты, правда, осталось всего 16 человек. Остальные не захотели продлевать контракт. После боев в Старопромысловском районе, когда погиб наш военнослужащий, его мать прислала в часть письмо, проклиная всех офицеров и солдат за гибель своего сына. Так и воюем по сей день с этим проклятием.

... Когда я улетал из Комсомольского, перед личным составом "проклятой" роты стояло еще много задач. Следующий день не сулил им спокойствия. В населенном пункте оставалось достаточно много боевиков. И танкистам предстояло хорошо поработать, чтобы к утру следующего дня вся техника была готова к боевым действиям.

Подполковник
Владимир ЯГОЗИНСКИЙ
Фото Константина РАЩЕПКИНА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ И БЕЗОПАСНОСТИ

Так называлась III Всероссийская научно-практическая конференция, прошедшая 4 — 6 апреля в Санкт-Петербурге, в стенах Военно-Морской академии. На пленарных и секционных заседаниях были рассмотрены проблемы военной и национальной безопасности России, вопросы создания боевой экипировки, средств индивидуальной защиты, защиты экипажей и расчетов боевых машин, инженерной защиты важных государственных объектов, в том числе ядерных центров, учреждений Банка России и многих других. Всего было представлено около 400 докладов из более чем 90 учреждений и предприятий, научно-исследовательских и учебных заведений Минобороны, МВД, Минатома, МЧС, ФСБ, Минюста, налоговой полиции и других министерств и ведомств.

Важность обсуждаемых на конфе-

ты, предметы экипировки, снаряжения и обмундирования — хорошо знакома военнослужащим внутренних войск МВД России, выполняющим служебно-боевые задачи в Северо-Кавказском регионе.

Председатель организационного комитета конференции генеральный директор Российского агентства по обычным вооружениям Александр Ноздра-

чев назвал исключительно важной задачей для национальной безопасности России создание Федеральной целевой программы разработки и внедрения перспективного носимого вооружения, экипировки и специального оснащения, обеспечивающей превосходство их технического уровня над зарубежными аналогами на период до 2015 года.

Сборник тезисов научных докладов, представленных на конференцию, издан альманахом-приложением к журналу "Защита и безопасность". Участники представительного форума обменялись опытом внедрения научных разработок, ознакомились с экспонатами выставки.

На открытии конференции выступил губернатор Санкт-Петербурга Владимир ЯКОВЛЕВ, в кулуарах конференции мнениями обменялись начальник Военно-Морской академии адмирал Василий ЕРЕМИН, генеральный директор НПО Специальных материалов профессор Михаил СИЛЬНИКОВ, специальный корреспондент журнала "На боевом посту" полковник Борис КАРПОВ и главный редактор журнала "Защита и безопасность" Андрей ЕВДОКИМОВ (справа налево), в зале заседаний конференции присутствовали военнослужащие, представители многих силовых ведомств.

Фото Павла МАРКИНА

ренции вопросов и своевременность ее проведения особо подчеркнул в своем выступлении перед участниками научного форума губернатор Санкт-Петербурга Владимир Яковлев.

Главными организаторами конференции, как и в прошлые годы, выступили Российская академия ракетных и артиллерийских наук (РАРАН) и НПО Специальных материалов, чья продукция — индивидуальные средства защи-

ПО ПРИКАЗУ, ПО СОВЕСТИ

— Думаю, задача ясна. — Начальник караула еще раз оглядел строй прапорщиков, останавливаясь, глаза в глаза, на каждом, словно желая на все сто убедиться в готовности к выполнению боевой задачи, к охране важного государственного объекта. — И последнее: сами знаете, какая сейчас обстановка, так что за подступами к посту следите постоянно... Вдруг бесхозные сумки появятся или что подобное. В общем, не расслабляться!

— Не расслабляться, мужики! — Геннадий Нечаев еще раз оглядел свой “могучий” взводный опорный пункт, что расположился у поселка Алхан-Чуртский.

Неподалеку аэропорт Северный — вожделенная цель грозненского бандитского подполья. “Духи” нередко прощупывали заставы, “контроли” выстрелами исподтишка. Самый матерый из контрактников, Геннадий, понимал, что расслабуха бойцов может выйти для них боком. Поэтому стараниями его солдат опорный пункт был превращен в маленькую неприступную крепость, которая пока (тьфу, тьфу, тьфу!) прощупывалась, он это чувствовал кожей, лишь вражескими взглядами. Двадцать четыре часа напряжения, неисчезающее чувство опасности, готовность в любую минуту действовать по-боевому — все это тяжким грузом лежало на его плечах. Но именно этот крепкий сплав воли, ответственности, самообладания и сберегал в те долгие месяцы войны.

Даже когда выпадали минуты отдыха, мысли контрактника Нечаева были отнюдь не безоблачными. Поначалу не давал покоя вопрос — нужна ли была эта война? Сомнения отпали, когда раз, другой, третий побеседовал с бедолагами русскими, пережившими все ужасы дудаевского режима. Грабежи, издевательства, убийства, голод... Зачистка криминальной Ичкерии была необходима. Это он пони-

мал не только как честный российский гражданин, как верный присяге военный. Нечаев много лет проработал в органах внутренних дел и со всякого рода нечистью успел уже изрядно навоюаться. Здесь, в Чечне, он воочию увидел, что дудаевские “гвардейцы” — отъявленные бандиты. И воюют они не за независимость Ичкерии, не за торжество ислама даже, а за свое право безнаказанно грабить и

убивать. И наши войска, которые вели с ними тяжелые бои, освобождали от моджахедов города и села, были единственным заслоном произволу и беззаконию, способному, подобно раковой опухоли, поразить другие регионы страны. А его 31-я застава была частью этого щита, сберегающего Россию.

Судьбы русских в Чечне были близки ему еще и потому, что сам однажды почувствовал себя изгоем в собственной стране. Жил в Латвии. Работал в милиции. Все вроде бы шло своим чередом, спокойно и безоблачно. Как-то незаметно он и его русские товарищи стали в Прибалтике людьми второго сорта. Все чаще он слышал по радио, по ТВ-ящику, на каких-то митингах

слово “оккупант”. А когда во время дежурства в городе хватал и вез в отделение очередного хулигана, дебошира, воришку, то и эта пушера уже пуляла в него, вперемежку с матерщиной, этим черным словом, пришедшим из той, давней войны.

Уехал к родственникам в Россию. И тут жизнь была для большинства несладкой — немереные цены на все необходимое, безработица, множество нищих на улицах. Геннадий с его многолетним милицейским опытом работа нашлась — стал охранником в одном из ЧОПов. Теперь ведь как — все все от всех охраняют всеми возможными способами. Но несмотря на относительное материальное благополучие, душевного покоя и равновесия он не обрел. Как-то противно было ощущать себя в роли сторожевого пса, стерегущего чужое, зачастую нажитое несправедливым путем добро. Привыкший честно служить государству, Геннадий не мог заставить себя угождать и подобострастно заглядывать в глаза хозяину в ожидании своевременной оплаты.

Началась война в Чечне. Он стал рассуждать по-мужски категорично и верно: там гибнут восемнадцатилетние пацаны, а я охраняю за сытные харчи тех, от кого надо бы охранять государство. Несмотря на отговоры родственников, пошел в военкомат. Оттуда отправился в знаменитую теперь 205-ю отдельную мотострелковую бригаду.

6 августа 1996 года. Для всех тех, кто был тогда в Грозном, день этот будет черным. Боевики пошли со всех сторон, по всему городу ожесточенные бои. 8-го числа батальону 205-й бригады была поставлена задача выдвинуться в район президентского дворца, где билось в окружении одно из подразделений Объединенной группировки.

Колонна, миновав мост, втягива-

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

лась в пригород, наполняя тесное пространство улиц лязгом и грохотом. Боевые машины пехоты, оцетинившись стволами пушек и пулеметов, медленно катили вдоль домов частного сектора, вдоль дощатых, железных и кирпичных заборов с наглухо запертыми воротами и калитками. Где-то невдалеке вовсю гремели взрывы, глухо стучали автоматы. Улицы, еще недавно наполненные типично южной суетой, сейчас будто вымерли. Он знал, что кто-то из жителей в одночасье устремился прочь из охваченного пламенем города, а кто-то, напротив, вытащил из укромного местечка свой ствол и уже целился в российского солдата.

Сидя на броне, Нечаев напряженно всматривался в проплывающие строения, близкие заросли виноградников, в узкие проулки между высокими добротными оградами, стараясь унять неутраченную тревогу. Он знал: в любое мгновение по ним может жакнуть гранатомет, ударить пулеметная очередь. Внимательно просеивал эфир — среди переговоров узнавал четкие команды комбата. По мере продвижения к центру они становились все резче и злее. Геннадий чувствовал приближение какой-то развязки, конца тревожных ожиданий...

Он поначалу даже не понял, что произошло. Где-то совсем рядом ахнул взрыв. Головная машина, судорожно дернувшись, замерла и занялась огнем. С брони посыпались солдаты. По ним с двух сторон ударили струи автоматных очередей, наспиговывая тела бойцов горячим свинцом. Он прыгнул с брони, прижимаясь к земле, и высматривал, где найти хоть какой-то защищенный ее кусочек.

Нашел непростреливаемый закуток. Сразу понял, что положение их отнюдь не выигрышное: перед "духами" они как на ладони, и "духов" этих изрядно укрылось в домах вдоль улицы. Засаду готовили заблаговременно, тщательно — отрыты окопы, огневые точки на чердаках надежно защищены.

РПГ — страшное оружие в условиях уличного боя. Несколько боевых машин в считанные минуты были подбиты. Остальные пытались пробиться в окрестные улицы, но и там их настигали гранаты, прошивали броню, глухо взрывались внутри, кромсая эки-

пажи. Нечаевской БМП повезло больше других — она шла в замыкании, не попала под основной удар "духов", нацеленный в голову колонны. Путь назад еще не был отрезан, и первой мыслью Геннадия было — уходить. Каждый квадратный метр впереди был пристрелян боевиками, и рваться вперед напролом означало почти наверняка погубить и себя, и товарищей из экипажа. Дай он команду на отход — никто бы его не упрекнул. И все же Нечаев принимает иное решение.

— Надо вперед, — сказал он солдатам, — но грамотно. Там пацаны раненые, если сейчас не подберем, то "чеchi" их добьют.

Вперед пошли короткими перебежками, укрываясь от шквала свинца. Как назло, замолчала пушка БМП, и только пулеметы строчили метко.

На очередном отрезке метров в десять перед бойцами грохнуло едва ли не десять гранат. Не успевали осесть взметенная взрывом земля и гарь, как новый черный фонтан вставал перед глазами. Одна из гранат взорвалась совсем рядом. На мгновение Геннадий задохнулся, оглох, ослеп. Лишь последним усилием воли удержал сознание. Когда с глаз спала красная пелена, обернулся к солдатам, разлепил губы, изобразив некое подобие ободряющей улыбки: "Ниче, парни, продвеемся!"

Опутив себя вполне живым, сообщил, что ему по большому счету повезло — отделался контузией, да осколок саданул в бедро.

К своим раненым они пробились. "Утрамбовывали" бедела в десантный отсек, грузили сверху на броню. "Кажется, все", — отметил Геннадий и, волоча ногу, полез на броню последним.

После он долго вспоминал, да так и не вспомнил, фамилию того "меха", что чудом сумел вырваться из огневого мешка. Называли того парня просто "танкист", поскольку пришел он к ним из танкобата. Таких, немногословных и деловых, отчаянных и мастеровых на чеченской войне было большинство.

Ох, много полегло в том бою — полгруппы, считай. Не выжил и комбат подполковник Андрей Сканцев, скончавшийся на глазах Геннадия уже в госпитале.

Узнав об очередном "перемирии",

увидев на экране телеящика самодвольную физиономию амбициозного "генерала-миротворца", вокруг которого бесновались боевики с криками "Аллах акбар!", Геннадий Нечаев аж зубами закричал: "За что парней положили?!"

Даже не возмущение он чувствовал, этот раненый нестарый фронтовик, а какую-то опустошенность, усталость. Они со временем отступят, оставив в сердце осколок острой боли за погибших друзей. Там она, эта боль, под тяжелым серебряным крестом ордена Мужества, который получил Геннадий за тот крошечный бой в Грозном...

* * *

После того боя был еще затяжной, вплоть до Нового года, вывод 205-й бригады в Буденновск. Вывод — это официально. На деле же бригада была просто брошена на произвол судьбы. Солдаты и офицеры, словно вокзальные бомжи, ютились в списанных железнодорожных контейнерах, мерзали в палатках без печей и кроватей. Нужно было выжить и здесь, уже на обочине войны.

Вот почему, когда предложили поступить на службу во внутренние войска, Геннадий Нечаев согласился. Взвешников он хорошо узнал на войне, искренне уважал за смелость и порядочность.

И потянулась служба в части по охране важных государственных объектов, где принцип простой: "Через день — на ремень". Он не рошчет на судьбу, государственный человек прапорщик Геннадий Нечаев. Он служит...

* * *

Инструктаж завершился. Прапорщики получали оружие, строились в тесном коридорчике, слушали боевой приказ. Приняв караульное помещение, Нечаев присел за стол, чтобы сделать записи в служебных документах. Мелькнула мысль: "Как там наши в Чечне? Вроде по-другому теперь воюем. Может быть, попроситься туда, за братишек с "духами" поквитаться? Ладно, поглядим... Сейчас надо посты проверить..."

Прапорщик Константин АЛЕКСЕЕВ

Московский округ
внутренних войск МВД России

ДВЕ ИПОСТАСИ ГЕНЕРАЛА РУБЦОВА

Генерал-лейтенант запаса Игорь Николаевич РУБЦОВ во внутренних войсках личность известная. Он родился 24 марта 1945 года в селе Авдеевка Донецкой области. В 1963 году поступил в Орджоникидзевское военное командное училище МВД СССР. После его окончания был направлен в дивизию им. Ф. Дзержинского, где с 1966 по 1994 год (с перерывом в один год) проходил службу в должностях командира взвода и роты, начальника штаба батальона. Закончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, был начальником штаба и командиром полка, заместителем командира дивизии. С 1991 по 1994 год был командиром ОМСДОН.

Следующие ступени служебной лестницы — заместитель командующего Московским округом внутренних войск, начальник Управления мотострелковых и специальных моторизованных частей войскового Главка, заместитель командующего внутренними войсками МВД России.

В настоящее время генерал-лейтенант запаса Игорь Николаевич Рубцов возглавляет Московскую организацию инвалидов внутренних войск.

О событиях прошлой чеченской кампании и делах насущных с ним беседует наш нештатный корреспондент капитан Александр КИРИЛЕНКО.

— Товарищ генерал-лейтенант, давайте вспомним 1995 год. Чечню: Ханкалу, Грозный. Как вы оцениваете действия наших войск в тот период? Все ли было сделано командованием Объединенной группировки федеральных войск, как задумывалось?

— Договоримся сразу — я отвечаю только за свои действия и приказы. Я прибыл в Грозный 20 января 1995 года с целью размещения там войсковых комендатур, которые создавались по приказу МВД. В чеченской столице было еще большое количество местных боевиков и наемников. Их планы нетрудно было предугадать — затаиться, ждать удобного для этого момента. Мы работали в двух районах города — в северной и восточной частях Грозного. Создали комендатуры, которые занялись установлением связей с местным насе-

лением, формированием актива районов, раздачей гуманитарной помощи, подключением электричества и обеспечением водой. Надо было привлечь к работе местное население, сформировать районные администрации, создать органы внутренних дел из лояльных к России чеченцев. Всего к марту 1995 года было создано пять комендатур. К этому времени федеральные войска нанесли чеченским бандитам сокрушительный удар, пал и хорошо укрепленный их оплот — президентский дворец.

— Обстрелы, нападения на войсковые комендатуры были частыми?

— Вылазки бандиты совершали практически ежедневно. Ночной Грозный контролировался войсками очень слабо, у нас просто не было такого опыта. Но нападения боевиков — это лишь одна из многих проблем того пе-

риода. Был очень большой нажим на командование группировки и лично на меня со стороны хаджиевской администрации, в частности по поводу пропуска беженцев. Им нужна была полная свобода передвижения. А когда ужесточался контроль, шли звонки в Москву. Постоянно местные чиновники жаловались на военных в министерство. После этого приезжали высокие комиссии с проверкой... Действующим войскам эти комиссии помогли разве что поставками строительных материалов, но я этого леса мало видел, так как это была вотчина чиновников из хаджиевской, а потом завгаевской администрации.

“Заключенным врагом чеченской нации” я стал, когда активно воспрепятствовал пропуску в Грозный молодежи из поселков Ачхой-Мартан, Шали и Урус-Мартан. Хаджиев со злостью в голосе мне говорил: “Это золотой фонд нации! А вы их не пускаете восстанавливать город, возрождать экономику”. А этот “золотой фонд”, не долго думая, пронесил в чеченскую столицу стрелковое оружие, боеприпасы, обмундирование и продукты. Это все накапливалось, бандиты собирались с силами, чтобы ударить нашим солдатам и офицерам в спину! Кстати, и женщины-чеченки были весьма активны в пособничестве террористам.

Вот о чем я думал, стараясь на пути следования подобных “беженцев” выставлять наблюдательные посты и сопровождать “мирных” чеченцев разведчиками. Все равно некоторым из них удавалось миновать засады и секретеры — слишком мало у нас было сил, слишком громко кричали “правозащитники” и “миротворцы” о жесткости военных.

Боевики сосредоточивались, гото-

вили тайники с оружием, накапливали силы. В дневное время в Грозном было спокойно в течение марта, апреля и мая 1995 года. А вот в августе, сентябре и октябре "волки", почуствовав наши слабые места, стали активно действовать. Нападения на опорные пункты, КПП, отдельных военнослужащих случались практически ежедневно.

— Игорь Николаевич, вы можете взять часть вины за эти промахи на себя, как на заместителя командующего Объединенной группировкой федеральных сил?

— Вину брать на себя можно, но нужно знать ту обстановку, в которой мы работали.

— Информация, которую вы получали по своим каналам, была достаточной, объективной?

— Мне кажется, что глубокой разведки там не было, как нет ее и до сих пор! Но мы ни на одну секунду не позволяли бандитам, которым уже удалось окопаться в Грозном, расслабиться и почивать на лаврах. Специальные операции, в том числе и контртеррористические, проводили каждый день: защищали кварталы, анализировали ситуацию, серьезно отрабатывали различные вводные по складывающейся обстановке. Иногда характер этих действий был чисто милицкий — оцепление, проверка документов и тому подобное. Конкретной информации о нахождении складов с оружием не было. Или она была, но вымысленная.

— Товарищ генерал-лейтенант, а вы не пытались в свое время использовать для эффективного уничтожения чеченских бандформирований опыт, накопленный внутренними войсками в борьбе против националистов на территории Западной Украины, Белоруссии и Прибалтики?

— Хороший вопрос. Мне действительно по специфике своей службы приходилось изучать тот опыт, причем обобщенный высокопрофессионально. К опыту этому можно и нужно обратиться применительно к нынешней ситуации в Чечне, когда активных боевых действий уже не наблюдается, но оставшиеся разрозненные отряды бандитов продолжают нападения на колонны, отдельных военнослужащих, терроризируют местное население и готовятся к проведению террористических актов и диверсий в тылу феде-

ральных войск. Но об историческом опыте ведения борьбы против националистических банд в период с 1946 по 1953 год сейчас мало кто из ветеранов может рассказать: годы берут свое. И тем не менее наши военные архивы еще можно использовать как первоисточник.

— Что, на ваш взгляд, необходимо сделать, чтобы прекратить бандитский экстремизм на территории субъекта Российской Федерации?

— Я еще в ту чеченскую кампанию внес предложение соответствующим должностным лицам использовать исторический опыт 1917 года.

— ?..

— Вспомните, где были центры восстаний? В крупных городах, таких, как Москва и Санкт-Петербург. И несмотря на противодействие меньшевиков, эсеров и белогвардейцев, большевики сумели удержать власть в этих населенных пунктах. А потом профессионально защищали эти города. В 1995 году я предлагал хорошо закрепиться войсками в крупных населенных пунктах Чечни: в Грозном, Гудермесе, Шали и Аргуне. Иметь там укрытия для бронетехники, надежные железобетонные опорные пункты и КПП, что стали именовать блокпостами, закрепиться на направлениях и возможных путях ударов и отходов бандформирований, создать не одну, а десятки автономных застав вдоль Терека, которые бы не только защищали самих себя от нападений, а контролировали значительную часть территории Чеченской республики.

— Значит, для воплощения всех ваших идей в жизнь просто не хватало достаточных человеческих ресурсов?

— Нет, дело не в этом. Войска просто были распылены. И не было достаточного для такой войны опыта по взаимодействию между различными силовыми ведомствами. Сейчас все иначе. Подразделениями и частями Министерства обороны и МВД России уничтожены основные силы чеченских боевиков, ликвидировано большинство их баз, а уцелевшие бандиты загнаны далеко в горы. На местах созданы войсковые комендатуры и органы местной власти.

— Но есть и у нас слабые стороны?

— Я опасуюсь повторения ситуации 1996 года: нападений на колонны, на заставы, КПП. Коммуникации растянуты, и войска, случись что серьезное, будут метаться, прикрывая то один фланг, то другой. Я, конечно, не сторонник репрессивных мер, но и это надо держать в уме, когда речь идет о тысячах вооруженных преступников и их пособников. Ведь даже в годы Великой Отечественной войны войска НКВД эффективно действовали на отвоеванных территориях, создавая фильтрационные пункты. Сейчас этого нет. Но повторю еще раз — это мое личное мнение. Контингент, о котором мы говорим — дееспособная часть мужского населения, — состоит или из боевиков, или из подозреваемых в связях с бандитами. В течение 3 — 4 месяцев необходимо проводить соответствующую работу: фильтрацию, проверку документов. Очень важна оперативная работа... В прошлой чеченской войне 90 процентов населения нас не поддерживало. Кто нас сейчас поддерживает?

— Беслан Гантамиров...

— Я его знал лично, много общался. Этот человек любит свою землю. А еще больше любит власть. И личное участие в боевых действиях 1999 — 2000 годов определяет его дальнейший статус.

— Вы думаете, что Беслану Гантамирову будет предоставлена возможность занять в будущем правительство Чеченской республики ответственный пост?

— Может быть, он будет координировать деятельность всех правоохранительных органов республики.

— А вы уверены, что не повторится ситуация прошлых лет, когда бывшие генерал и полковник Вооруженных Сил Советского Союза фактически взрастили преступный режим в Чечне и выступили против конституционной власти? Не превратится ли Беслан Гантамиров в Дудаева № 2 или в еще одного Масхадова?

— Нет, этого не произойдет. Но Беслан будет отстаивать интересы той части чеченского населения, которая его поддерживала, поддерживает и будет поддерживать.

— Игорь Николаевич, вы являетесь председателем Московской городской организации инвалидов

Генералы И. Рубцов, А. Куликов и В. Тихомиров (слева направо) в штабе Объединенной группировки в Ханкале. Лето 1995 года

внутренних войск МВД России. Кто был инициатором ее создания?

— У истоков стоял бывший главнокомандующий внутренними войсками МВД России генерал-полковник Анатолий Афанасьевич Шкирко, который и пригласил меня после окончания службы возглавить Московскую городскую организацию. Я не мог не согласиться, зная, что организация создана для помощи нашим боевым товарищам, искалеченным в боях.

— Игорь Николаевич, какими были первые шаги новой организации, первые адреса конкретной помощи?

— Вместе с Игорем Александровичем Авдошиным, моим заместителем, стали налаживать контакты со всеми аналогичными организациями и структурами: сообщили о себе, позаимствовали опыт, нашли единомышленников. Стали, как говорится, множить ряды. Совместно с центральным управлением провели первые благотворительные акции уже в декабре 1998 года. Собрали конференцию инвалидов. Спасибо спонсорам (есть наши ветераны, которые считают своей обязанностью помочь нуждающимся боевым друзьям) за гуманитарную помощь на сумму около 300 тысяч рублей. Подобные акции были проведены к Дню внутренних войск 27 марта, к другим датам.

— Давайте назовем ваших едино-

мышленников и помощников, кому безразлична судьба инвалидов.

— Искренне хочу поблагодарить организации и фонды "Благодородство и вера", "Русь", "РиК плюс", "Родон", "Ветераны ОДОН".

— Знаю, что вы оказываете помощь также и Главному клиническому военному госпиталю внутренних войск, и частям родной дивизии.

— Да, дважды были с подарками в госпитале, отдельному медико-санитарному батальону ОДОН поставили медикаментов на десятки тысяч рублей. Ветеран дивизии полковник запаса Игорь Ковалев из "Родона" помог нам закупить большую партию цветных телевизоров, которые были распределены по полковым медицинским пунктам.

Названные мной организации установили персональные пенсии семьям погибших военнослужащих. Суммы небольшие, по 600-700 рублей в месяц, но выплачиваются они регулярно и, согласитесь, служат подспорьем в наше непростое время. Например, "РиК плюс" шефствует над четырьмя семьями, "Благодородство и вера" — над двадцатью, "Русь" многих поддерживает. "Ветераны ОДОН" взяли шефство над семьей капитана Малеева, вдова которого продолжает служить в дивизии. Время идет, и мы должны все сделать, что-

бы в частях не забыли ни своих павших героев, ни их семьи.

— Игорь Николаевич, какие задачи вы ставите перед Московской городской организацией инвалидов внутренних войск МВД России в обозримом будущем?

— Первое, что нужно сделать, — это создать несколько коммерческих предприятий, которые будут заниматься только производством, где смогут найти рабочие места наши инвалиды. На сегодня мы смогли трудоустроить 25 бывших военнослужащих внутренних войск. Как говорят в таких случаях: хорошо, но мало...

Необходимо возродить Главный учебный центр переподготовки офицеров запаса внутренних войск МВД России. В прошлом году мы выпустили около 65 офицеров, которые получили специальность менеджера или юриста. Это делалось по совместной с иностранцами программе. Теперь благое дело заморожено западными партнерами.

И последнее. Все вышеназванные программы будут действовать только тогда, когда во главу угла будем ставить девиз нашей организации: "Никто и ничто не должно быть забыто!".

— Что бы вы хотели пожелать читателям нашего войскового журнала?

— Быть всегда хорошо подготовленными для выполнения сложнейших боевых задач. Для этого, в числе прочего, необходимо, чтобы офицеры передавали свой обширный опыт молодому поколению. Офицерский состав внутренних войск подвергается ротации. Кадры молодеют, но вместе с тем зачастую теряется наработанное старшим офицерским поколением.

Думаю, что наши ветераны, в том числе и входящие в организацию инвалидов внутренних войск, могут еще послужить добрую службу. Слишком дорого и памятно нам то, чему отданы лучшие годы.

Фото Сергея КОЛЕСНИКОВА

Победу добудем В горах

Операция по штурму Грозного еще продолжалась. Штурмовые группы армейцев и внутренних войск выбивали последних боевиков из развалин города, и хотя сепаратисты дрались с упорством обреченных, участь их была предрешена.

— Все, “духам” в Грозном кранты, — прокомментировал происходящее знакомый офицер в Ханкале. — Теперь — горы.

Тогда, в феврале, грозненские события оттеснили горную войну на второй план. Хотя она уже давно велась в Веденском и Аргунском ущельях. Десантники, морпехи, пограничники, мотострелки и воины внутренних войск скромно делали свою нелегкую работу — седлали господствующие высоты, горные дороги и тропы. Боевики в вопросах тактики соображают не хуже наших командиров — учителя у них именитые, держались за них так же крепко, как и их поделщики в Грозном. Но в конце концов вынуждены были уступить суворовскому натиску федералов.

Из Ханкалы в Автуры, где разместились штаб командующего юго-восточным направлением генерал-майора Макарова и штаб

командующего Юго-Восточной группировкой внутренних войск генерал-майора Воронова, “вертушка” подбросила нас минут за двадцать. Еще на подлете к населенному пункту разглядели в иллюминаторы горы, в которых, по данным разведки, находилось 80 — 90 процентов боевиков. Некоторые аналитики чеченской кампании утверждают, что оборона Грозного с самого начала носила для Масхадова и полевых командиров чисто символический характер. Всю ставку они делали на войну в горах, где чеченцы чувствуют себя как рыбы в воде. С этим трудно согласиться. Упорная оборона города тому подтверждение. Грозный боевики защищали до последнего человека. Информация о том, что засевшие в горах отряды сепаратистов безучастно наблюдали за боями в столице, тоже не соответствовала действительности. Была бы возможность, они обязательно пришли бы на помощь своим. Но такой возможности у них не оказалось — армия и внутренние войска блокировали бандитов в горах и не позволили им участвовать в обороне города Джохара.

Когда дела у боевиков в Гроз-

ном не заладились, они взмолились о помощи. Но спуститься с гор на равнину, по мнению полевых командиров, было равносильно самоубийству. Подтверждение сказанному — данные радиоперехвата, которые нам показали в штабе Юго-Восточной группировки. Боевики жаловались осажденным: федералы обложили так, что мышь не проскочит.

2-я дивизия оперативного назначения (ДОН) внутренних войск обороняла на юго-восточном направлении участок шириной 85 километров. Классическое представление о линии фронта как о сплошной линии окопов здесь не подходит. Для этого не хватает ни сил, ни средств. Между взводными и ротными опорными пунктами зачастую нет даже зрительной связи. Но все бреши в обороне на моих глазах саперы прикрывали минными полями. На самых опасных направлениях выставлялись засады, посты наблюдения.

Командир 2-й ДОН полковник Андрей Николаевич Ползиков (здесь и далее должности офицеров указаны по временному штатно-должностному расписа-

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

нию) коротко рассказал об обстановке на вверенном участке.

— Завтра с утра работаю на передовой, — сказал в конце разговора. — Если хотите, возьму с собой.

На передке под Сержень-Юртом

Рабочая группа полковника Ползикова — несколько офицеров управления соединения — разместились на броне единственного бэтэера. Несмотря на легкий утренний морозец, никто не пожелал спускаться в теплое чрево бронированной машины. С брони легче вести наблюдение за местностью. Легче обнаружить противника.

Бронетранспортер, мягко покачиваясь на ухабах, пошел в сторону гор. Туда, где с головой закопавшись в землю, держали оборону наши солдаты.

Свой визит на передовую комдив начал с ротного опорного пункта, где оборону держали подчиненные капитана Ильи Сильченко. Отсюда на рассвете прилетела в Автуры бэмпашка рядового Валерия Тухватулина с ранеными. Рядового Виталия Тьжных снайпер ночью ранил в руку. Танкиста младшего сержанта Романа Михеева боевик

достал во время смены часовых на постах. Фельдшер батальона старшина Григорий Мелентьев оказал ребятам первую помощь и с рассветом эвакуировал пострадавших в медсанбат.

Комдив оборвал доклад ротного на полуслове:

— Лучше расскажи, как твоих бойцов ранили, при каких обстоятельствах.

Пошли на НП, где нес службу часовая. Полковник Ползиков настоял на проведении “следственного эксперимента” — для воспроизведения полной картины случившегося в окоп загнали бойца.

— Посмотри, ротный, он у тебя по пояс над бруствером торчит, — допекал капитана старший начальник. — Разве это окоп? Говорил же: зарываться в землю с головой! Тогда не будет потерь.

...Изо дня в день несут краснодарцы нелегкую, изнуряющую службу. Ожидание нападения противника изматывает. Не раз приходи-

лось слышать мнение: лучше воевать, чем сидеть и ждать, ждать, ждать...

Контртеррористическая операция затянулась. Многие из ребят давно выслужили установленные сроки. Самый распространенный вопрос: когда домой?

Проблема нешуточная: среди военнослужащих Юго-Восточной группировки немало подлежащих увольнению в запас, но заменить их некем. Командование группировки обратилось к ним не с приказом, а с просьбой: потерпите! Этого требуют интересы государства российского. Об этом просит Родина. Мальчишки терпят.

Закончив «разбор полетов», комдив уединяется с командиром роты на КНП. Надо уточнить систему огня, порядок взаимодействия, направления вероятного прорыва боевиков. Ротный опорный пункт, который занимают подчиненные капитана Сильчен-

(Продолжение на с. 26)

Реквием на Благовещение

Вот уже который год 7 апреля для софринской бригады внутренних войск — День памяти павших боевых товарищей. Девять лет назад в этот день в Нагорном Карабахе бригада понесла свою первую потерю. Прикрывая отход подчиненных и мирных жителей, погиб лейтенант Олег Бабак. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Первое — за период разрешения межнациональных конфликтов. Одно из последних — в разваливающемся Союзе. Четыре года спустя, в этот роковой день, в бою под Самаш-

ками бригада потеряла еще 10 своих бойцов.

В списке потерь бригады за две чеченские кампании — 74 солдата и офицера. Каждого погибшего вспомнили на митинге памяти. И все они тоже стояли в строю, глядя на своих боевых товарищей сквозь стекло, закрывающее цветные и черно-белые фотографии с траурной лентой. Они были на плацу вместе с друзьями, с матерями, со всеми, кто пришел в этот день к ним, к их именам, высеченным на холодном граните памятника.

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

Солдаты в камуфляже и фуражках выстроились в шеренгу. Каждый из них держит в руках портрет погибшего товарища. Они стоят на фоне здания, стены которого украшены плакатами и фотографиями. Ветер дует, и их пальто слегка развевается. Они смотрят вперед с серьезными, сосредоточенными лицами.

(Продолжение. Начало на с. 22)

ко, — на самом ответственном направлении. В стереотрубу мне дают понаблюдать за пионерлагерем “Чайка” на западной окраине Сержень-Юрта. Там до последнего момента находился лагерь известного полевого командира Хаттаба. И сейчас там есть боевики. База оборудована по всем правилам военной науки. На позициях постоянно дежурят наблюдатели. Время от времени боевики тревожат федералов беспокоящим огнем.

Соседи краснодарцев из 72-й гвардейской мотострелковой бригады на выпады боевиков отвечают не задумываясь. “Зушки”, танки, артиллерия лупят по “кукушечьим” гнездам, не жалея боеприпасов. На склоне горы, откуда работают снайперы, хорошо видны разрывы снарядов.

Краснодарцы тоже не молчат. Правда, их ответ поскромнее. Огневых средств маловато и боеприпасами не так богаты, как армейцы.

Полковник Ползиков интересуется, откуда обстреливаются наши позиции. Со стороны развалин. Комдив дает целеуказание командиру минометной батареи капитану Максиму Михайлову. Тот дает команду своим батареяцам:

— Расчет, к бою! — Миномет-

чики съпятся к своему 120-миллиметровому самовару. — Огонь!

Выстрел, и мина забирается высоко в небо, чтобы оттуда свалиться на голову невидимого отсюда врага.

Рядом с позицией минометчиков обосновался расчет АГС. Наводчик рядовой Евгений Попов с завистью наблюдает за своими коллегами артиллеристами. Если комдив решит проверить готовность гранатометчиков, они тоже в грязь лицом не ударят. Начальник рядового Попова, старшина-контрактник Захар Нерсесянц, в своем деле ас. Гранатомет без дела редко простаивает. Боевики нет-нет да проверяют бдительность федералов. Не только снайперы достают. Периодически противник устраивает вылазки, стараясь застать краснодарцев врасплох. Пока им это не удается. Одна такая диверсионно-разведывательная группа в предвкушении успеха подобралась к позициям почти вплотную. О чем потом и пожалела. У гранатометчиков каждая кочка, каждый кустик пристреляны. Когда неожиданно заговорил АГС, ученики Хаттаба побежали — только пятки засверкали. В буквальном смысле: на том месте, откуда обстреливал федералов пулеметчик боевиков, наши нашли сапоги и брошенную пулеметную ленту.

“Детям” гостинцы

Командиру следующего на маршруте инспекции РОПа старшему лейтенанту Владимиру Дрожжину тоже досталось на орехи от комдива. Якутские омовцы, стоящие контрольно-пропускным пунктом на дороге от Шали в Сержень-Юрт, расслабились. Мимо на виду у старшего войскового начальника спокойно продефилировала чеченка с мальчишкой. За собой они тянули санки с мешками. Путники уже миновали КПП, когда их догнали приведенные в чувство полковником Ползиковым якутчане. Женщина что-то говорила капэпэшникам, показывая рукой то в сторону Шали, то в сторону Сержень-Юрта. Иду к месту разборки. Женщина принимает меня за начальника и начинает причитать:

— Мы в Шали ходили за продуктами. Дома совсем нечего кушать. Пропустите, пожалуйста.

Подобные интонации не раз слышал в московском метро: “Помогите! Мы сами не местные!”.

— Но вы же знаете, любые передвижения в зоне боевых действий запрещены. Вам что, глава администрации ничего не говорил?

— Как запрещены? — Женщина с надеждой на поддержку поворачивается к омовцам. — Вы же сами меня утром пропустили. Омовцы опускают глаза.

— Что, ж мне делать? — причитает женщина. На глаза ее наворачиваются то ли настоящие, то ли театральные слезы — не разберешь.

— А вот об этом вы лучше своих мужей и сыновей спросите, которые в бандах воюют... За что они воюют?

Часовые, пока мы разбираемся с задержанной, досматривают содержимое мешков. В одном сахарный песок. В другом хлеб, консервы, макароны и насвай — наркотик, заменяющий чеченцам водку.

— А это кому? Детям гостинцы?

— Сосед попросил. Старый человек — нельзя отказывать.

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Зайскиваяще глядя в глаза, женщина спрашивает:

— Вы нас пропустите?

Потом полковник Ползиков прокомментарирует ситуацию:

— Вы думаете, она себе продукты везла? Черта с два! Боевикам! Они с голоду подымают. Что ни перехват, то просьба о помощи и обязательно жрачки просят...

У дяди Федора

Следующий ВОП, куда бережно доставил нас водитель БТР рядовой Сергей Дыков, — хозяйство старшего лейтенанта Сергея Федорова. Солдаты и офицеры между собой его любовно зовут "дядя Федор".

— Хозяйственный мужик, — рассказывает мне про дядю Федора заместитель комдива по работе с личным составом подполковник Сергей Нудной. — За что ни возьмется, все у него получается. В одних условиях с соседями живет, впечатление же такое, как будто его опорный пункт специально к встрече высокого начальства готовили.

Быт в полевых условиях — тема отдельного разговора. От того, как налажена жизнь в окопах, во многом зависит и боевой дух военнослужащих. Бывая в горячих точках, имел возможность наблюдать и обустроенные по высшему разряду позиции с коврами на стенах в землянках, и хозяйства, которые содержались по принципу: зачем огород городить, коль завтра в наступление.

Вывод, к которому пришел: окопный быт зависит прежде всего от командира. Хозяйственный он человек — повезло солдатику. Сыт будет: командир из начпррода душу вытрясет, все положенное и неположенное для солдатского стола из-под земли достанет. Землянку обустроит как надо, будет где отдохнуть после боя. А чтобы грязью не заросли подчиненные, тут же баньку на позициях наладит. Пусть примитивная — бочка-котел да брезентовая парилка, зато есть где окопную грязь смыть. Старлей Федоров — из хозяйственных. На

позициях у него полный порядок. Все продумано, все сделано, чтобы облегчить нелегкую долю солдатскую. Комдив, уходя федоровские владения, удовлетворенно комментировал:

— Вот смотрите, как ходы сообщения сделаны. По ним в полный рост люди ходят и запас над головой еще в полметра.

Да, снайпер здесь отдыхал.

Еще заметил, что все стрелковые ячейки выложены на опорном пункте досками от снаряженных ящиков. Бойцы не мучаются: в сапогах сухо.

На ВОП старшего лейтенанта Федорова прибыли аккуратно в обеденное время. От предложения хозяина разделить окопную трапезу вежливо отказались — некогда. Хотя на месте комдива я бы с удовольствием воспользовался предложением. Уж очень наваристыми были щи.

Вместо обеда полковник Ползиков устроил командиру экзамен на аттестат тактической зрелости. Вопросы те же — организация системы огня, порядок взаимодействия с соседями, целеуказание артиллеристам.

Когда покидали федоровские владения, комдив спросил у подполковника Нудного:

— Слушай, почему он у нас до сих пор старлеем ходит? Вроде не мальчик уже.

— Да должность у него старлейская.

— Тогда надо ходатайствовать о присвоении ему воинского звания на ступень выше занимаемой должности.

— Есть, товарищ полковник. С удовольствием!

К вопросу о социальной справедливости

Поймав момент, водитель нашего бэтэра рядовой Сергей Дыков задал мне самый популярный в группировке вопрос:

— Когда меня уволят?

Сергей — единственный сын у матери. Срок службы у него истек еще 13 января.

Вопрос об увольнении в запас — один из самых актуальных не только для Юго-Восточной группировки внутренних войск. Во всей Объединенной группировке федеральных сил на Северном Кавказе.

Когда осенью прошлого года наши войска разбирались с ваххабитами в Чабанмахах и Караммахах, срочникам для поднятия боевого духа объявили: выслуга в районе боевых действий — день за два. Солдаты и сержанты поверили. Эта арифметическая прогрессия была многим по душе.

(Окончание на с. 31)

Традиции

БОЕВОЕ ЗНАМЯ — ВОИНСКАЯ СВЯТЫНЯ

В конце февраля — начале марта этого года в Санкт-Петербурге в здании Эрмитажа под председательством государственного геральдмейстера Георгия Вилинбахова состоялось расширенное совещание представителей геральдических служб силовых министерств и ведомств. На совещании было выработано принципиальное решение об учреждении новых боевых знамен частей и соединений с российской символикой.

О том, что собой будут представлять современные символы воинской чести, доблести и славы, рассказал нашему корреспонденту участник этого совещания секретарь геральдического совета МВД России полковник внутренней службы Сергей НЕСВЕТАЙЛО.

— Сергей Михайлович, прежде чем начать разговор о новых воинских регалиях — боевых знаменах, я попрошу вас рассказать нашим читателям о целях и задачах недавно созданного коллеги-

ального органа — геральдического совета МВД России.

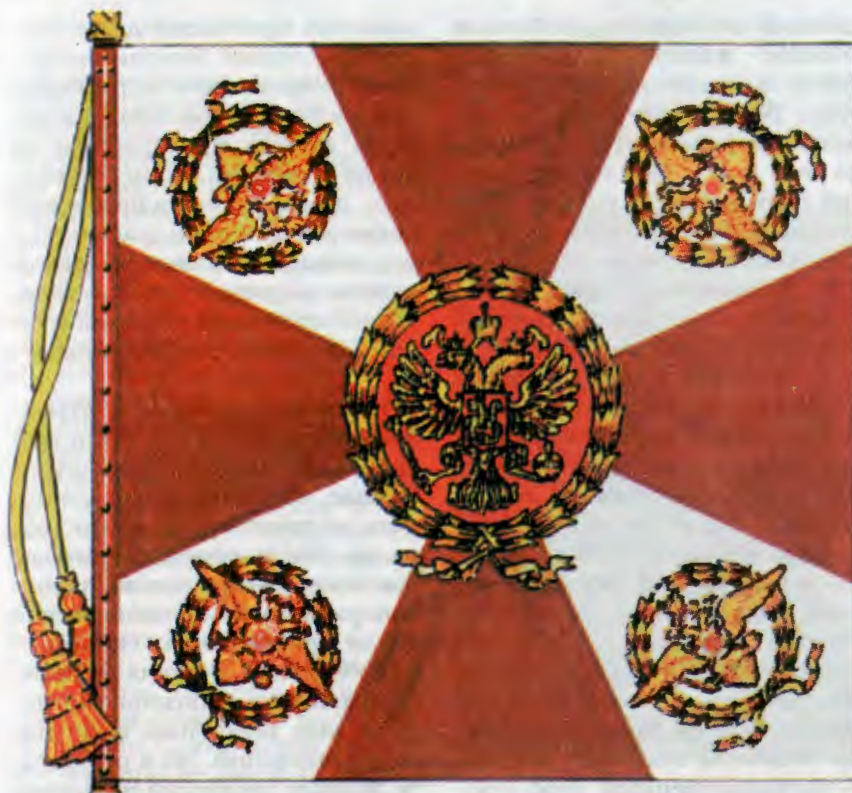
— Геральдический совет впервые за без малого 200-летнюю историю нашего министерства был создан в сентябре прошлого года под председа-

тельством первого заместителя министра генерал-полковника милиции В.И. Федорова. В состав этого коллегиального органа входят представители всех структурных подразделений МВД, в том числе Плавкомата внутренних войск.

Совет призван координировать всю работу по созданию новой и совершенствованию существующей символики для органов и войск правопорядка. Уже состоялось несколько заседаний совета, на которых были рассмотрены и одобрены проекты новых ведомственных наград, флаги для структурных подразделений, некоторые изменения в знаках отличия для форменной одежды.

— Вот уже почти десять лет, как существует Российская Федерация с новыми, а точнее, возрожденными государственными символами — гербом в виде двуглавого орла и трехцветным флагом, а в войсках по-прежнему все торжественные мероприятия проводятся под сенью красных стягов бывшего СССР с надписью “За нашу Советскую Родину!”. Как скоро воинские части и соединения обретут боевые знамена с российской символикой?

— Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к нашему недавнему прошлому.

личительными элементами принадлежности к правоохранительному ведомству, был учрежден лишь в ноябре 1998 года.

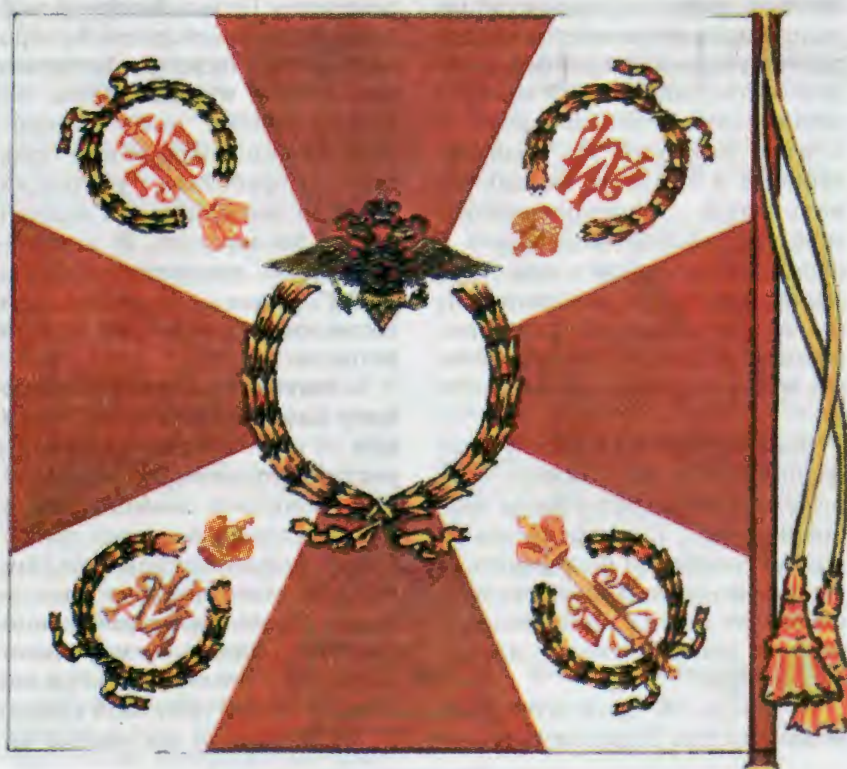
Поэтому геральдическая служба при Президенте России рекомендовала вплотную заняться разработкой проектов знамен для воинских частей и соединений после 2000 года, то есть после учреждения геральдических эмблем всех силовых структур. И вот это время настало.

— **Какой главный вопрос рассматривался на совещании в Санкт-Петербурге?**

— Расширенное совещание представителей геральдических служб силовых структур, на котором мне довелось присутствовать, было посвящено обсуждению проекта Указа Президента "Об учреждении боевого знамени воинской части и военного образовательного учрежде-

После распада СССР силовые структуры Российской Федерации оказались без соответствующих знаков, определяющих их принадлежность к новому суверенному государству. Первоначально вся работа по упорядочению российской символики была децентрализованной, носила спонтанный и бессистемный характер. Затем появилось новое форменное обмундирование для военнослужащих и милиционеров с соответствующими эмблемами и нашивками.

Однако в целом ведомственная символика к тому времени еще не оформилась. Геральдические эмблемы силовых министерств и ведомств, без которых невозможно было спроектировать общий рисунок боевых знамен, появились только к концу 90-х годов. Например, главный символ нашего министерства, золоченый двуглавый орел с от-

ния профессионального образования федерального органа исполнительной власти Российской Федерации, в котором предусмотрена военная служба". Как известно, кроме Министерства обороны, воинские подразделения имеются в МВД, ФАП-СИ, ФПС, МЧС и некоторых других структурах. Вниманию участников совещания были предложены типовые образцы знамен для воинских частей, имеющих в распоряжении этих силовых ведомств.

— Видимо, знамена частей, в зависимости от их ведомственной принадлежности, будут иметь существенные отличия?

— Нет, внешне они все похожи. Полотнища знамен квадратные, размером 130x130 см. Ткань шелковая, особой выработки, сохраняющая прочность и долговечность. Рисунок знамени содержит следующие единые основные элементы, характерные для всех ведомств: на полотнище установленного для данного ведомства цвета размещен четырехконечный крест с расширяющимися концами, в центре которого на лицевой стороне в круглом медальоне находится Государственный герб Российской Федерации в обрамлении золотого или серебряного венка. В углах полотнища вышиты розетки с изображением геральдической эмблемы министерства или ведомства.

Знамя крепится к древку с навершием в виде плоского прорезного копья с рельефным изображением Государственного герба Российской Федерации — двуглавого орла. В комплект также входят шнур с кистями, знаменные ленты, чехол и другие аксессуары.

А теперь об отличительных особенностях. Например, поме-

щенный на полотнищах боевых знамен частей сухопутных войск Вооруженных сил крест будет белого цвета. В угловых розетках размещены эмблемы по роду войск. На стягах кораблей Военно-морского флота основной элемент — косой андреевский крест синего цвета, а частей Военно-воздушных сил — традиционные концентрические синие и желтые лучи.

— Скажите, а чем будут отличаться от остальных боевые знамена частей внутренних войск?

— Как я уже говорил, основное отличие в цветосочетании полотнища и элементов рисунка знамени. Остановимся на этом подробнее. На белом полотнище с лицевой и оборотной стороны будет располагаться вертикальный крест, по типу Георгиевского, крапового цвета. В центре лицевой стороны — Государственный герб России, а в углах — розетки с изображением Геральдической эмблемы МВД. На оборотной стороне в центре будет размещаться медальон с изображением индивидуальных эмблем воинских частей, которые еще предстоит разработать с учетом характера выполняемых задач и места дислокации. В углах — розетки с вензелями "ВВ" и "МВД". Далее — знаменные золотые кисти с отделкой красного цвета.

— Интересно, почему за основу взят именно такой рисунок — вертикальный крест с расширяющимися концами?

— Полковые знамена такого образца стали боевыми святынями с времен императора Павла I. До этого периода они как бы входили в норму положенности и заменялись по мере износа. Павел I ввел такой порядок, когда главный полковой символ — боевое знамя постоянно на-

ходило при части до ее расформирования. Бывали случаи, когда боевые стяги гвардейских полков были буквально изрешечены пулями и истрепаны на полях сражений, но не заменялись и особо почитались всеми военнослужащими части. Перед этими святынями в благоверной порыве склоняли головы все, кто носил военный мундир — от императора до рядового.

После победы в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. в русской армии стали появляться боевые знамена иного, отличного от павловских стягов, образца. Вновь сформированным частям стали вручать знамена с изображением на полотнищах ликов православных святых — покровителей русских воинов. Предложения с подобными вариантами вносились и на нашем совещании. Но в результате бурных дискуссий за основу приняли павловский образец боевого знамени.

— И последний вопрос: как скоро в частях и соединениях появятся боевые знамена с российской символикой?

— В проекте Указа Президента России сказано: обязать правительство в 3-месячный срок после его подписания подготовить предложения по финансированию и изготовлению боевых знамен. Причем в первую очередь они будут предназначаться для тех воинских частей, которые их не имеют. Надеюсь, что процесс вручения знамен может начаться в следующем году.

**Беседу вел полковник
Николай СЫСОЕВ**

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА
Рисунок Владимира АНАНИНА

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

(Окончание. Начало на с. 22)

После изгнания ваххабитов и боевиков Басаева из Дагестана было решено покончить с рассадником терроризма на территории Чечни. Как известно, контртеррористическая операция на Северном Кавказе затянулась. Пришло время, и солдаты стали предъявлять счет командирам и начальникам. Срок службы по льготному исчислению истек, пора увольнять нас в запас.

Пришлось это событие на пик операции по взятию Грозного, в разгар жестоких уличных боев.

Большого труда стоило удерживать солдат в окопах. Еще большего — уговорить продолжать выполнять поставленную задачу.

Отдадим должное нашим генералам — они нашли нужные слова для своих подчиненных. Сумели убедить — если не мы, то кто же... А что касается льгот, то срочникам объяснили: вы нас не так поняли. Служить вам на полную катушку — два года. А все, что наберется сверх того, будет учтено при исчислении пенсии.

Что ж, может быть, солдаты и сержанты, воюющие в Чечне, действительно неправильно поняли свои льготы.

Другое социальное потрясение, которое предстоит пережить принимавшим участие в боевых действиях военнослужащим, — выплата так называемых «боевых» денег. Если учесть, что многие воюют еще с осени прошлого года, то деньги — почти тысяча рублей в сутки — им причитаются немалые.

Скорее всего мытарств при получении своих кровных денежек избежать вряд ли кому удастся. Пока бумаги пройдут все предусмотренные инстанции, пока финансы получат соответствующие деньги, воды утечет немало. Может быть, такие меры предосторожности необходимы, дабы отсеять фиктивных участников контртеррористической операции, не знаю. Но в том, что приняты они не в интересах фронтовиков, не сомневаюсь.

Вопрос о социальных гаранти-

ях военнослужащих давно набил оскомину. Особенно о социальных гарантиях тех, кто, рискуя жизнью, выполняет приказ Родины. Зачастую они прозрачны и

ним войскам, принимают труженики Минфина. Они в окопах не сидели, пороха не нюхали. Зарплата у них несравнима с денежным содержанием защитников Отечества. И они могут в любой

выполнение их сопряжено с большими трудностями.

Не позавидуешь командирам воюющих частей и соединений. Они олицетворяют собой государство, и все претензии обманутые военнослужащие предъявляют прежде всего им. Государство пообещало солдатам день за два, поставило задачу во что бы то ни стало покончить с терроризмом, восстановить конституционный порядок. Оно же запретило посылать в горячие точки срочников раньше чем через полгода их службы. И вот сидит командир и думает: солдат увольнять надо, а заменить некем. Приказ тоже никто не отменял. В подобной ситуации даже царь Соломон растерялся бы.

И еще. Не следует отождествлять два понятия — государство и Родина. Государство — это не какое-то абстрактное образование. Это соответствующие учреждения и структуры, которые представляют на местах живые люди. Решение о том, сколько денежек отпустить на все про все внутрен-

момент урезать и без того скудный войсковой бюджет из соображений целесообразности. Депутаты, которые голосуют за отмену социальных льгот военным, говорят, что взамен льгот им увеличат денежное содержание, хотя знают, что денег на это в стране нет.

А Родина — это святое.

... Весной в предгорьях Кавказа темнеет рано. Наш бэтээр ушел с передка, когда мандариновое солнце только краешком зацепилось за горизонт. Через двадцать минут мы уже мчались по замерзшей колее в полной темноте. Над нашими головами мерцали яркие звезды. Таинственная красота южной ночи завораживала. И все бы хорошо, но за каждым поворотом, в каждом селеении нас ждала опасность. Такова уж особенность мятежной территории.

Полковник Алексей ПЕТРОВ
Фото автора

Твои Герои, Россия

Из толкового словаря С. Ожегова:

Герой: 1. *Выдающийся своей храбростью, доблестью, самоотверженностью человек, совершающий подвиги.* 2. *Лицо, воплощающее в себе характерные черты эпохи, среды.* Герой нашего времени. 3. *Лицо, привлекающее к себе внимание чем-нибудь или являющееся предметом восхищения, подражания.* Герой дня.

Герой России — звание, присваиваемое за исключительную доблесть и героизм.

Отечество наше всегда было богато героями. Особенно теми, кто совершал подвиги ратные, проявляя величайшее мужество, проливая кровь. Понятно, что каждое время рождает своих героев. Но есть герои, чьи подвиги не меркнут ни в веках, ни в сердцах соотечественников. К сожалению, сегодня в повседневной суете теряются красивые и высокие слова так же, как забываем людей, достойных каждодневного нашего признания.

“Без величия духа нет подвига” — это из дневника офицера Кузнецова, который он вел еще в начале века, после русско-японской войны. Поражение не умалило высшего величия духа русского солдата. Вереница лет, пролетевших с того времени, не изменила корневой сути наших солдат и офицеров.

Они так же, как и их предки, хранят в сердце неистребимую способность к самопожертвованию, святое чувство товарищества.

Указами Президента Российской Федерации за мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга, звание Героя Российской Федерации присвоено военнослужащим внутренних войск:

прапорщику ГОРЯЧЕВУ Сергею Евгеньевичу
рядовому ЧЕРНЫШОВУ Александру Викторовичу
майору ЮШКОВУ Сергею Геннадьевичу

(Указ № 305 от 4 февраля 2000 г.)

полковнику ГРУДНОВУ Игорю Сергеевичу
полковнику КУКАРИНУ Евгению Викторовичу

(Указ № 448 от 29 февраля 2000 г.)

Сегодня, как никогда кстати, звучит лозунг 70-80-х годов: “Страна должна знать своих героев!”. Кто они — эти герои? По нашему глубокому убеждению, ис-

лую ратную работу. Не жалея ни сил, ни здоровья, рискуя жизнью, проливая кровь... Храня в сердце святое чувство ответственности за судьбу Родины.

Немало испытаний выпало внутренним войскам в последнее десятилетие — Карабах, Северная Осетия, Дагестан, Чечня... И всюду офицеры и солдаты показывали высочайшие образцы мужества и самоотверженности. Счет героям нашего времени войска повели с 1991 года, когда за совершенный подвиг лейтенанту Олегу Бабаку было присвоено звание Героя Советского Союза, посмертно... Сегодня во внутренних войсках 56 Героев России. Мы расскажем о каждом из них, чтобы помнили, знали, гордились... Их подвиги — это слава внутренних войск.

Мы уверены: пока умеем благодарить героев, вспоминать о них не только по праздникам, мы сохраним и самоуважение, и достоинство, и человеческий облик. Нация, забывающая о своих героях, тяжело больна беспамятством. Очень не хочется, чтобы эта болезнь стала хронической. Будем знать! Будем помнить!

тинные герои нашего времени — те солдаты Отечества, которые, не смотря ни на что, честно и самоотверженно выполняют свою тяже-

Герой Российской Федерации сержант Александр ГАЛЛЕ

В марте 1996 года сержант Александр Галле находился в составе одной из групп по ликвидации боевиков в Октябрьском районе Грозного. В ночь с 6-го на 7-е под интенсивным огнем трижды прорывался из района боев в Ханкалу, вывез на БТРе более 20 раненых и погибших военнослужащих.

Боестолкновения были интенсивными. Наши штурмовые группы и санитарные бронетранспортеры постоянно натывались на засады боевиков. В один из дней, когда бэтээр Саши до предела был загружен ранеными и телами погибших воинов, спецназовцы попали в ловушку. Завязался бой. Но Александр все же сумел вывести машину из-под огня.

... 18 мая для обеспечения инженерной разведки на участке Джалка — Ханкала выехало два бронетранспортера со спецназовцами из отряда "Рысь". По железной дороге должны были проследовать поезда с личным составом и боеприпасами. Местность была знакомой. Солдаты сразу заметили, что куда-то исчез небольшой мостик — настил из досок через ручей. Александр Галле уверенно направляет свой БТР к переезду. Небольшая яма, залитая водой, не препятствие для мощной боевой машины. Да и Саша мастерски владел своей специальностью. И вдруг — ослепительная вспышка, грохот, свист осколков, столб пламени и воды. Спецназовцев и саперов сбросило с брони. Фугас взорвался под левым передним колесом, и вся его сила пришлась на водителя. Боевики открыли огонь по спецназовцам. Теряя сознание, Александр сумел все же вывести бронетранспортер в безопасное место. Но ранение оказалось смертельным, он умер на руках своих товарищей.

31 декабря 1997 года Указом Президента РФ сержанту Галле Александру Фридриховичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

Герой Российской Федерации подполковник **Дмитрий ЛАРИН**

Ранним утром 6 августа 1996 года чеченские боевики предприняли ширококомасштабную операцию по захвату Грозного. Одновременно в нескольких местах мощному обстрелу подверглись КПП, блокпосты, места временной дислокации федеральных войск.

Старший лейтенант Дмитрий Ларин в те августовские дни остался за комбата. 6 августа он возглавил бронегруппу, которой предстояло с боеприпасами, водой и продовольствием прорваться к блокированной боевиками площади Минутка. Там в полном окружении находились военнослужащие одной из частей Приволжского округа внутренних войск. Возле центрального рынка Грозного воины подверглись мощному огневому налету боевиков, но все же сумели вырваться и присоединиться к обороняющимся на Минутке. Четверо суток в полном окружении они вели бои с наседавшими бандитами. Несколько раз боевики предлагали военнослужащим сдаться, обещали организовать коридор для отхода, выходили на связь с Лариным. Ответ был один: “У нас приказ, и мы его выполним”. Видимо, озверев от стойкости обороняющихся, боевики пытались забросать опорный пункт бутылками с зажигательной смесью.

На Минутке к четвертому дню обороны было много раненых. Нужно было что-то предпринимать. И тогда старший лейтенант Ларин решился на отчаянный шаг — посадив раненых в бронетранспортер, он под шквальным огнем боевиков сумел вырваться на бронемашине из окружения. Через два дня штурмовая группа во главе со старшим лейтенантом Д.Лариным выдвинулась к блокированному боевиками КПП-16, но попала в засаду. Прикрывая отход подчиненных, офицер был тяжело ранен...

Звание Героя Российской Федерации присвоено Дмитрию Ларину 26 января 1998 года. Воинские звания “майор” и “подполковник” он получил досрочно.

Герой Российской Федерации сержант Ирина ЯНИНА

31 августа 1999 года медсестра сержант Ирина Юрьевна Янина выполняла боевое задание в районе н.п. Карамахи. Во время зачистки территории наши войска встретили сильное сопротивление боевиков.

Ирина, находясь на передовой, под огнем противника оказывала первую медицинскую помощь раненым военнослужащим, пострадавшим в ходе боя. Она, рискуя своей жизнью, пришла на помощь многим нашим воинам и организовала их эвакуацию в тыл.

В самый ожесточенный момент сражения, когда противник перешел в контратаку, медсестра в очередной раз устремилась на помощь ведущим бой подразделениям. Организовала погрузку раненых, но при отходе с позиций бронетранспортер оказался в зоне сильного гранатометного огня. Две гранаты попали в корпус и топливный бак боевой машины, которую мгновенно охватило пламя. Помогая раненым выбраться из бронетранспортера, мужественная медсестра сама не смогла покинуть горящую машину. Она героически погибла, до конца выполнив свой воинский и профессиональный долг.

За героизм, мужество и самопожертвование, проявленные при спасении раненых военнослужащих, медицинской сестре Ирине Юрьевне Яниной Указом Президента РФ от 19 октября 1999 года присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

Герой Российской Федерации лейтенант Алексей КОЗИН

5 сентября 1999 года подразделение, которому был придан танк с бортовым номером «015» под командованием лейтенанта Алексея Козина, выполняло боевое задание в Новолакском районе Дагестана. Близ села Дучи колонна была обстреляна и приняла бой. Боевики устроили настоящую охоту за танком, но экипаж постоянно менял огневые позиции и сумел изрядно потрепать противника. И лишь когда боевики произвели выстрел из гранатомета, танк содрогнулся от прямого попадания.

Бандиты тем временем продолжали атаковать танкистов. Оценив обстановку, лейтенант Козин приказал подчиненным отходить в тыл, а сам остался прикрывать их отход. Он отразил несколько попыток боевиков захватить боевую машину. Когда солдаты ушли на безопасное расстояние, офицер поджег боекомплект и попытался покинуть горящую машину. Но пуля снайпера оборвала жизнь лейтенанта.

В течение нескольких дней сослуживцы пытались вынести тело погибшего офицера с поля боя. Но это удалось сделать лишь 15 сентября, после того как отвоевали у боевиков высоту около села Дучи.

За мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга, командир танкового взвода лейтенант Алексей Владимирович Козин Указом Президента РФ удостоен звания Героя Российской Федерации (посмертно).

28 мая — День пограничника

ПЯНДЖ — РЕКА КОВАРНАЯ

Из блокнота стажера

Старший сержант

Не знаю, как другие, а я ждал стажировку с нетерпением. Хотелось поскорее проверить, насколько прочно усвоил теоретические знания, необходимые профессионалу-пограничнику. Но сильнее всего подгоняла память. Она, как застрявший в теле осколок, не дает покоя, берedit душу. Ощущение, знакомое всем, кто терял на войне боевых товарищей. Поэтому, когда нам для прохождения стажировки предложили на выбор арктический, северо-западный, дальневосточный, черноморский участки и Таджикистан, я подумал, что сама судьба идет мне навстречу. На афгано-таджикской границе орудут моджахеда, которые в Чечне обучали бандитов тактике партизанских действий. Должок им надо вернуть, если предоставится такая возможность. С этими мыслями сел в самолет, вылетающий рейсом Домодедово — Душанбе.

Когда борт оторвался от бетонки, нахлынули воспоминания... Будто вновь окунулся в нелегкие будни в тульском учебном полку, где получил очень нужную для военного человека специальность мастера по ремонту стрелкового вооружения и средств ближнего боя. Пахал, старался не напрасно. Окончил учебку с отличием, освоил автомат, пулемет, гранатомет, миномет, а также спецоружие, используемое в элитных подразделениях внутренних войск. В одном из

Дмитрий Кузнецов, курсант Московского военного института ФПС России — активный читатель журнала "На боевом посту". Когда удаётся выйти в увольнение, обязательно заглядывает в редакцию, чтобы поведать о курсантском житье-бытье, узнать новости из жизни внутренних войск, в которых служил до поступления в институт.

Летом прошлого года Дмитрий проходил стажировку на заставе Московского погранотряда в Республике Таджикистан. Накануне его отъезда на границу мы договорились: по возвращении он приносит заметки о боевой практике для публикации в журнале. Наверняка будет о чем рассказать — пограничная служба в горячем регионе полна интересных событий. В течение нескольких месяцев наш завсегдашней напоминал о себе лишь телефонными звонками: вырваться в город нет никакой возможности, учебная нагрузка на втором курсе — не продохнуть, борьба за высокую успеваемость и дисциплину оборачивается большой проблемой с увольнениями в будние дни.

Но вот наконец долгожданные каникулы, и старший сержант Кузнецов снова у нас в гостях. Поздоровавшись, достает объемистый блокнот с густо исписанными страницами. Здесь не только материал о стажировке, но и воспоминания о службе в разведбате 101-й бригады во время первой чеченской кампании, полная драматизма история о знакомстве с девушкой, которую он, солдат Кузнецов, защитил в Грозном от подонков... На своем недолгом веку Дмитрий, как и его сверстники, опаленные войной, много испытал и повидал.

таких подразделений проходила моя дальнейшая служба.

Вспомнил учебный центр в Комгароне. Боевое слаживание разведбата 101-й бригады. Наш командир капитан Олег Визнюк, показав на заснеженные горы, сказал: "Там — Чечня, и если вы настоящим образом не подготовитесь к войне, за вашу жизнь я не дам и ломаного гроша". Эти слова запали мне в душу, и я старался выполнять все, что требовал опытный в боевых делах офицер. Нагрузки на занятиях были адовыми. По сравнению с ратной школой Визнюка тульская

учебка казалась санаторием. Дважды в день трехкилометровый кросс с полной выкладкой, жесткие рукопашные спарринги, изнурительные, до седьмого пота, тренировки по специальной подготовке. Мало никому не казалось. Некоторые солдаты спасовали, перешли в другие роты. Но большинство парней держались молодцами, брали пример с командира, обучавшего бойцов по принципу "Делай, как я!". Потом мы не раз с благодарностью вспоминали суровые уроки капитана Визнюка.

И вот — город Грозный. На войне

как на войне. Почти каждую ночь выезжали на задания — проводили разведывательно-поисковые мероприятия, устраивали засады, изымали у чеченцев оружие, уничтожали склады с боеприпасами, беспокоили бандитов диверсионными актами.

Запомнилась одна операция в Черноречье. Перекрыв дорогу, тормознули “чеха” с радиостанцией. В момент задержания он попытался передать своим тревожный сигнал. Его опередил сержант Хамидуллин — выбил “Моторолу” из рук шустрого типа. Вскоре показался “уазик”. Мы догадались, кто в нем едет, и были наготове. Остановливаем машину. Я открываю переднюю дверцу, сержант Картыш — заднюю. Как и предполагали, машина забита вооруженными до зубов нохчами. И вновь наши сработали с опережением. Не успели “пассажиры” прийти в себя, как со стороны обочины дружно клацнули затворы. Чеченцы сообразили, что сопротивляться — себе дороже...

В ходе оперативно-поисковых мероприятий, проведенных разведывательным батальоном во главе с капитаном Визнюком, было выявлено и ликвидировано восемь банд боевиков, захвачено более сотни единиц стрелкового оружия, около пятидесяти гранатометов, уничтожены гаубица Д-30 и семь складов с боеприпасами. Скажу без преувеличения: раз-

ведбат 101-й бригады внутренних войск был грозой для сепаратистов. За боевую злость, дерзость и мертвую хватку “духи” прозвали командира батальона “черным бульдогом” и назначили за его голову сто тысяч долларов.

В любых, самых трудных ситуациях комбат со своим подразделением демонстрировал превосходство над противником. Так было и в трагический день 6 августа. Посланная на выручку заблокированным омонотцам спецгруппа Визнюка напоролась на засаду возле цементного завода. Бой длился около двух часов. Несмотря на численное превосходство, “духи” не смогли сломить сопротивления разведчиков и бойцов ГСН, сами понесли большие потери. Из огненного кольца на двух поврежденных бэтэрах сумели вырваться шестнадцать раненых. Прикрывая отход подчиненных, наш батяня-комбат погиб. За этот подвиг он был посмертно удостоен звания Героя России.

Никогда не забуду и тот день, когда в обмен на пленных “душманов”, по договоренности с главарями бандформирований, производилась эксгумация наших павших товарищей, которых на месте боя закопали чеченцы. Эта невыносимо тяжкая миссия легла на защитников тринадцатого КПП и добровольцев из разведывательно-штурмовой роты. Не в силах сдержать

слез, мы откапывали разложившиеся до неузнаваемости, изуродованные садистами тела и загружали их в кузов машины. Там были и останки капитана Визнюка... Бандиты, имитируя конвой, держали нас под дулами автоматов, и всем проходим хвастливо заявляли: “Это русские военнопленные, захваченные в бою”. Мужчины злобно посмеивались, женщины-чеченки посылали проклятья, плевали. Зная нравы “воинов Аллаха”, мы прихватили с собой гранаты. И предусмотрительность помогла уберечься от стычки. Один “чичик” швырнул мне под ноги конфету: “Жри, собака, пока я добрый”. “Сам жри, волчара! Только смотри не подавись”, — ответил я и послал его подальше. “Сейчас я тебя пристрелю!” — рассвирепел бандит и ткнул мне в лицо стволом пулемета. Другой боевик, вскинув автомат, загнал патрон в патронник. “Это мы еще посмотрим, кто кого пристрелит!” — смело поддержал меня рядовой Мухаметзянов, отшвырнув ногой карамельку. Тут “чехи” совсем озверели. “А тебя мы кастрируем, татарин, — орут, — живот вспорем за то, что проливал кровь мусульман!” Видя, что дело принимает крутой оборот, старший лейтенант Григорьев, возглавлявший нашу группу, достал из кармана гранату, подбросил ее на ладони. Веско произнес: “Я шутить не буду. Еще одно горбатое слово против солдат, и...”. Нохчи приутихли.

После унижительного и позорного замирения боевики чувствовали себя в городе хозяевами, наггели с каждым днем. Подростки и те в открытую угрожали военным. Из-за них, враженья, произошла история, которую до сих пор не могу вспоминать без боли.

В то памятное для меня утро я, как обычно, нес службу на 111-м наблюдательном посту, он был расположен на углу нашего городка, напротив школы. Гляжу, по улице идет симпатичная девушка с портфелем, а навстречу — стая чеченских пацанов. Поравнявшись со школьницей, загаддели, окружили ее со всех сторон и давай наезжать с хамскими шуточками. Пригрозив

СЛУЖБА

автоматом, я отогнал хулиганов. Так мы познакомились. Девушку зовут Леной, учится в одиннадцатом классе. Живет без родителей, с бабушкой. Вытирая слезы, она рассказала мне, какая страшная жизнь настала для русских с приходом к власти Дудаева, сколько ужасов претерпели они в годы войны. Да и сейчас — невыносимое существование. Я как мог утешал Лену, сказал, что теперь она может в школу ходить спокойно, в обиду ее не дам.

Скоро мы стали друзьями. Каждое свидание с Леной, когда она после занятий подходила к посту, было для меня настоящим праздником. Чувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

Перед увольнением в запас мы, радуясь нашей встрече, беседовали по душам. Вдруг из школы вышла ватага старшекласников-чеченцев — и в темпе к нам. Один из парней грубо схватил Лену за руку, а другой с похабными жестами стал расписывать мне, как они потом будут ее насиловать: "Запомни, солдат, все русские девки — наши рабыни и б...и". Я молча передернул затвор автомата. "Не вздумай стрелять! — крикнула Лена. — Они убьют тебя!" В ответ шакаленок ударил ее по лицу. А тот негодий, что обещал надругаться над ней, достал из кармана пистолет и выстрелил в меня. Пуля отколола кусок кирпича в верхке от моей ноги. Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения.

При вооруженном нападении на часового устав предоставляет ему право открывать ответный огонь. И я своим правом воспользовался — дал предупредительную очередь. Юнцы попадали на асфальт, в страхе закрыли головы руками. Очухавшись, побежали в сторону Минутки с криками: "Теперь ты покойник!" Вскоре подкатила "Нива" с четырьмя вооруженными бородачами. Мы с товарищами выставили в бойницы свои стволы — четыре автомата, пулемет и два ручных гранатомета. Это охладило пыл бандитов. Их главарь сказал мне: "Будем считать инцидент исчерпанным. Но еще один выстрел — и тебя снимет наш снайпер".

Через несколько дней Лена пришла на свидание как в воду опущенная, рука была в гипсе, на лице синяки. "Нам больше нельзя встречаться, — разрыдалась моя подруга. — Боевики сильно избили меня. Они утверждают, что я связана с разведкой бригады, так как знаю чеченский язык и могу передавать тебе сведения, интересующие военное командование. Предупредили: за нами будут следить, и если встречи не прекратятся, застрелят обоих. Мне страшно за тебя, Дима. Не жди меня больше".

Чтобы спасти девушку, которой угрожала смертельная опасность, решил увезти ее с собой в Россию. Обратился за помощью к офицерам. Попросил, чтобы Лене в порядке исключения выписали проездное требование. Они мне только посочувствовали: нет законных оснований.

Последний раз видел свою подругу в день отъезда. Она возвращалась из школы, низко опустив голову. Окликнув с поста Лену, бросил ей письмо. Она подняла на меня глаза, полные слез. Дрожащими губами прошептала: "Прощай, Димка. Спасибо тебе за все". И побежала к дому. Конверт остался сиrotливо лежать на асфальте.

Такая вот печальная история...

Вернувшись на гражданку, устроился в фотоателье. Получал по

тем временам прилично — около трех миллионов. Но работа была не в радость. Тосковал по службе, по настоящему мужскому делу. И в один прекрасный день принял твердое решение поступать в военное училище. Узнав, что в Московском институте ФПС есть факультет оперативно-розыскной деятельности, понял: это мое. И вот я курсант. Как радовалась бы Лена, узнав о моих успехах. Все это время не переставал думать о ней. Поддерживал себя надеждой: рано или поздно с ичкерскими "волками" покончат. Грозный будет нашим городом, и тогда я смогу узнать, как сложилась судьба Лены. Сегодня это уже не кажется невозможным...

Впрочем, хватит о личных проблемах. Пора возвращаться к заданной теме.

Таджикистан встретил нас одуряющим зноем. Над островерхими горами нестерпимо ярко светило солнце. Все вокруг буквально плавилось от жары. Раскаленный асфальт жег стопы даже через толстые подошвы ботинок. По дороге в поселок Московский, где находится штаб погранотряда, мучились от жажды: наши запасы воды быстро иссякли еще на базе в Душанбе.

Начальник штаба, крепко сбитый подполковник-таджик, рас-

СЛУЖБА

пределил курсантов по подразделениям (я получил назначение на 5-ю заставу) и отправил на инструктаж в отдел боевой подготовки. Там нас встретил майор, внушительным видом профессионального воина напоминавший комбата Визнюка. Рост под два метра, кося сажень в плечах, суровое, волевое лицо. Наверняка бывший разведчик или спецназовец, подумал я. Интуиция меня не подвела. Действительно, майор Ермаков был командиром взвода войсковой разведки, а в период чеченской кампании выполнял задачи на административной границе в районе Ботлиха. Надо ли говорить о том, что инструктаж старшего коллеги я слушал с предельным вниманием, не пропуская ни одного слова.

Окинув стажеров цепким, пронзительным взглядом, майор сказал, что у нас, курсантов, есть возможность пройти в Московском отряде хорошую боевую практику. Обстановка на охраняемом участке границы крайне напряженная, особенно на левом фланге. Труднопроходимая горная местность, постоянные обвалы, сели, снежные лавины не позволяют установить там контролируемую систему. На других участках тоже нелегко. Бандиты великолепно оснащены, имеют новейшее вооружение, мощные оптические приборы наблюдения и ночного видения, современные радиостанции со сканерами и устройствами для кодирования сигналов. Пользуясь тем, что нашей аппаратурой очень трудно осуществить радиоперехват, противник действует агрессивно и нагло.

Главная цель нарушителей — доставка наркотиков местным "купцам". Дело это очень прибыльное. Килограмм героина в Афганистане стоит 9 тысяч, в Таджикистане 25 тысяч, а в Москве до 150 тысяч долларов. Даже вчерашних честных трудяг погоня за наживой превращает в изобретательных и отчаянно-дерзких преступников. Для переправки товара применяются самые разнообразные ухищрения — от подкупа и шантажа солдат-таджиков до снайперской охоты на пограничников и попы-

ток вооруженных прорывов. Поэтому надо держать ухо востро, при несении службы проявлять военную хитрость, смекалку, инициативу. И помнить жесткое правило: услышал шорох, заметил подозрительное движение среди камней или в "зеленке" — сначала стреляй, а потом спрашивай. Иначе схлопочешь пулю.

В заключение Ермаков рассказал нам о новых тактических приемах, применение которых обеспечивает надежность охраны границы в местных условиях. Это было очень интересно. Тут же посыпались вопросы: почему нам не доверили изучать передовой опыт на самом опасном участке — там, где бандиты проявляют наибольшую активность? "Не волнуйтесь, для стажерского дебюта и на других заставах риска хватает", — улыбнулся майор.

Как бы в продолжение его слов дал совет контрактник-таджик, подбросивший меня и моих товарищей на "жигуленке" к заставе: "Берегите головы, парни. Не лезьте на рожон. Бандиты метко стреляют". И врубил "Сектор газа" — дембельскую песню "Пора домой". Но нам еще не пора. Стажировка только начинается.

Приехали. Вот она, пятая. Маленький форпост России на таджико-афганской границе. С любопытством осматриваю заставу. Все толково обустроено и обихожено. Порядок — образцовый. Радуют глаз добротные кирпичные домики под кронами высоких платанов, просторная казарма, отлично оборудованный спортгородок. Сразу чувствуется рука заботливого хозяина.

Подготовились к встрече стажеров с истинно восточным гостеприимством. Обед был выше всех похвал. Наваристая шурпа со свежими лепешками, роскошный салат, сладости. "Здесь всегда так кормят?" — поинтересовались у начальника заставы старшего лейтенанта Кидяева. "Если бы! — вздохнул он, глядя, как мы с аппетитом улетаем угощение. — Это сегодня специально для вас наш старшина, прапорщик Дауд, расстарался — накрыл праздничный дастархан. А так пайка очень скуд-

ная, в глаза солдатам стыдно смотреть. Снабжение не выдерживает никакой критики. Мясо появляется, когда повезет подстрелить кабана или оленя. Но это бывает редко. Спасибо, дехкане помогают, привозят помидоры, арбузы, дыни. Без них сидели бы на птичьем довольствии".

Что верно, то верно. За месяц стажировки нам пришлось затянуть пояс. В рационе одна перловка да сечка, даже тушенки не было. Ну да ладно, кормежка — дело десятое, мы на заставу не отъедались приехали. Главное — служба.

К службе приступили без раскочки, в тот же день. Начальник заставы напомнил нам обязанности старшего пограннаряда — командира стрелкового отделения (с этой должностной ступени курсанты начинают осваивать программу войсковой практики), охарактеризовал солдат, с которыми нам предстоит выполнять боевые задачи, и, закончив теоретический урок инструктажем о порядке применения оружия, повел на охраняемый участок в составе дозора по осмотру сигнализационного комплекса и КСП. Шагая за высоким, жилистым Кидяевым, невольно сравнивал его с майором Ермаковым, напомнившим мне комбата Визнюка. Хотя и близко не знаком с этими пограничниками, а такое чувство, как будто съел с ними не один пуд соли. С первого взгляда видно: надежные, основательные мужики. Настоящие профессионалы. На таких и держатся войска.

Идем по тропе вдоль Пянджа. Берег в густых камышовых зарослях. Течение бурное, стремительное, с опасными водоворотами. Попадешь в такую воронку — можешь запросто пустить пузыри. Но коварство реки проявляется не только в буйстве водной стихии. На многочисленных островах моджахеды-наркокурьеры устроили пункты наблюдения и тайники для хранения товара. Скрываясь в камышах, пасут наряды, выжидают удобный момент, чтобы незаметно переправить груз.

На той стороне, за Пянджем, кишлак Хозрати-Бустон. Глава кишлака контролирует здесь транзит

наркотиков и снимает пенки с наваара. Ему подчинен вооруженный отряд. Недавно, получив информацию о готовящемся перевозе большой партии героина, пограничники устроили на бандитов засаду. Правда, захватить их не удалось, заставили только искупаться в ледяной воде. Столкнувшись с нарядом, нарушители бросили лодку и вернулись к своему берегу вплавь. Со стороны кишлака вела огонь группа прикрытия.

Обо всем этом мы узнали от старшего лейтенанта Кидяева. За четыре часа прошли с ним двадцать километров. Впечатлений было столько, что жары не замечали и усталости не чувствовали. Осмотрели контрольную полосу, рубежи прикрытия, места выставления секретов. И конечно же, особое внимание начальник заставы обратил на участки местности, где "зеленка" и относительно спокойное течение реки позволяют злоумышленникам скрытно подобраться к КСП. Здесь, как говорится, гляди в оба, зри в три, дабы не прозевать курьера с наркотой.

Ипотянулись пограничные дни и ночи. Пост наблюдения, дозор, секрет, засада. Как наставлял майор Ермаков, курсанты старались действовать нестандартно, чтобы спутать вероятным нарушителям карты. Возглавляя наряды, использовали фактор внезапности: выходили на то или иное место тогда, когда наблюдатели с сопредельной стороны, засекая время, ждали появления солдат на другом отрезке тропы.

Обычно до наступления темноты служба протекала в режиме тревожного ожидания. А как только стужаются сумерки, пошло-поехало. Граница оживает — начинается напряг. Пересвистывания. Обмены световыми сигналами. Про срабатывания системы и говорить нечего. У афганских наркокурьеров полно сообщников в приграничных таджикских кишлаках и поселках. Подходят соглядатаи к колючке с певинным видом, соединяют нити сигнализационного комплекса и устраивают тревожной группе "разминку". Чтобы вы-

яснить время выдвижения, проследить, как действуют бойцы, узнать состав ТГ. А просто поиграть на нервах. А поскольку на заставе большой некомплект личного состава (к примеру, у меня в отделе было всего два человека, а по штату предусмотрено восемь), такие проверки боеготовности порядком изматывают и без того уставших солдат и офицеров. К тому же с транспортом большие проблемы. Штатная техника на приколе по причине отсутствия запчастей. Выручает военная смекалка. Говорят же: голь на выдумки хитра. Контрактники скинулись и купили старый "Запорожец". Срезали с легковушки крышу и на такой "гачанкс", установив пулемет, выезжают по тревожным сигналам. Само собой, бензин за свой счет.

Так в беспоконных буднях незаметно пролетел месяц. В последнюю перед отъездом ночь выполнял задачу в наряде "часовой границы" со снайпером старшиной Юсуфом. Часа в три послышался громкий свист с афганского берега и ответный — с нашего, на стыке с участком 6-й заставы. По моей команде Юсуф побежал к КСП, а я рванул к Пянджу. Услышав шорох в камышах, дал автоматную очередь. Через несколько минут увидел быстро удаляющуюся лодку. А старшина доложил, что на таджикской стороне он заметил мужчину с прибором ночного видения. Скорее всего тот ждал наркокурьера. На этот раз убрался не солоно хлебавши. Мы с Юсуфом сорвали встречу преступников. Значит, можно считать, моя первая стажировка прошла успешно. Об этом сказал начальник Московского пограничного отряда полковник Костюченко, наградивший меня знаком "Отличник погранслужбы" третьей степени.

К сожалению, радость омрачили на таможне. По ряду обстоятельств возвращался домой поездом. На границе с Узбекистаном начался досмотр. Жирный, плечистый в задку таможенник с красной — хоть прикуривай — физиономией, увидев мое командировочное удостоверение, от радости потер руки: "Показывай, где спрятал оружие и

наркотики. Ты специально для этого на практику из Москвы приехал". Порывшись в моей сумке, начал листать военный билет. Когда дошел до страницы "Особые отметки" с записью "Выполнял служебные обязанности по восстановлению конституционного порядка в Чеченской республике", как с цепи сорвался: "Убивал мусульман! Это тебе даром не пройдет!" На крик сбежались все досмотрщики — такие же упитанные и горластые обдиралы. И давай меня стращать: "Сейчас выведем тебя на перрон и расстреляем!" Повадки точно как у ичкерских "духов". Еле отбился. Правда, с потерями. Засветили фотопленку, мотивируя тем, что снимал секретные военные объекты независимого Таджикистана, изъяли фотоаппарат, аудиокассеты с бардовскими песнями о чеченской войне и вдобавок реквизировали командировочные деньги (оказывается, такую сумму в российской валюте провозить запрещено). На прощание "плечистый" таможенник с вызовом заявил: "Мой дед был басмачом, красным головы отрезал, теперь он национальный герой. А тебе за твою службу никто спасибо не скажет. Вот ты торчал на границе, там башку могли оторвать, а я спокойно поезда проверяю. Так кто из нас умнее?"

Вот уж поистине: за что боролись, на то и напоролись. Адресую эти слова тем, кто развалил великую державу и способствовал укруплению "братской" вражды народов. Одно согревало сердце после общения с досмотрщиками — таможенниками их назвать язык не поворачивается: благодаря российским офицерам таджикская граница охраняется надежно. И за это честные люди говорят нам спасибо.

Подготовил
полковник Юрий КИСЛЫЙ

Фото из курсантского альбома
Дмитрия КУЗНЕЦОВА

СНАЙПЕРЫ ВОЙСК НКВД В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

С самого начала Великой Отечественной войны снайперы показали свое боевое мастерство в борьбе с фашистскими захватчиками. Так обстояло дело не только в частях Красной Армии, но и в войсках НКВД.

Одним из условий успешных действий мастеров меткого огня была хорошая маскировка и взаимодействие со взводами и ротами. Они, как правило, действовали парами, поочередно выполняя обязанности стрелка и наблюдателя. Основной задачей снайперов стала дезорганизация системы управления противника путем поражения командиров вражеских подразделений, наблюдателей, связных и т.д.

Нередки были случаи, когда немецкие самолеты, налетавшие на охраняемые объекты, находили свой бесславный конец от меткого огня советских воинов. Например, в 76-м полку войск НКВД старший сержант Александр Колотыгин, ефрейтор Степан Чирков и красноармеец Дмитрий Анисимов, обороняя железнодорожный мост у г. Полоцка, за период с 25 июня по 2 июля 1941 года сбили 5 вражеских самолетов.

В боях за Ленинград впервые в ходе войны зародилось снайперское движение. Это было еще одним про-

явлением советского патриотизма, жгучей ненависти к фашистским захватчикам. Военный совет Ленинградского фронта обратился к лично-му составу с призывом развернуть соревнование по истреблению фашистских оккупантов. Одним из первых на этот призыв откликнулись мастера меткого огня 1-й и 21-й стрелковых дивизий войск НКВД. Участниками боевого соревнования стали тысячи бойцов, командиров и политработников.

Снайперы 1-й стрелковой дивизии войск НКВД начали вести свой счет мести с ноября 1941 года. За два месяца они уничтожили сотни гитлеровцев. Например, красноармеец И. Вежливцев истребил 134 фашиста, а его сослуживец П. Голиченков — 140. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1942 года им обоим было присвоено высокое звание "Герой Советского Союза".

14-й Краснознаменный стрелковый полк войск НКВД явился инициатором снайперского движения в 42-й армии. Первыми мастерами меткого огня в 21-й стрелковой дивизии внутренних войск стали комсомольцы Юрий Семенов, Загит Рахматуллин, Евгений Николаев, Александр Шубин, Владимир Дудин, Иван Карпов и

другие. К январю 1942 года на счету Евгения Николаева было 76 уничтоженных фашистов, Юрия Семенова — 66, Владимира Дудина — 52. Их почин поддержали остальные снайперы дивизии. 22 красноармейца были удостоены высоких государственных наград. Ордена Ленина получили Ю. Семенов и А. Шубин, ордена Красного Знамени — И. Добрик, В. Дудин, И. Карпов, Е. Николаев, З. Рахматуллин.

В феврале-марте 1942 года во всех частях внутренних войск прошли собрания, митинги, на которых славный почин воинов-ленинградцев встретил единодушную поддержку. "Превратить каждое отделение, взвод, роту в подразделение мастеров меткого огня! Каждая пуля снайпера должна нести смерть фашисту!" — этот призыв нашел горячий отклик у воинов-чекистов. С меткими стрелками проводились встречи, о них писали газеты. Боевой опыт передовиков огневой подготовки изучался и распространялся. Всего в частях 21-й дивизии было подготовлено и прошло стажировку 1106 снайперов.

Большое значение для широкого развертывания снайперского движения имел приказ народного комиссара обороны № 130 от 1 мая 1942 года. Он призывал бойцов изучить винтов-

55 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ку в совершенстве, стать настоящими мастерами своего оружия, бить врага без промаха. В то же время был учрежден и нагрудный знак "Снайпер".

17 августа 1942 года начальник внутренних войск НКВД СССР подписал приказ о расширении работы по подготовке снайперов.

В нем отмечалось, что подготовка метких стрелков в частях и их стажировка на боевых рубежах по истреблению немецких захватчиков показала: воины не только знают свое оружие, но и умеют из него без промаха бить немецких захватчиков. За короткое время боевой стажировки снайперами войск по охране тыла Ленинградского фронта был уничтожен 5091 фашист, мастерами меткого огня дивизии имени Ф. Дзержинского — 1051.

Снайперское движение с боевой стажировкой развернулось и в других частях и соединениях. Отличники огневой подготовки войск по охране тыла Волховского фронта уничтожили 1308 фашистов, снайперы войск Калининского фронта — 292 оккупанта. Всего мастера меткого огня внутренних войск в первых числах августа 1942-го истребили более 8430 фашистских солдат и офицеров.

К тому времени во всех подразделениях и частях внутренних войск стали формироваться снайперские команды. После длительных тренировок, изучения материальной части оружия и обобщения опыта побывавших на фронте снайперов они выезжали на боевые стажировки в действующую армию. Команды, как правило, насчитывали 20-40 человек. Продолжительность стажировки была от 10 дней до одного месяца. Некоторые бойцы выезжали на передовую по 2-3 раза.

В период с 18 января по 14 февраля 1943 года был проведен слет снайперов войск НКВД с целью обмена передовым опытом работы по подготовке мастеров меткого огня и их боевой деятельности на фронтах Великой Отечественной войны. На слете в качестве представителей частей и со-

единений войск НКВД участвовал 291 человек.

После проведения конференции и четырехдневных инструктивно-методических занятий участники слета в составе сводного батальона были отправлены на стажировку в боевые порядки 49-й армии. За время пребывания на передовой снайперы — участники слета вывели из строя 2375 фашистских солдат и офицеров.

В приказе НКВД СССР № 74 от 31 января 1943 года были подведены итоги подготовки и боевой деятельности снайперов за 1942 год. "Войсками НКВД, — отмечалось в нем, — подготовлено более 20000 снайперов, из них прошли стажировку на фронте свыше 10000 бойцов и командиров. В результате боевой работы снайперы вывели из строя 119355 фашистских солдат и офицеров. Родина высоко оценила подвиг своих верных сынов. 1525 человек были награждены орденами и медалями Союза ССР".

История войск сохранила имена многих снайперов, которые проявили мужество и героизм в боях с фашистами.

Так, 10 мая 1943 года старший сержант Евгений Петров находился на переднем крае обороны одного из подразделений. Вместе со своим напарником сержантом С. Веретенниковым он готовился на рассвете вылезти из укрытия для уничтожения гитлеровцев. Неожиданно их атаковала группа немецких разведчиков. Силы были неравными. После того как у советских воинов закончились патроны и гранаты, мужественные бойцы бросились в рукопашную схватку. Немецкая разведка, понеся большие потери, отступила. Старший сержант Петров погиб от многочисленных штыковых ран. Он навечно зачислен в списки своей части.

29 мая 1943 года НКВД СССР представил доклад в Государственный комитет обороны о снайперском движении. В нем говорилось, что с мая 1942-го по инициативе войск

НКВД по охране тыла Ленинградского фронта широко развернулось снайперское движение. Оно охватило войска по охране железных дорог, по охране важнейших предприятий промышленности, а также конвойные и пограничные войска.

Подготовка снайперов в частях закреплялась стажировкой на фронте. Из 27604 отличников огневой подготовки 14989 воевали на передовых позициях. Боевую стажировку на фронте прошли также снайперы частей войск НКВД Дальнего Востока и Средней Азии. Наши мастера меткого огня вывели из строя 182445 фашистских солдат и офицеров.

К сожалению, не обошлось и без потерь. 287 снайперов войск НКВД погибло, было ранено 618 человек, 4 пропали без вести, 1 оказался в плену.

Помимо боевой работы снайперы войск НКВД использовались в частях Красной Армии в качестве инструкторов. Командиры соединений и частей высоко оценили их умение драться с врагом.

Войска НКВД также имеют практику в формировании целых подразделений метких стрелков. Так, в 29-й и 70-й армиях были сформированы отдельные армейские снайперские батальоны. По отзывам командующих этими армиями, личный состав батальонов действовал самоотверженно.

Участие в снайперском движении в годы Великой Отечественной войны — знаменательная веха в боевой летописи внутренних войск. Снайперы — это отважные, умелые и мужественные люди. Меткими выстрелами они помогали громить врага. Требование быть отличником огневой подготовки сохраняет свою актуальность и сегодня. Это наглядно подтвердила антитеррористическая операция в Чечне.

**Генерал-майор в отставке
Евгений БЕЛОВ,
кандидат исторических наук**

Уроки Великой Отечественной

УМНЫЙ В ГОРУ... ПОЙДЕТ,

или Ловушка для банды Занкашцева

Когда речь заходит о борьбе с бандформированиями в горах, в рассуждениях многих, в том числе и военных, так и сквозит некоторая безнадежность, пессимизм. Произносят риторическое: "Попробуй достать врага в горах..." Но ведь пробовали. И доставали...

Опыт прошлой и нынешней чеченских кампаний подтверж-

дает, что война в горах — дело весьма сложное, незнакомое для многих, дело, к которому подходить надо очень ответственно.

История знает немало побед русского оружия над врагом именно в горах. Кого оставит равнодушным беспримерный переход А.В.Суворова через Альпы и разгром там францу-

зов? А в 1945 году уже советские войска совершили переход через Высокие Татры, чем немало удивили как немецких генералов, так и союзников.

Некоторые скептики сразу скажут: там был внешний враг, там боевые действия велись на чужой территории. Добавят еще, что генералиссимус Александр Суворов — явление уни-

55 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

кальное, а в Великую Отечественную Европу освобождала от фашизма “несокрушимая и легендарная”...

Но есть и в истории наших внутренних войск славные страницы, есть люди-легенды, боевые походы которых сейчас, через призму лет, видятся не только героическими подвигами, но и грамотными военными операциями, на опыте которых многому можно поучиться.

Журнал “На боевом посту” уже писал о ветеране войск Владимире Тимофеевиче Огрызко. Сегодня же речь пойдет о сравнительно небольшом эпизоде его боевой биографии, о событиях 1944 года, которые, думается, будут интересны для нынешних командиров и солдат, кому довелось выполнять служебно-боевые задачи на Северном Кавказе.

К лету 1944 года вокруг Нальчика складывалась сложная обстановка. Несмотря на то, что линия фронта была далеко от Северного Кавказа, враг не оставлял надежды на использование пятой колонны и всячески способствовал ее активизации в горах Кавказа. Только за июль и август 1944 года войсками и органами НКВД в окрестностях Нальчика было задержано свыше 80 диверсантов, агентов абвера из числа местного населения, подготовленных в дивизии “Бранденбург-800”.

В Центральном музее внутренних войск МВД России представлен интересный экспонат — 50-мм немецкий пехотный миномет 1944 года выпуска, изъятый внутренними войсками в ходе специальной операции в Чечне в ... 1995 году. Именно это вооружение абвер сбрасывал с самолетов в 1944 году в лагеря и базы диверсантов в горных районах советского Северного Кавказа.

Линия советско-германского фронта проходила уже по Украине, любое другое оружие, доставленное на Кавказ с полей боев, имело бы более раннюю дату выпуска. Новенькие же стволы доставлялись в горы целевым назначением. Выходит, что оружие агрессора, доставленное на советскую территорию, стреляло по нашим солдатам спустя полвека. Но вернемся непосредственно к операции, проведенной внутренними войсками в те далекие годы.

В то время, благодаря умелой радиопредаче, практически вся забрасываемая агентура приземлялась на площадки, заранее блокированные бойцами дивизии им.Ф.Дзержинского. Наибольшую тревогу у руководства НКВД вызывала банда Занкашиева. В январе 1944 года она насчитывала около 300 человек, к лету в ней осталось не более 180 бандитов.

В 1943 году именно это бандформирование устроило засаду в горах против стрелковой дивизии Красной Армии, которая выдвигалась в исходный район для проведения операции по освобождению Нальчика. Напорвшись на засаду, дивизия потеряла управление, понесла потери в личном составе и, оставив все обозы, артиллерию, вынуждена была вернуться в Грузию. Об этом стало известно руководству ГКО. Нарком внутренних дел Л.Берия потребовал покончить с бандой Занкашиева в кратчайшие сроки. Нелегкую задачу должна была решить ОМСДОН им.Ф.Дзержинского. Это прославленное соединение уже имело значительный опыт выполнения служебно-боевых задач на Северном Кавказе, в Крыму.

Командир дивизии генерал-майор И.И.Пияшев четко понимал, что гонять полки по горам

— дело пустое, бесперспективное. Было известно, что банда Занкашиева находится в верхней части Баксанского ущелья, периодически напоминая о себе угонами скота, грабежами местных жителей, актами террора по отношению к представителям власти, милиционерам и тому подобными преступными деяниями. Кроме того, имея осведомителей из числа местных жителей, главарь стал весьма осторожен из-за присутствия в Нальчике значительного количества войск НКВД. Внутри банды ситуация тоже была неоднозначная — решением Правительства СССР в случае сдачи бандитов их семьям уже не грозила высылка. А эта мера в отношении родственников и пособников бандитов в годы войны применялась довольно часто.

В банде остались в основном дезертиры или те, кому ни при каких условиях уже бы не было пощады за совершенные ими преступления.

Оценив обстановку, генерал Пияшев пришел к выводу, что банда, находящаяся высоко в горах, имеет значительные преимущества: бандиты знают местность, прекрасно ориентируются днем и ночью, хорошо владеют оружием. Но главное, что осознавал комдив, — это бесперспективность наступления войск снизу в горы, по ущелью, на подготовленную оборону противника. От артиллерии в этом случае польза была бы невелика. Потери войск будут большими, а вероятность успеха ничтожна.

Не один день офицеры штаба ломали голову над замыслом. Решение было принято весьма оригинальное — избрать для уничтожения бандитов их же тактику. Ведь известно: в горах тот хозяин положения, кто на-

55 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

*Бойцы из отряда капитана
Огрызко на операции в горах Кавказа*

ходится выше. Значит, нужен обходящий отряд, способный зайти банде в тыл со стороны Эльбруса и выбить ее вниз по Баксанскому ущелью. Замысел с виду прост, но как осуществить его на практике? Ведь в ОМСДОНе никогда не было горно-стрелковых подразделений, бойцы призваны из тех мест, где горы видели лишь в кино да на картинках.

Решено было создать сводный отряд из лучших спортсменов 1-го и 2-го мотострелковых полков, лыжников и легкоатлетов. Для действий в горах необходимы выносливость, способность переносить недостаток кислоро-

да, перепады температуры, колоссальные физические нагрузки.

При выборе командира отряда остановились, причем практически единогласно, на командире 1-го батальона 1-го мотострелкового полка капитане Владимире Огрызко. Двадцатичетырехлетний офицер, ростом почти под два метра, был одним из лучших бегунов, гимнастов. При этом его отличали рассудительность и хладнокровие, решительность и способность к действиям в самой сложной обстановке. Потому и авторитет среди бойцов и командиров был высок.

Офицеров и солдат капитан Огрызко подбирал лично. Подготовка продолжалась две недели: переходы и марш-броски, огневая и тактическая подготовка. Артиллеристы занимались с расчетами 50-мм ротных минометов.

Через две недели капитану Огрызко ставится боевая задача: совершить марш и выйти в тыл банде Занкашиева. В качестве проводника выступал 80-летний осетин, старшим оперативным начальником назначили капитана госбезопасности.

Чтобы бандиты ничего не заподозрили, отряд совершил большой обход с выходом на территорию Северной Осетии. В одном из горных селений проводник настоял на замене обуви — с помощью старейшин села весь отряд переобулся в так называемые чирики. Это было очень правильное решение — теперь солдаты не скользили по каменным россыпям и ледникам.

Отряд все выше поднимался в горы. Несмотря на август, становилось все холоднее, начало сказываться кислородное голодание, кружилась голова, оружие и амуниция, казалось, прибавили в весе. Но несли лишь самое необходимое: оружие, боеприпасы, паек на несколько суток, шинель.

Спокойствие величественных гор было обманчивым. Внезапно обстреляли дозор. Старший дозора, командир взвода связи, заметив бандитов, поддался искушению и стал их преследовать с тремя бойцами. Впереди ждала засада. лейтенант и один из солдат погибли. Бандиты умело выбирали позиции, ведя огонь, сами были неуязвимы для огня стрелкового оружия. Выручили 50-мм минометы. Имея весьма крутую траекторию полета сна-

Полковник в отставке В.Т. Огрызко на научно-практической конференции

ряда, они оказались очень эффективны в горах. Несколько минометных залпов достигли цели.

Однако главные испытания были еще впереди. Дошли до ледника Дыхтау. Высота 4500 метров. В шинелях становилось холодно, они покрывались изморозью. Сверкающий снег слепил глаза. Специального горного снаряжения не было, а впереди ждал склон длиною в километр. В отряде был фотограф, который сделал снимки, ставшие теперь уникальными. Когда об этом переходе рассказали специалистам Московского городского туристического клуба, те были немало удивлены. Солдаты, по меркам спортсменов-туристов, просто дилетанты, совершили сложнейший высокогорный переход без травм, обморожений, увечий.

Владимир Тимофеевич Огрызко вспоминает, как их проводник слепил снежный ком и толкнул его вниз. Потом, подбрав полы бурки, собрал их на груди, сел на снежный наст, сказал командиру: "Встретимся внизу"— и помчался в бездну...

Капитан Огрызко наблюдал за смелым осетином в бинокль. Вот тот остановился, поднялся, повернулся лицом к склону и махнул рукой.

Маневр проводника повторил командир отряда, верный принципу "Делай, как я!". Дальше все пошло как по нотам — возбужденные головокружительным катанием со снежной кручи бойцы отряхивались, хлопали друг друга по плечам. Настраение поднялось, теперь все искренне верили в удачу. Лишь бы банда оказалась на месте. Склоны Баксанского ущелья, чем

дальше вниз спускался отряд, становились все круче.

Было ясно, что ущелье, являвшееся для банды укрытием снизу, теперь, когда обходящий отряд вышел бандитам в тыл, стало для противника западней.

Используя преимущество в высоте, бойцы внутренних войск без труда заставляли бандитов оставлять позиции. Вот уже обойден их лагерь — на кострах готовится пища, оставлены вещи, пасется скот. Отдав необходимые команды, капитан Огрызко организовал преследование противника, не давая ему возможности закрепиться. Впервые удалось выйти по радио на связь с полком. 1-й и 2-й полки приготовились к бою на выходе из ущелья, где во всеоружии ждали появления банды.

А дальше было все известно. Получилась своего рода облава на волков. Отряд капитана Огрызко — в загоне, 1-й и 2-й полки — на номерах. За эту специальную операцию Владимир Тимофеевич Огрызко был награжден орденом Красного Знамени.

Сейчас, встречаясь с этим ветераном внутренних войск, всегда удивляешься его энергии, целеустремленности и жизнелюбию. Никогда не скажешь, что ему уже восемьдесят лет, из которых половина отдана внутренним войскам. Вот и попробуй применить к нему известную поговорку "Умный в гору не пойдет". Всю жизнь идет в гору. И всю жизнь побеждает.

**Подполковник Павел СМИРНОВ,
кандидат исторических наук,
преподаватель
Военного университета**

Фото из фондов Центрального музея внутренних войск МВД России

Репродукция Сергея НАУМОВА

ВETERАНЫ

Три письма полководца

С Владимиром Ивановичем Масленниковым, сыном полководца Великой Отечественной, а в послевоенное время заместителя министра внутренних дел по войскам Героя Советского Союза генерала армии Ивана Ивановича Масленникова, я встретился в подмосковной Мамонтовке, где снимал дачу.

Было слегка туманное, парное августовское утро с редкостной тишиной, которую как бы пунктиром обводили монотонные сигналы электричек. Местный ресторанчик еще не открылся, и мы решили прогуляться по полусонному поселку — была суббота. Когда миновали улочку-аллею и вышли к клубничным полям, на небе открылась белесая полоса, и враз брызнуло солнце. Стало как-то веселее, и разговор оживился.

— Знаете, отец был очень занятым человеком, — начал рассказ Владимир Иванович, — как и абсолютное большинство высших военных чинов. Буквально по пальцам можно сосчитать дни и часы, выпадавшие на наше общение. Так было перед войной и после нее, да и стиль работы его ведомства более других всецело диктовался Сталиным — 18-20 часов в сутки. Такой же распорядок был у отца на фронте, об этом он упоминал в своих письмах. Вот одно из первых, когда его назначили командующим 29-й армией, сформированной

из подразделений и частей внутренних и пограничных войск.

Владимир Иванович протянул мне пергаментного цвета листки, иаломанные на изгибах:

"Дорогие мои и любимые!

Бои идут ежедневные и кровопролитные. Вот уже громим здесь четвертую дивизию фашистов. Армия моя на хорошем счету. Начались дожди и холода, все время по колено в грязи, и за шиворот капает с каски. Мой распорядок дня такой: в 5, иногда в 6 часов утра ложусь спать до десяти, потом на позициях до 23-х, а затем штабная работа.

Все мы видим, как тяжела страдания народа, особенно женщин и детей в прифронтовой полосе. Но наши советские люди замечательные! Как они здорово помогают красноармейцам. Каждый хочет хоть чем-нибудь облегчить жизнь бойца, вдохновить его на борьбу с ненавистным врагом.

Тяжело нам сейчас. Много раненых, отправить их не могу. Плохо с продовольствием, боеприпасами. Но мы стоим, как плотина в весеннее половодье... Знаю и верю, что крепче этой плотины нет. Бьемся крепко. Упорных боев предстоит множество. Победим, безусловно, мы..."

Владимир Иванович достал из портфеля пожелтевший номер газеты "Красная звезда".

— Видимо, оптимистический тон отцовскому письму придавала эта вечерняя сводка Совинформбюро от 28 сентября

1941 года. Это как раз время написания письма, — сказал он.

"В результате упорных четырехдневных боев, — отмечалось в сводке, — части командира Масленникова на западном направлении фронта нанесли поражение 223 и 235 пехотным полкам и 102 немецкой пехотной дивизии. Враг оставил на поле боя свыше двух с половиной тысяч трупов солдат и офицеров. Огнем нашей артиллерии разбиты две артиллерийские и десять минометных батарей врага. Захвачены трофеи".

Обогнув клубничные поля, мы с Масленниковым-младшим не спеша спустились к речке. Не очень спорый низовой ветерок гнал по воде чешуйчатую рябь, и она поблескивала на солнце и слепила. Разговаривалось нам легко, мы были почти ровесниками — мальчишки военной поры, которым тоже выпало испытаний по горло. А как ждали писем с фронта, как гордились, когда отцы персонально обращались к нам!

Когда Владимир Иванович прочитал мне вслух отцовское письмо, стиль, рассуждения и советы показались мне знакомыми. Такие же весточки слал с огненной черты мой незабвенный папка, герой подростковых грез — командир дивизиона гвардейских минометов, "катюш", лихой капитан в каракулевой кубанке.

Вот письмо генерала Масленникова к сыну: *"Дорогой мой Вовочка, ты жалуешься, что у тебя не получаются*

55 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

большие письма. Не думай, что все длинные письма — это обязательно хорошо. Написать длинное письмо каждый может, а вот коротко рассказать о главном и пережитом и в то же время высказать свою точку зрения по поводу случившегося, увиденного и пережитого — это труднее. Если хочешь написать длинное письмо, то представь себе, как будто ты встретил меня и рассказываешь о своих накопившихся впечатлениях. Выйдет письмо длиннее. Читая его, я буду представлять, что это вовсе не письмо, а ты сам стоишь рядом и разговариваешь со мной...

А чтобы многое рассказать в коротком письме — это уже мастерство, искусство. Этому нужно учиться. Читая письма наших писателей-классиков. Обрати внимание, как коротко и талантливо писал свои рассказы Чехов.

Будь умницей, сынок, во всем помогай маме..."

— Сейчас я старше отца, — задумчиво говорит Масленников, устремив взгляд на левый берег речки, где зелено разливалась пойма, — но не перестает меня волновать аскетизм отцовского поколения, его жертвенность, высокая нравственность, бесребреничество. Когда-то я один из разделов своей диссертации посвятил этой проблеме. И впрямь: можно ли себе представить, чтобы в довоенные и послевоенные годы высокопоставленный генерал был взяточником, министр — коррупционером, а правительственные чиновники — ворами и жуликами? Последнее сохранившееся письмо отца, которое вы сейчас прочтете, мне кажется, вполне конкретно отвечает на вопрос: "Как нужно дорожить государственной ношей, если она на тебя возложена?"

"Дорогие мои, любимые!

Священная война нашего Отечества обязывает выполнять долг гражданина с наивысшей ответственностью. Сердце горит желанием защитить, не дать на поругание наш народ. Слишком тяжелая и чрезвычайно нужная ноша мне поручена. Стать совершенно некогда, работа изнурительная: надо все предусмотреть, все предвидеть. Ибо малейший мой просчет увеличит

страдания народа, прольется лишняя кровь.

Мой милый Тасюрик, выдержи ли такую колоссальную нагрузку? Ты видел, как я волновался после разговора с товарищем Сталиным. Я дал ему слово: не дать врагу нефть. Считаю: половину задачи выполнил. Одну немецкую армию основательно побили, теперь надо добить.

Клейст явился в Моздок лично, чтобы восстановить положение и заставить свои войска прорваться к Грозному. Шли самые ужасные десятидневные непрерывные бои. Нас с Клейстом разделяло поле битвы глубиной 15 километров, он бросал против нас свежие танковые части. Пыль и дым не рассеивались. Страшна мясорубка боя. Отдельные группы танков подходили к моему КП на два километра. К сожалению, в моем подчинении танков не было. Я бросил в бой последний свой резерв — гвардейский корпус генерала И. П. Рослого. И он спас положение. Фашисты были окружены в районе Гизели... В заключение радостная новость для вас: ваш папка назначен командующим вновь созданного фронта — Северо-Кавказского, и мне присвоено звание генерал-полковника".

— Генерал-лейтенант Фоминых, член военного совета Северо-Кавказского фронта и всех объединений, которыми отец командовал с 41-го года, — говорит Владимир Иванович, — не раз рассказывал мне один забавный эпизод, который очень уж впечатался в память.

...Объезжая боевые порядки частей под Орджоникидзе, они с Фоминых встретили на дороге старушку осетинку с мальчонкой на руках.

— Мамаша, куда путь держите? — спросил ее отец.

— В Гизель, дорогой человек, внука веду.

— Да там же еще немцы.

— Пока дойду, генерал Масленников вышвырнет их, как поганых шакалов.

— Правильно, мать, скоро из Гизели побегут фашисты.

Прищурившись, подняв ладонь к глазам, старушка спросила:

— А ты кто же будешь, дорогой?

— Я и есть генерал Масленников, — рассмеялся отец.

Подбросив мальчонку на руках и возвратив его пожилой женщине, добавил:

— Правильно, мать, говорят горцы: разве может шакал одолеть льва, разве может ветер столкнуть Кавказские горы!

... Не так давно мы побывали с Владимиром Ивановичем на могиле генерала армии на Ваганьковском кладбище. Утренняя Москва все больше наполнялась обычными для нее шумами, а здесь, на тенистых аллеях, было пустынно. На могиле полководца лежал букетик чуть привядших хризантем. У надгробья белел какой-то листок бумаги. Обыкновенный листок из карманного блокнота, придавленный камешком, чтобы не унес ветер. "Дорогому генералу от солдата! Я помню Ваше рукопожатие под Эльхотово в 1942-м. Терсков Анатолий Михайлович, бывший сержант, помощник командира взвода. Проездом в Москве".

Липы на Унтер-ден-Линден

Как с неба свалилась на майора в отставке, а по лесному ведомству генерала, заслуженного лесоведа России Дмитрия Боброва туристическая путевка в ФРГ, да еще по страшно смешной цене, что в нынешние времена равносильно найденному кладу.

Домашние не возражали против такого турне — все знали если не мечту, то страстное желание Дмитрия Сергеевича побывать в Берлине, где он, солдат последнего военного призыва, ставил последнюю победную точку в немилосердной той войне и где в уличной схватке с фашистами на задымленной Унтер-ден-Линден его так прошли осколками от фаустпатрона, что след от них и поныне остался на груди ветерана. И если бы не та красавица липа в майском изумрудном наряде, ствол которой он обнял и переместился на 90 градусов в минуты яростного огня, не было бы лесоведа Боброва, лелеющего зеленое богатство России на протяжении полувека.

Находясь в возрасте, с вершины ко-

55 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

тогого уже просматривается жизненный аут, Дмитрий Сергеевич не мог не задумываться о прожитых годах. Но как бы он их ни считал, какими бы мерками ни мерил — все упиралось в тот майский день с волнующей теплынью, перемешанной с пороховой гарью, когда он лежал под липой, запрокинув лицо к солнцу, и над ним выгаивали перистые облака. Бобров был убежден, что у каждого человека есть в жизни высшая цель, ради которой он живет.

... За размышлениями и воспоминаниями он не заметил, как самолет коснулся бетонки и стал вырывать к аэровокзалу.

— Подумать только, — задумчиво сказал Бобров соседу по креслу, — от Москвы до Берлина всего лишь два с небольшим часа лету, а когда-то нам потребовалось на этот путь четыре года...

По дороге в отель через огромное окно комфортабельного автобуса Дмитрий Сергеевич до рези в глазах всматривался в улицы и дома, боясь упустить то, что должно быть обязательно узнано. Но военная юность не оставила ни одного опознавательного знака. Не было буквально ничего, за что зацепилась бы память; перед ним расстился город, в котором он как будто никогда не бывал. Слово сквозь землю провалился тот Берлин 1945-го. Теперь это был сытый, респектабельный, довольный собой мегаполис. И нельзя его представить разбитым, искореженным, доходягой в панихидной дымке тумана...

Как ни странно, но первыми, с кем пообщался Бобров, были его двое бывших соотечественников, поволжские немцы из города Камышина. Несколько лет назад они переехали на историческую родину. Обеспечены хорошими, достойными пенсиями, конечно же, квартирами. Ни в чем не нуждаются. Но ко всем возрастным болячкам приобрели ещё одну: тоску по России. Бывает, она так гложет и путает сознание, что, кажется, улетает душа. Тот, кто представлялся Николаем, сухопарый, с глубоко посаженными глазами, прочитал стихи:

*Не нужна мне здесь чаша сытая,
Часто снится мне забытое:*

*Жизнь нетрезвая, неумытая,
Песня русская под ракетой.
Демонстрации с транспарантами,
Новый год веселый с курантами,
Домик маленький, сад со сливами.
Видно, там мы были счастливыми.
Там, что было, мы ели с охотой,
Там мы жили работой, заботами.
Никого ни о чем не просили мы,
Там мы бедными были, но сильными...*

Насыщенной программе и жестко установленной дисциплине туриста Дмитрий Сергеевич вынужден был подчиниться. И хотя сердце рвалось на свидание к своей спасительнице, теперь уже немолодой красавице липе, Унтер-ден-Линден решено было оставить "на закуску".

В Берлине и в тех городах, которые посещала тургруппа, властвовала роскошная осень с беспечальным трепетом падающей листвы, тихой рябью застоявшейся воды на уютных прудах и мглистыми рассветами.

Бобров легко приунылся к распорядку. Он отдыхал физически, телом. Но в думах и чувствах постоянно сходилась прошлое и настоящее, сходилась так близко, словно переливалось одно в другое. Достаточно было какого-нибудь запаха, знакомого щебета играющих ребятишек, случайно попавших на глаза веселых огоньков настурций на газоне — и открывалось что-то в прошлом, порой совсем не важное, прожитое незаметно, но сохраненное памятью. Тем эти минуты и были хороши, что он вновь как бы проживал те мгновения, которые когда-то пролетали безотчетно мимо, как телеграфные столбы за окном курьерского поезда. А главное, в этом наплыве дум и чувствований присутствовала его прекрасная военная пора, которая вдруг воскресла в нём, омолодив и очистив.

В канун вылета домой Дмитрий Сергеевич проснулся раньше обычного. Прислушался к сторожким шелестам, шмяканью капель о листья и вздохам деревьев в кронах, где ветер ходил мягкими волнами, и подумал: неужели так некстати дождь? Потом угадал: это деревья отдадут земле излишнюю, повисшую на них влагу.

Побрившись, наодеколонившись и

надев белую рубашку с новым, недавно купленным галстуком, Бобров поехал к Бранденбургским воротам — оттуда до Унтер-ден-Линден рукой подать.

Как же была прекрасна томным осенним нарядом летящая вдаль перспектива этой знаменитой улицы! И как непохожи эти чинно гуляющие немцы на тех громил в касках, которые в агонизирующей, ненавистной для всего мира столице третьего рейха оцетинивались всеми видами оружия...

Светило неяркое, подслеповатое солнце, озаряя бликами новые, будто сшитые из льняного полотна дома, шуршали шинами сияющие лаком автомобили, а Бобров, скрывая волнение, всматривался в четырехшереножный строй лип, словно накинувших на себя плащ-накидки цвета хаки, которые чуть-чуть порыжели. Древесных экземпляров с могучей курчавостью крон, с тонким масляничным запахом было не так уж много. Тогда, в 45-м, их импозантные челки, как злой парикмахер, обкорнал кинжальный огонь пулеметов и автоматов. Бобров переходил от дерева к дереву, поглаживая коричневую кору.

А вот и страдалица, у которой весь ствол в бутристых наростах. Не под ними ли затаились осколки? Не она ли закрыла его своим станом в те роковые секунды?.. Но рядом стояли такие же липы с выпуклыми морщинами и шершавыми зазубринами. Весь этот одношереножный строй "старослужащих" как бы прикрывали молодые липки, перешептываясь разноперой листвой в оранжевых крапах. Так и не опознал Дмитрий Сергеевич свою спасительницу.

Простившись с фронтовой юностью, Бобров стремительно вышел навстречу золотистому свечению улицы, и в нем зазвучала знакомая мелодия старой песни: "Унтер-ден-Линден, Унтер-ден-Линден — звонкая песня листвы..."

**Полковник в отставке
Юрий ДУРНЕВ**

1730 — 1800

**Мы русские,
мы все
одолеем.**

А.В. Суворов

6 февраля 1799 года примчался к Суворову флигель-адъютант С.И. Толбухин с рескриптом Павла от 4 февраля: "Граф Александр Васильевич! Теперь Римский император требует Вас в начальники своей армии и вручает Вам судьбу Австрии и Италии. Мое дело на сие согласиться, а Ваше — спасти их. Поспешите приездом сюда и не отнимайте у славы Вашей времени, а у меня удовольствия Вас видеть".

Суворов ответил Павлу: "Тотчас упа-

перь я его знаю. Такой экзерцицимейстер не увидит, когда его неприятель окружит и разобьет".

Понимали это и в Париже, и вскоре Шерера заменил талантливый 36-летний полководец Жан Виктор Моро, один из лучших генералов республики. С 1794 года он командовал Северной, а в 1796-м — Рейнско-Мозельской армией, нанеся ряд серьезных поражений австрийским войскам. Теперь ему предстояло наряду с известным противни-

Вольдемар БАЛАЗИН

Александр Васильевич СУВОРОВ

ду к стопам Вашего Императорского Величества" — и приказал Толбухину скакать обратно, не теряя ни минуты.

Сам же приказал: "Час собираться, в другой — отправляться! Поездка четырьмя товарищами: я в повозке, а они — в санях. Лошадей надобно 18. Взять на дорогу денег — 250 рублей. Егорке бежать к старосте Фомке и сказать, чтобы такую сумму поверил, потому что я еду не на шутку: я тут служил за дьячка и пел басом, а теперь буду петь Марсом!"

...

Суворов прибыл на театр военных действий 4 апреля, когда союзники одержали несколько побед над французской армией, во главе которой стоял генерал Бартеlemi Луи Жозеф Шерер. Это был малоспособный военачальник. Когда Суворову сообщили, что Шерер, принимая командование, прежде всего устроил смотр войскам, и, обходя ряды, поправлял солдатам шляпы и делал замечания о недостающих пуговицах, то Александр Васильевич сказал: "Ну те-

ком сразиться и с дотолем неведомым неприятелем — русскими.

Узнав, что на место Шерера назначен Моро, Суворов улыбнулся: "И здесь я вижу перст Провидения. Мало славы было бы разбить шарлатана. Лавры, которые похитим у Моро, будут лучше цвести и зеленеть".

Русские сразу же стали переучивать союзников на свой манер. В первый же день пребывания в армии Суворов командировал в австрийские полки офицеров-инструкторов учить союзников "тайнству побиения неприятеля холодным ружьем", т.е. штыком, и для "отучения от ретирады".

Чего Суворов не смог от австрийцев добиться, так это столь же быстрых и дальних переходов. Русские выступали в поход в 3 часа ночи и могли пройти до ночного бивака 40 — 50 верст; австрийцы поспеть за ними не могли, шли до глубокой ночи, выбивались не только из последних сил, но и из графика движения по маршруту. Суворов шел вперед, не меняя графика, приказывая навертывать упущенное расстояние. Австрийцы сбивались с дороги, оставших были не единицы и не сотни: оставшей стала вся австрийская армия, недо-

Окончание. Начало в № 2, 3, 4

вольная, озлобленная, вымотанная еще до боев.

Первой на пути Суворова оказалась крепость Брешиа, в которой находился тысячный гарнизон. Суворову нужна была победа блистательная и молниеносная. Он бросил против Брешиа 24 тысячи войск, подошедших к ее стенам сразу с трех сторон, и гарнизон без выстрела выкинул белый флаг. Это случилось 10 апреля. Через три дня также без сопротивления пала крепость Бергамо, после чего союзники вышли фронтом в 100 километров на реку Адда.

Быстро наведя несколько мостов (на строительстве моста у Джервази работал под сильным дождем, как рядовой солдат — без плаща и шляпы — и сам Суворов), союзники перешли Адду. Австрийцы, среди которых оказался Суворов, воодушевленные им, с ходу взяли предместные укрепления французов и вышли в тыл войскам Моро. Это решило исход сражения, и Моро отступил.

17 апреля союзники двинулись к Милану, окружив и пленив почти целиком захваченную врасплох дивизию генерала Серрюрье. К ночи союзная армия вошла в Милан, а французский гарнизон заперся в цитадели.

На следующий день была Пасха, и Суворова, торжественно въехавшего в город, экспансивные и восторженные миланцы встретили с таким же энтузиазмом, как и Бонапарта, три года назад изгнавшего из города австрийцев и объявившего Милан столицей Цизальпинской республики.

Суворов объявил Цизальпинскую республику более не существующей и передал бразды правления Меласу, к великому неудовольствию жителей города, ненавидевших австрийцев.

Дождавшись дивизии генерал-лейтенанта Ивана Ивановича Ферстера, подошедшей из России, Суворов 23 апреля, как и всегда в три часа ночи, двинулся дальше. Он взял с собой всего 36 тысяч войск, оставив почти 70 тысяч для осады трех крепостей и Миланской цитадели, на чем настаивал гофкригсрат, а сам пошел навстречу 40-тысячной армии дивизионного генерала Жака Этьена Макдональда. 15 мая Суворов занял Турин, а австрийцы за это время овладели всеми осажденными крепостями и цитаделью Милана.

В Турине, столице бывшего Сардинского королевства, Суворов провозгласил восстановление монархии и пригла-

сил короля занять трон, утерянный им из-за "безбожных санкюлотов".

Однако это политическое решение, не согласованное с Веной, шло вразрез с политикой императора, хотевшего включить отвоеванные у французов территории в состав империи Габсбургов без всякого участия бывшего короля. Франц строго указал Суворову, что он только генерал и его дело — воевать, а политикой занимается монархи. Почти месяц провел Суворов в Турине, блокировав местную цитадель, но не имея возможности взять ее из-за отсутствия осадной артиллерии.

Вдруг в самом начале июня пришла весть, что Макдональд появился у Модены, разбил австрийскую дивизию и идет на север. Союзная армия двумя колоннами двинулась ему навстречу.

6 июня Макдональд настиг отходившую австрийскую дивизию фельдмаршала Петра Карла Отта и вступил с нею в бой.

Оставив свои главные силы, которые третьи сутки шли так быстро, как только можно, Суворов с четырьмя казачьими полками и двумя полками австрийских драгун помчался вперед и подоспел на помощь Отту в самый критический момент.

Во время боя к полю сражения подходили все новые и новые русские части. Солдаты, достигнув цели, в бой идти не могли, они падали от изнеможения, а спустя некоторое время шли в наступление, шатаясь от усталости.

7 июня сражение возобновилось. За ночь союзные войска отдохнули и, сделав семикилометровый марш, так как Макдональд именно на такое расстояние отвел свои войска, вышли на берег реки Треббии. Утомление все еще сказывалось, марш союзников начался поздно, и Макдональд, хотя и отошел за Треббию, но решающего успеха ни та ни другая сторона не одержала. К утру 8 июня к Макдональду подошли две дивизии — Жана Батиста Оливье и Жозефа Монришара, и около 10 часов утра, когда союзники начали строиться в боевые порядки, французы перешли Треббию несколькими колоннами и под прикрытием огня артиллерии атаковали по всему фронту. Бой, длившийся с переменным успехом восемь часов, к 6 часам пополудни кончился отступлением французов за Треббию. Суворов попытался преследовать отступивших, но был отбит огнем пехоты и артиллерии и решил продолжить сражение на следующий день.

Макдональд, потерявший убитыми, ранеными и пленными 16 тысяч человек, на продолжение боя не решился. Ночью он зажег по всему берегу бивачные огни, имитируя присутствие армии в лагере, а сам снялся с места и форсированным маршем стал уходить от возможного преследования.

Союзники потеряли около 6000 человек, но, несмотря на значительный численный перевес, всех выгод победы не использовали, так как поздно обнаружили обман и догнать Макдональда не сумели. Вследствие победы на Треббии вся Средняя и Южная Италия перешла под скипетры Габсбургов и местных феодальных властителей. Макдональд и Моро были отстранены от командования, трое генералов из обеих армий отданы под суд.

Суворов, одержав победы над лучшими полководцами Франции, считал, что следует одним стратегическим ударом покончить с противником, начав марш на Париж, доказывая венским стратегам, что "лучше одна кампания, чем десять". Однако ему не только не позволили, такого, с точки зрения гофкригсрата, "очевидного безумства", но даже не разрешили идти в Южную Италию, превратив Суворова в "приравненного к Венским вратам", за которые император и гофкригсрат боялись более всего, и им необходима была относительная близость к столице Австрии стотысячной союзной армии. Меласу велено было неотлучно находиться при Суворове, было поручено визировать все приказы главнокомандующего и без своей подписи не разрешать ни одной операции.

Суворов негодовал, но поделать ничего не мог. Он апеллировал к Павлу, однако император поддержал своего августейшего брата и велел Александру Васильевичу точно исполнять приказы Франца. Суворов не мог делать того, что хотел, но и не делал того, что ему приказывали. Полтора месяца прошли, казалось бы, в совершеннейшем бездействии. Однако в это время Суворов ежедневно занимался обучением войск, разрабатывал план ведения дальнейшей кампании, скоординировал свои действия с союзным флотом в Средиземном море. И все же переход стратегической инициативы в руки союзников, и особенно поражения Моро и Макдональда пагубно сказались на моральном духе французских войск и их обычно высокой боеспособности. После того как 17 июля пала последняя сильная

крепость Северной Италии — Мантуя, можно было считать кампанию законченной. Так, по крайней мере, было воспринято это и в Вене, и в Петербурге.

6 августа Павел возвел Суворова в княжеское достоинство, с титулом "Италийский". Причем в рескрипте указывалось, что титул дается ему "в воздаяние заслуг его в минувшую войну".

Между тем, еще не зная о присвоении ему княжеского титула и не зная, что война считается уже минувшей, Суворов отдал несколько приказов, смысл которых сводился к подготовке похода, окончание которого он видел в Париже.

Но французы перехватили инициативу, и, словно Феникс, восстающий из пепла, в долинах Италии 1 августа снова — и уже в который раз! — появились их первые отряды.

Макдональд берегом моря прошел к Генуе, где соединился с Моро. Еще один молодой и талантливый генерал Бартеlemi Катрин Жубер, назначенный в Италию главнокомандующим, прибыл на Ривьеру со свежими силами прямо из Франции на помощь Макдональду и Моро. Семью колоннами подошел он к небольшому городку Нови, надеясь встретить сравнительно небольшой воинский контингент — тысяч в 6 — 8, но увидел перед собой всю союзную армию.

Жубер остановился и тотчас же собрал военный совет. Суворов ожидал атаку со стороны французов 3 августа, но ее не последовало. И тогда он решил атаковать сам. Еще до зари 4 августа Суворов бросил 27 тысяч австрийских войск на левый фланг Жубера, который тут же примчался на угрожаемый участок и был убит в первые минуты сражения. Ему было всего 30 лет. Командование принял Моро, перебросивший сюда с правого фланга 22 тысячи французов, которые отбросили австрийцев назад.

Суворов двинул 6000 русских солдат во главе с Петром Ивановичем Багратионом и 3500 — с 28-летним Михаилом Андреевичем Милорадовичем. Но и это не помогло — французы держались стойко и оборонялись активно.

Тогда Суворов бросил в бой одновременно 43 тысячи солдат и офицеров, перешедших в наступление по всей линии фронта. Но и они ничего не добились, ибо после девятичасового боя были отбиты на всех пунктах.

Суворов остановил бой: такого в его полувекковой военной практике еще не

было. Он, имея 65 тысяч бойцов, ничего не смог поделать с 38-тысячной армией неприятеля. Тогда он приказал Меласу идти в обход правого фланга, а сам бросил в бой 46 тысяч человек, как только отряд Меласа завершил обход. Одновременный удар по фронту и на правый фланг противника завершил дело под Нови.

Потери сторон оказались почти равными: около 7500 человек с каждой стороны. Военные историки отмечают, что какого-либо стратегического значения битва при Нови не имела, тем более что преследования отступившего противника не было — солдаты были так измотаны сражением, дивившимся от восхода солнца до темноты, что традиционную идею погони пришлось оставить.

А вслед за тем из Вены поступило строжайшее повеление: наступление остановить. Часть австрийских войск была отозвана, получив назначение в новые места дислокации.

В эти дни на Суворова пролился новый дождь наград. Более других отличился сардинский король: за взятие Пьемонта Суворов был возведен в ранг Великого маршала пьемонтских войск, гранда королевства, с потомственным титулом принца и кузена короля. Павел, поздравляя с этим Суворова, написал: "Через сие вы и мне войдете в родство, быв единожды приняты в одну царскую фамилию, потому что владетельные особы между собою все почитаются роднею". Кроме того, Александр Васильевич получил от пьемонтского короля еще крест Святых Маврикия и Лазаря, и цепь ордена Святой Анунциаты. Павел рескриптом от 6 сентября 1799 года велел всем своим "верноподанным присоединить в молитвах имя Суворова к имени Его", а войскам армии и флота было предписано "воздавать Суворову царские почести согласно уставу, даже в высочайшем присутствии". Город Турин поднес Суворову золотую шпагу, усыпанную бриллиантами. В театрах читались стихи, написанные в его честь. В Англии было выбито множество медалей с его изображением.

Суворов гордился итальянской кампанией 1799 года. Когда спросил он в штабе своем, по окончании боевых действий, были ли за время похода какие-нибудь случаи неповиновения, то ему ответили, что не было ни одного случая.

"Теперь, — сказал Суворов, — узнаю я наше русское войско. Это дисциплине обязан я своими победами, ибо что есть

войско без повиновения и каким образом могут толпы вооруженных людей направляемы быть безошибочно к назначаемой цели без власти? Наша служба легка, когда ее дружно поднимают все вместе. Нет! Греки и римляне с нами не сравнятся!"

Один венский двор был далек от восторгов, и только Вена сохраняла вид, что ничего особенного не случилось, но опасалась усиления роли России в городах Италии. Суворову вскоре было предложено, встав во главе русских войск, отправиться в Швейцарию, где находилась 80-тысячная армия французского генерала Андре Массены.

Чтобы Суворов поскорее ушел в Швейцарию, австрийцы вывели оттуда почти все свои войска, оставив наедине с Массеной 24-тысячный русский корпус генерал-лейтенанта Александра Михайловича Римского-Корсакова.

И Суворов поспешил ему на выручку.

Он начал Швейцарский поход, ставший венцом его воинского искусства, вознесший его выше покоренных им альпийских вершин. И эту его лебединую песню справедливо назвали "орлиным полетом".

Приказ императора Франца о перемещении русских войск в Швейцарию Суворов получил 16 августа. Но он не спешил с его выполнением, ибо его войска стояли под крепостью Тортона и пока еще не могли ее взять. Как только 31 августа Тортона капитулировала, армия Суворова выступила в поход. Через шесть дней армия подошла к подножию Альп, к городку Таверна. Здесь русских должны были ждать продовольствие, фураж, горные орудия, мулы и лошади, которых обещал доставить Мелас. Но ничего этого не оказалось, а когда обоз прибыл, выяснилось, что доставлено меньше половины обещанного. Пришлось спешить казаков, превратив их в пехоту, и таким образом за счет казачьих коней пополнить недостаток лошадей и вьючных мулов. Закончив приготовления для перехода Альп, Суворов распустил слух, что выступить сможет не ранее 20 сентября. А сам выступил гораздо раньше и, посплав в обход Альп шеститысячный отряд генерала Розенберга, уже 10 сентября подошел к перевалу Сен-Готард, занятому 8500 французов.

13 сентября русские двинулись на перевал. Впереди шел отряд Багратио-

на, который, карабкаясь по страшным кручам, выбивал огнем и штыком засевшего за глыбами камней и скалами неприятеля. Упорно сопротивляясь, французы уходили от русских, пятясь к перевалу, и возле деревушки Госпис остановили русских, заняв заранее подготовленную позицию.

Суворов шел к этой позиции следом за неприятелем и, дойдя до Госписа, сам дважды поднимал в атаку свои главные силы, но обе его атаки были отбиты с большим для русских уроном. Потери наступающих превысили тысячу человек. В четыре часа дня Суворов повел войска в третью атаку. И в этот момент все увидели, как под низкими тучами, нависшими над левым флангом французов, на заоблачных высотах, показались солдаты Багратиона, совершившие обход противника. Почти тотчас заметили это и французы и, поняв, что оказались между двух огней, стали поспешно отходить к деревне Госпенталь. Заняв перевал Сен-Ютард, Суворов дал солдатам краткий отдых в католическом монастыре Капуцинов, стоявшем на самой высокой точке перевала, и затем начал спуск.

Французы из отряда генерала Лекурба ждали русских на новой позиции. Первая попытка выбить их успехом не увенчалась. Но в семь часов вечера в тылу неприятеля появился отряд Розенберга. Батальоны Суворова бросились в штыки, сбили Лекурба с позиции и ворвались в Госпенталь.

Суворов тут же послал депешу Римскому-Корсакову: "Несмотря на задержку, на следующий день рассчитываю быть у Альтдорфа".

Однако на пути к Альтдорфу Суворова ждало еще одно неожиданное препятствие. Он не ожидал встретить Лекурба, полагая, что тот ушел в долину. Но Лекурб, повторяя Суворова, за ночь перешел через дикий хребет Беттберг в две с половиной версты высоту, без дорог, по отвесным кручам, и раньше русских занял позицию у них на пути, возле деревни Гешенен за Чертовым мостом.

...

Войска Суворова, выйдя из монастыря Капуцинов, по дороге соединились с отрядом Розенберга и двинулись дальше правым берегом реки Рейсы. Через версту суворовцы увидели огромные от-

весные утесы, спускающиеся к реке. Сквозь один из утесов был пробит туннель в 80 шагов длиной, настолько узкий, что по нему могла пройти только одна лошадь с вьюком.

Разумеется, Лекурб занял выход из туннеля, полагая, что горсти солдат бу-

Сражение у Чертова моста

дет достаточно, чтобы не пропустить неприятеля через "Урзернскую дыру", как называли туннель местные жители. Первыми на ружейный огонь и картечь французов напоролась солдаты авангарда Милорадовича. Атаковать "дыру" в лоб было бессмысленно. Милорадович остановился и затеял перестрелку, в то время как Суворов послал в обход туннеля два отряда — в 300 и 200 егерей, которые зашли в тыл защитникам Чертова моста, расположенного за "Урзернской дырой". Чертов мост лежал ниже туннеля, в конце крутого спуска. Мост назывался так, потому что под ним на глубине в 25 метров мчалась, сдавленная скалами, бурная горная река. После Чертова моста дорога упиралась в отвесные скалы противоположного берега Рейсы, поворачивала направо и спускалась к реке, а затем по второму мосту можно было снова перейти на другой берег.

Первым отрядом егерей командовал полковник Трубников, вторым — майор Тревогин.

Как только егеря Трубникова, словно снег на голову, упали на французов, солдаты Милорадовича прорвались через туннель и бросились к Чертову мосту. В это время над позицией неприятеля появились и отряд Тревогина, и другие отряды, посланные Суворовым следом за ним. Французы, отступая, лишь повредили мост, не успев до конца разрушить его, а это, конечно же, не сильно задержало наступление русских, которые под огнем неподалеку засевших солдат Лекурба перебросили несколько бревен, связав их офицерскими шарфами, и перебежали через мост.

Французы отступали шаг за шагом, не сдавая без боя ни пяди земли. И все же русские упорно шли вперед. На следующий день Суворов занял Альтдорф и, спеша на помощь Римскому-Корсакову, решил пойти к месту назначенного заранее соединения, деревне Швиц, по самой короткой и самой трудной дороге — через хребет Росток, используя две узкие горные тропы, по которым в это время года поднимались только самые смелые и опытные охотники за горными козами.

Оставив для прикрытия небольшой отряд в Альтдорфе, Суворов в 5 часов утра 16 сентября начал подъем в горы. Впереди снова пошел Багратион. Через 12 часов он перевалил через хребет и вышел в Мутен — деревню, лежавшую уже в долине. Солдаты Багратиона 15 верст несли на руках по горным тропам орудия и зарядные ящики. Весь их путь был усыпан трупами: солдаты срывались в пропасти, умирали от старых ран и полного изнеможения.

В 5 часов вечера Багратион выбил из Мутена французский гарнизон, и к ночи весь авангард был уже в Мутенской долине.

Через три дня в долину собрались все войска Суворова. Но еще задолго до сбора всех Суворов послал вперед полковника Сычева с сотней казаков, приказав узнать, где Корсаков и что с ним.

Сычев вскоре вернулся и сообщил, что Корсаков разбит в бою под Цюрихом, а победитель его — Массена — стягивает войска к Швицу, и, таким образом, Суворов окружен. У Массены было более 40 тысяч солдат и офицеров, у Суворова — едва 15 тысяч усталых, обес-

силевших воинов, почти без артиллерии. Суворов собрал военный совет, где единогласно было решено прорываться. Немалую в том роль сыграло красноречие полководца.

Затем Суворов обратился к солдатам.

Он сказал: "Штыки, быстрота, внезапность — вот наши вожди". И в этом не было преувеличения, ибо патроны, картечь и ядра кончились. Суворов продолжал: "Неприятель думает, что ты за сто, за двести верст, а ты, удвоив, утроив шаг богатырский, нагрянь на него быстро, внезапно. Неприятель пьет, гуляет, ждет тебя с чистого поля, а ты из-за гор крутых, из-за лесов дремучих налети на него как снег на голову: рази, стесни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться. Кто испуган, тот побежден вполтину. У страха глаза велики — один за десятерых покажется. Будь прозорлив, осторожен, имея цель определенную. Возьми себе в образец героя древних времен, наблюдай его, иди за ним вслед; поравняйся с ним, обгони — слава тебе!

Я выбрал Цезаря. Альпийские горы за нами — Бог перед нами: Ура! Орлы русские облетели орлов римских!"

На следующее утро войска Суворова двинулись к Гларису. В авангарде, как и прежде, шел Багратион. Розенберг был оставлен в Мутенской долине, в аррьергарде, для прикрытия.

Массена частью сил вышел в долину и атаковал отряд Розенберга, который не только выдержал удар, но и отбросил французов, захватив у них 11 орудий. Затем он совершил стремительный переход и 23 сентября присоединился к силам Суворова, ожидавшим его в Гладире.

В ночь с 23 на 24 сентября войска Суворова начали свой последний переход. В аррьергарде остался Багратион, не имевший ни артиллерии, ни патронов. Весь день 24 сентября он отбивал одними штыками второе сильнейшее противника. Но и Суворову пришлось не легче. Его солдаты, а вместе с ними и он сам карабкались по обледенелым заоблачным скалам, бросив всех лошадей и последние пушки. В полдень 26 сентября они добрались до деревни Панике, а к вечеру — до Иланца.

27 сентября остатки голодной, обморочной, обмороженной и почти безоружной армии спустились в Кур, где впервые за три недели нашли достаточные запасы продовольствия и спокой-

ный ночлег. На сей раз австрийцы были совершенно другими: Мелас тут же доставил и амуницию, и боеприпасы, и продовольствие, и лошадей, и фураж. Но от предложения австрийцев воевать дальше Суворов наотрез отказался: у русских на это просто-напросто не было сил.

8 октября в Линдау как нельзя более кстати пришел рескрипт Павла, требующий прекращения поддержки австрийцев. Через два дня Павел приказал малыми переходами, щадя солдат, уходить в Россию. 29 октября в воздаяние заслуг в Швейцарском походе, Суворову была оказана высшая степень почестей — присвоено звание генералиссимуса всех российских войск.

15 ноября армия двинулась в Россию. На несколько недель остановились в Чехии. 15 января, получив в Праге приказ Павла: "Идите домой немедленно", Суворов начал свой последний переход к границам Родины.

Когда Суворов еще находился в Праге, он стал испытывать первые серьезные признаки недомогания, а потом и болезни. Заболел-то он, конечно, еще раньше — уже в Италии, и еще более — в Швейцарии. Но, собрав все силы в кулак, потому что его здоровье было здоровьем армии, а его болезнь, если бы он ей поддался, стала бы ее немощью. Суворов держался изо всех сил, понимая, что его нервами и его несокрушимым духом живет все его воинство.

А мир действовал на него расслабляюще, да и годы стали давать знать о себе — приближалось семидесятилетие.

В Кракове он слег, но, пролежав несколько дней, велел ехать дальше. С трудом сопровождавшие Суворова довели его до Кобрина, куда примчался из Петербурга личный врач Павла Вейкарт. На время Суворову стало лучше, и он решил ехать дальше.

Ему сказали, что в Петербурге его ждет триумфальная встреча — с пушечной пальбой и колокольным звоном. Однако вслед за тем пришло известие, что никакой встречи не будет. 20 марта 1800 года в приказе по армии генералиссимусу всех российских войск объявлялся выговор "за то, что он в походе имел, вопреки уставу, по старому обычаю, неперемного дежурного генерала". Павел всегда был человеком крайностей, но на этот раз даже он превзошел самого себя.

Когда 23 апреля безнадежно больного Суворова привезли в Петербург, ему было объявлено, что государь не желает его видеть, а еще через два дня отобрали у него и адъютантов. Суворов лежал в доме Дмитрия Ивановича Хвостова, женатого на его племяннице Аграфене Ивановне, урожденной княжне Горчаковой, который был не только родственником Александра Васильевича, но и ближайшим его поверенным и другом. Хвостов как мог облегчал страдания больного, но болезнь брала свое, и 6 мая 1800 года, во втором часу дня, Суворов умер.

12 мая огромные толпы народа сопровождали гроб Суворова от дома Хвостова на Крюковом канале до Александро-Невской лавры. Ни одна газета не сообщила о его кончине, и, вопреки обычаю, не было отдано даже приказа по армии. Когда гроб с телом Суворова пронесли сквозь кладбищенскую калитку, потому что ворота лавры оказались на замке, многим показалось, что гроб застрянет и не пройдет. И тогда один из солдат-ветеранов громко сказал: "Это Александра-то Васильевич не пройдет? Не бойсь, пройдет! Везде проходил!"

...Его похоронили в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. И лишь через много лет положили над ним гранитную плиту, на которой были написаны всего три слова: "Здесь лежит Суворов".

... 25 ноября 1772 года Суворов писал своему другу генерал-майору Александру Ильичу Бибикову, которого искренне почитал и глубоко любил: "Служа августейшей моей Государыне, я стремился только к благу Отечества моего, не причиняя особого вреда народу, среди которого я находился. Неудачи других воспаляли меня надеждою. Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека; но я заключал доброе имя мое в славу моего Отечества, и все деяния мои клонились к его благоденствию. Никогда самолюбие, часто послушное порывам скоропреходящих страстей, не управляло моими деяниями. Я забывал себя там, где надлежало мыслить о пользе общей. Жизнь моя была суровая школа, но нравы невинные и природное великодушие облегчали мои труды: чувства мои были свободны, а сам я тверд".

Михаил БОРИСОВ

Михаил Федорович БОРИСОВ – один из немногих поэтов фронтового поколения, продолжающих активно работать в литературе. Он автор более двух десятков поэтических книг, лауреат премий им. Александра Фадеева и Константина Симонова. Его стихи переведены на болгарский, польский, венгерский, чешский и югославский языки. Сегодня, в канун 55-летия Великой Победы, именно ему, Герою Советского Союза, полковнику в отставке, ветерану внутренних войск, мы и предоставляем слово.

ДЫМЯТ ПРИЗЫВНО СТАРЫЕ КОСТРЫ...

Взошла на смерче
 молодость моя,
 Отговорила строчкой
 пулеметной
 И под шумок
 кометой искрометной
 В заоблачные канула края.
 А как мечталось поначалу ей,
 И как манила дальняя дорога!
 Но хлыбистнул
 у отчего порога
 Корявым смерчем
 клятый ветровей.
 И все смешалось
 в заревом раю,
 И даль сокрыли траурные тучи.
 Слежу теперь
 под ивою плакучей,
 Как треплет ветер
 бороду мою.
 Но молодость горячую не жаль:
 Хотя она
 стремглав и пролетела,
 На темном фоне
 проступила смело
 До той поры неведомая даль.

ТУМАН НАД ВОЛГОЙ

Стою, застыв
 над берегом крутым.
 Туман вдоль Волги стелется,
 Как дым.
 А сквозь него
 густые зелена
 Да синь речная
 смотрят на меня.
 Глубокий взгляд
 Не ласков и не строг,
 Но в нем начало
 памятных дорог.
 Здесь и теперь,
 До горечи остры,
 Дымят призывно
 старые костры.
 Туман — и тот
 здесь стелется,
 Как дым...
 Глотнув его
 парнишкой молодым,
 Остался я
 До наших дней им сыт.
 Во мне он вслух
 нередко голосит.

Стою на этом стылом берегу
 И шагу дальше
 сделать не могу.
 А сквозь туман
 густые зелена
 Да синь речная
 смотрят на меня.

В дни людского горя
 По чужой охоте
 Я застрял в пехоте,
 Не дойдя до моря.

Если без утайки,
 То ко мне поныне
 Из далекой стыни
 Прилетают чайки.

Для любого действия
 У времен на стыке
 Резкие их крики
 Словно голос детства.

Не надо ни тебе, ни мне
 О той эпохе слов красивых:
 Пока душой и телом живы,
 Мы не забудем о войне.
 Победа нам предрешена
 Была историей самою...
 Но Бог ты мой,
 Какой ценою
 Досталась людям тишина!
 Пылали ширь Земли и высь —
 Казалось,
 скинув маскхалаты,
 Здесь все багровые закаты
 В атаке яростной сошлись.
 Не надо ни тебе, ни мне
 О той эпохе слов красивых:
 Пока душой и телом живы,
 Мы не забудем о войне.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

Говорят, что прошлое уходит,
 Но, как в заколдованном
 кругу,
 Не оно ли
 Шало колобродит
 На моем высококом берегу?

Вот и этой утренней порою
 Мечется
 по трепетной стерне
 То за мною,
 То передо мною,
 Словно минь
 в давней стороне.

Остаюсь недвижимым покуда,
 Видя перелет и недолет,
 И с души остуда,
 как полуда,
 Цельми пластами отстает.

Зачем о днях далеких говорим
 И в день, что ничат,
 Часто не вникаем,
 Хотя и этот день неповторим
 И он, по существу,
 неподражаем.
 Встречаю вот вечернюю зарю,
 А мысли там,
 Над утренним разливом,
 И все равно смелее не горю,
 Не выгляжу и более счастливым.

Навсегда покончено с весной
 И с надеждой, вероятно, тоже:
 Лет неумолимая пороша
 Мне виски застлала белизной.
 Ничего, что плохо без весны
 И что все на свете этом
 Бренно,
 Лишь бы ты,
 Как раньше, неизменно
 Сквозь мои проглядывала сны.

Мой голос не рвется вперед —
 Земной
 до гортанного всхлипа,
 Он исподволь,
 Медленно,
 Хрипло
 Разгонную ноту берет.
 Я чем-то другим поступаю,
 А эта тональность
 мне ближе,
 Поскольку
 Со временем выше
 На ней и поднимется Русь.

Злополучного нашего пращура,
 Как и всем,
 мне нисколько не жаль:
 За него и была нам назначена
 Океана житейского даль.

От судьбы ли крутой,
 от печали ли
 На волне разгулявшихся дней
 До сих пор мы еще
 не причалили
 К мысу Светлой Надежды своей.

Тяжко жить всякий день
 неприкаянно,
 Но терпеть
 из последних нам сил —
 На земле,
 столь греховной, для Каина
 Искупления час не пробил.

На этот мир гляжу уже с тоскою:
 Он, бедолага, гибнет на глазах.

И с прямотой,
 отныне не мирскою,
 Я признаю, что дело наше —
 швах.

Тот, кто создал морскую ширь
 И сушу,
 Всевышний над Вселенною моею,
 Пролей елей
 На страждущую душу,
 На раны сердца хворого
 Пролей.
 Иначе мне не выдержать напасти,
 Не отстоять былую высоту...

Молю, Господь,
 Уйми мирские страсти,
 Спаси от нас земную красоту!

На Валдай загляну,
 поклонюсь ковылю,
 До зари погружу
 по пшеничному сею.
 Я Россию любил
 И все так же люблю,
 А в последнее время
 еще и жалею.

Под березой седой,
 Вспомнив алчную гнусь,
 Непутевый разлад
 и неправое дело,
 Об Отчизне своей
 от души помолюсь,
 Чтоб над нею
 навеки грози отгудела.

На немалом моем
 на житейском веку
 Столько горя она
 на себе испытала!
 Даже сотни проток,
 что питают Оку,
 По объему бы с ним
 Ни за что не достало.

С нею долю делю
 и невзгоды терплю,
 И стою, как стоять
 доводилось Антею.
 Я Россию любил
 И все так же люблю,
 А в последнее время
 еще и жалею.

Вениамин РОСИН

В февральской книжке журнала мы познакомили читателей с главами документального повествования ветерана внутренних войск, одного из старейших отечественных писателей Вениамина Ефимовича РОСИНА "В тех давних тридцатых..." Сегодня, в канун 55-летия Великой Победы, мы завершаем публикацию его рассказами о фронтовой жизни.

ПЕРЕДОВАЯ

Документальное повествование

1.

В штабе Харьковского военного округа при всей занятости от меня не отмахнулись, не отфутболили в райвоенкомат, а с пониманием отнеслись к моему стремлению быть на фронте. Но осуществить задуманное оказалось не так-то просто. В ту пору сотрудники НКВД (говорили, сам Берия постарался) оказались забронированы. И мне потребовалось добывать согласие руководства. Собственно, и возражать никто не стал, поскольку обстановка на фронтах сложилась исключительно серьезная, даже трагическая (потеряны Прибалтика, Молдавия, Белоруссия, фашисты захватили большую часть Украины, рвутся к Москве), но на соблюдение формальностей тоже необходимо время.

Наконец с заветной бумагой в кармане я отправился в бюро пропусков военного округа. Там меня принял подполковник с глубоким шрамом на щеке. Прочитав мои бумаги, он без всяких предисловий сказал:

— В Чугуеве, а это рукой подать от Харькова, формируется отряд истребителей танков. Дело не простое, но оно вам по плечу. Будем рекомендовать вас на командную должность. Если согласны, то сейчас же выпишем предписание.

— С дорогой душой, — только и ответил я.

Так я очутился в отряде истребителей танков, входящем в состав Южного фронта.

Средств для борьбы с бронированными армадами противника в нашей армии было тогда мало, и какая-то светлая голова придумала использовать против танков специально обученных собак. Да, да, самых обыкновенных собак. Даже беспородных. Каким макарон обучали их подрывать вражеские танки, расскажу немного погодя. Замечу только одно: нигде в мире ничего подобного не было и нет. Только в России, где человеку пришлось на ум подковать блоху, могли родиться подобные идеи.

Со временем меня назначили ведать боевой подготовкой отряда, а на первых порах получил я скромную должность командира учебного отделения, стал младшим лейтенантом.

Потянулись дни занятий в отряде. Особенно грустно становилось по вечерам, когда солнце медленно скрывалось за горизонтом. Там, далеко на западе, мои близкие. Какова их судьба? Места в наших краях лесистые, и отец наверняка подался в партизаны. И мать за ним, уверен, как нитка за иголкой... Да и братишка не станет сидеть сложа руки. Парень он бойкий, смысленный — такому только в разведчиках и быть... А может, не остались под немцами? Может, удалось выехать? И теперь они где-нибудь в глубоком тылу, в каком-либо колхозе или совхозе?

Но попробуй что-то выведать, когда миллионы

людей тронулись с насиженных мест и пустились в безрадостное странствие по дорогам войны с запада на восток — дорогами, забитыми гуртами скота, бесконечными обозами, колоннами автомашин...

Вскоре я, правда, узнал, что в далеком приуральском городе Бутуруслане создано специальное учреждение, учитывающее эвакуированных. Одно письмо послал, второе... В ответ ни слова. Незнание угнетала, не давала покоя, но я понимал, что запросов, подобных моему, десятки тысяч, если не больше...

Наконец мне сообщили, что такие-то среди эвакуированных не значатся. Несколько дней я не находил себе места. Чего только не передумал, то обнадеживая себя, то впадая в уныние.

“Не значатся, не значатся...” Мне казалось, что в этих словах таился какой-то злоедающий смысл. И ведь предчувствие не обмануло: когда освободили родной мой район, печальное пришло откуда извести. Остался я на всем белом свете один как перст. Родители погибли, выводя из окружения повозки с ранеными партизанами. Не стало и братишки. Выполняя задание, он по дороге из леса в селе нарвался на полицейскую засаду и был замучен в гестапо...

2.

Едва мы произвели первый выпуск четвероногих истребителей танков, поступило распоряжение испытать их в боевой обстановке. На учебном полигоне с имитацией взрывов и стрельбы все получилось удачно. А каково окажется в бою, под пулеметным и артиллерийским огнем?

Наступил день отъезда. Низкие, мутно-серые облака медленно ползли по небу, почти касаясь верхушек деревьев. Нелетная погода поставила на прикол авиацию противника, и нашу команду без опаски нападения с воздуха доставили почти к самой передовой, где занимали оборону подразделения стрелковой дивизии.

Стоп, дальше ехать нельзя! Оставили мы полуторку и двинулись своим ходом. Сержант Зименко с черным как смоль Джульбарсом и я с Курком — годовалым рыжеватым псом.

Откуда-то сбоку доносились редкая перестрелка. С одинаковыми промежутками рвались немецкие брзантные снаряды. В просветах между облаками от них оставались тающие молочно-белые следы.

Вот и развилка. За кюветом, задрав кверху правое крыло, уткнулся в землю немецкий истребитель.

Вскоре показался ход сообщения. Шагая по глубокой траншее, я видел пулеметчиков у тупорылых “максимов”, видел стрелков, устало прислонившихся к стенкам окопов, и с тревогой отметил

про себя, что народу здесь не густо. Совсем не густо.

Бойцы с любопытством, а кое-кто с усмешкой посматривали на меня и Курка. Откуда взялся этот поджарый пес, что за службу он несет? Я делал вид, что не замечаю тех взглядов. Не будешь же рассказывать все как есть.

Откровенно говоря, Курок сначала не пришелся мне по сердцу. Самая обыкновенная дворняга. Но командир отряда майор Дятлов (а он, без преувеличения, был большим мастером дрессировки и еще задолго до войны служил в Центральной школе спецназначения, размещавшейся в Новогиреево, под Москвой) посоветовал мне:

— Берите этого пса, не прогадаете. Поверьте моему опыту. Способный песик.

И правда: глаза у Курка были смысленные, внимательные. Они по-собачьи преданно и немного грустно смотрели на меня.

Вероятно, не по его вине, а по моей (опыта-то никакого) с дрессировкой у нас не все ладилось. Но майор Дятлов стоял на своем: дворняги, мол, приспособлены к полевой жизни куда лучше породистых собак, лишения выработали у них выносливость, смекалку, восприимчивость к обучению.

Но теперь все недоразумения остались позади. Курок, словно прозрев, понял, чего от него хотят, и быстро вышел в число лучших.

И я хвалил его, а заодно и себя за то, что не поддавался искушению обменять дворнягу на чистопородную овчарку.

Прямо на запад бежал ровный, как стрела, большак. На нем, будто раны, темнели круги воронок от бомб и снарядов. Вдали, по окраине села, проходил немецкий передний край. Впрочем, какое уж там село? Разве что одно название и осталось, да сиротливо торчали обгоревшие печные трубы.

...Рослый крутоплечий лейтенант (о таких говорят — косая сажень в плечах) склонился над противотанковым ружьем. Я кашлянул, чтобы привлечь его внимание, и отчеканил:

— Товарищ лейтенант! Истребитель танков младший лейтенант Терновой со служебной собакой прибыл в ваше распоряжение!

Лейтенант неторопливо вытер ружейное масло с пальцев и протянул твердую мозолистую ладонь.

— Да, мне сообщено, чтобы ждал пополнения... Что ж, раз будем вместе воевать, давай знакомиться, — и представился: — Щепетин.

Я сбросил с плеч сидор — так в шутку фронтовики называли вещевой мешок — распустил лямки, достал две увесистые противотанковые гранаты и сунул их в нищу окопа. Там на хвойной подстилке лежали безобидные с виду темно-зеленые бутылки, наполненные самовоспламеняющейся жидкостью. Армейские острословы прозвали их "коктель Молотова".

— Так каким же путем твой пес может танк ско-

вырнуть? — спросил Щепетин, внимательно рассматривая Курка, сидевшего у моих ног. — Гранаты, что ли, ты на него вешаешь? А не драпанет ли он назад, когда из орудий ударят?

Слова лейтенанта задели меня. Конечно, на тренировках Курок пулей пронесился под танком. Но то на полигоне. Кто знает, как все обернется в бою?.. А как поведешь себя в бою ты сам, товарищ Терновой? Собаку издали под танк непустишь. Ее сразу же из пулемета скосят. Танк надо подпустить на предельно близкое расстояние...

Легко сказать — подпустить. Сколько для этого требуется мужества, выдержки. Не так-то просто, затаившись в окопчике, а то и в первой попавшейся воронке, дожидаться, пока бронированная махина подойдет на тридцать-сорок метров.

Ясное дело, совсем не про Курка спросил Щепетин. И обижаться, лезть в бутылку нечего. Лейтенант имеет право так спрашивать. Вон совсем рядом, накренившись, еще чадит танк с белым крестом на башне. Пушечный ствол уперся в землю... Это его, Щепетина, работа.

— Так как же твой пес танк подорвет? — вновь спросил лейтенант.

Я принялся объяснять. Мол, на спину собаке надевают специально сконструированный выкок. В боковых его карманах — взрывчатка: пять килограммов тола. Сверху торчит окованный жестью штырь, соединенный со взрывным механизмом. Едва только собака попадает между гусеницами танка, штырь задевает его днище, выдергивается чека, и происходит взрыв...

Загорелое лицо Щепетина вытянулось от изумления. Он даже прищелкнул языком:

— Ух ты, до чего здорово придумано! Да это же, если разобраться, управляемая мина!

— Здорово-то здорово, да собаку жаль. Погибнет ведь.

— Ничего не поделаешь, брат, на то и война... — заметил Щепетин. — Или мы фашисту хребет перешибем, или он нам салазки загнет... Что ни день — потери в людях, так что сам понимаешь... Тут не до собачьих нежностей.

...Безлунная ночь окутала землю. По горизонту растекалось багровое зарево пожаров. Где-то значительно южнее тревожно мерцали сполохи у переднего края. Но тут стояла тишина.

— Иди-ка, Федя, поспи, — предложил Щепетин. — Устал, поди. А я посижу покурю...

Я отбросил замусоленный кусок брезента, заменившего дверь, и вошел в землянку. На маленьком одноногом столике чадила самодельная коптилка из сплюсненной снарядной гильзы, рядом стоял котелок. На покрытых оловым лапником нарах лицом вниз лежал ординарец лейтенанта — Пашенко. Спал или делал вид, что спит. Я пристроился рядом и мгновенно уснул. Проснулся, почувство-

вав, что меня бесцеремонно трясут за плечо, и не сразу сообразил, где нахожусь.

— Вставай! Вставай! — кричал над ухом Пащенко.

Снаружи в землянку доносился глухой низкий гул. На ходу затягивая ремень, я выбежал наверх.

Над полем клубился густой туман. Его плотные, как вата, тягучие клочья повисли на кустах, расползлись над траншеями.

Щепетин и Пащенко настороженно всматривались в сторону противника. Я тоже выглянул за бруствер, но ничего не увидел. А едва ветер рассеял туман, из лиловой мглы проступили полузатененные танки. Щепетин чертыхнулся:

— Вот тебе и наступление на другом участке! Провели нас фрицы. Готовься, братцы, большая драка будет, — и уже спокойней, деловым тоном произнес: — Нечего нам втроем тут бок о бок тереться. Ты, Терновой, здесь оставайся, а мы левее подадимся. Ясно?

Курок с нетерпением повизгивал. Рокот танков напоминал ему о кормлении (стоит пробежать между громыхающими гусеницами — и, как уже было десятки раз на полигоне, получай свое угощение).

Я надел на собаку вьюк со взрывчаткой, подрагивающими пальцами затянул ляжки. Сердце запылало от одной только мысли, что вот-вот произойдет. “Эх, Курок, Курок, верный дружище ты мой! Неужели сегодня нам суждено навсегда расстаться? Бесстрашно нырнешь под вражеский танк — и нет тебя! Да-а, печальную уготовил я тебе участь...”

Я распрямылся и встретился взглядом с Щепетиным. Тот ободряюще улыбнулся и сказал, видимо, первое, что пришло в голову:

— Ты, брат, если бутылку бросать придется, не за горлышко ее держи. Лучше в обхват, поближе к доньшку. И не робей, пусть фрицы тебя боятся, а не ты их.

А между тем стальные гусеницы жадно подминали под себя поле. Танки наступали излюбленным макаром — углом вперед. Казалось, ничто не устоит перед их грохочущей лавиной...

Я почувствовал, как заняли колени. Внутри что-то обмерло, оцепенело. “Ну чего трясешься как овечий хвост?!” — ругал я себя, но ничего поделать не мог.

Вот, укрывшись за танковой броней, бегут автоматчики в рогатых касках. Рукава серо-зеленых мундиров закатаны до локтей.

Слева, из-за кучи поблекшей кукурузы, ахнула бронейка. Головной танк завертелся на месте. Еще выстрел — и моторную часть окутал черный дым.

— Ура-а! — прокатилось по окопам. — Готов! Одно подковали!

Через аварийный люк вывалились танкисты. Вывалились и поползли, извиваясь, как ящерицы.

“Та-та-та! Та-та-та!” — сердито застучал “максим”. Тугая свинцовая струя навсегда приковала танкистов к земле.

Эта меткая очередь послужила своеобразным сигналом. Дружно застучали пулеметы, отсекая пехоту от “стального щита”.

Широкогрудый приземистый танк, рыча и фыркающая, медленно сползал с косогора. “На Зименко идет”, — только и успел подумать я. И в тот же миг из окопа вылетела черная овчарка.

Я привалился грудью к брустверу и застыл в томительном ожидании.

Погорячился Зименко, рановато пустил Джульбарса, заметили его и танкисты. Низко над землей прошла пулеметная очередь. Пес ткнулся мордой в срезанный пулями куст чертополоха, перевернулся на бок и замер.

Танк, взревев, ринулся дальше. Позади вились сизые струи отработанного газа. На мгновение он остановился. Рывнула пушка. Рядом с нашими бронейщиками взвился и повис бурый столб пыли.

Как там Щепетин, Пащенко? Что с ними?

А пышущая нефтяным чадом машина все ближе и ближе. На башне разинул зубастую пасть дракон: черный зев орудия хищно нащупывает цель.

Еще малость, и будем с Курком действовать. Вроде бы и проста арифметика, а нужен точный расчет секунд. Чтобы пес сразу попал в непоражаемое мертвое пространство, а не погиб так же бессмысленно, как Джульбарс.

“Пора!” — наконец решил я, едва сдерживая рвущегося с поводка Курка. Р-раз! — и выдернута предохранительная чека, держащая штырь. Готово! Замок на боевом взводе.

Рывком я подсадил Курка на бруствер, ощущая, как пес дрожит от возбуждения.

— Взять! Взять! — выкрикнул я.

И тут застучал пулемет. Мимо! Мимо!

Одна из пуль зацепила левое плечо, но я не пригнулся.

А под танком полькнуло. Блеснул отполированный трак гусеницы.

Я с трудом слотнул подступившие слезы. Э-эх, коротка ты, жизнь противотанкиста!.. Впрочем, горевать некогда. Бешено взревев дизелем, еще одна бронированная машина наваливалась на мою траншею. Из выхлопных труб хлестали багровые языки пламени.

Если бы меня спросили, о чем думал в те минуты, я бы, пожалуй, не нашел, что ответить. О чем будешь думать, когда, сжавшись в комок, ты на дне окопа, а над тобой так гремит и грохочет, будто несется товарный поезд.

В лицо ударила душливая вонь выхлопных газов. На спину посыпалась земля. Ослепительно мелькнуло небо. Я выхватил из ниши гранату. Сейчас я тебя, приятель, угощу!

Граната описала в воздухе дугу и настигла танк. Взрыв — и дизель захлебнулся.

Но этого мне показалось мало. Я схватил зажигательную бутылку. Схватил так, как советовал Щепетин, — поближе к донышку. Размахнулся и разбил ее о закопченную решетку моторного люка.

— Н-на, проклятый, получай!

Растеклось, побежало по броне косматое пламя. Только теперь почувствовал я свинцовую тяжесть во всем теле и рухнул без сил на дно окопа.

3.

Не скрою, успех окрылил. Конечно, далеко не все из нас могли похвастать победами над танками врага, но в целом отряд, как говорится, не напрасно ел хлеб. Пожалуй, больше всех радовался успехам майор Дятлов.

— Выходит, труды наши не ушли в песок, — твердил он, — и мы чем-то да помогли войскам!

Удивительным командиром был этот Дятлов. Многому научился я у него. Да и не один я. Сколько лет с той поры миновало, а и поныне помню его слова на совещании комсостава: "Я здесь человек новый, но сразу предупреждаю, что личные отношения буду строить на основе служебных, а не служебные на основе личных. Подхалимов на дух не переношу, разгильдяйство и халатность не прощаю".

Дисциплины он требовал с первого же дня, спуска лодырям (а они были, есть и, видимо, будут) не давал. Но вместе с тем Дятлов отличался ровным, доброжелательным отношением к сослуживцам. В общении с ним никогда не чувствовалась скованность, напряженность. Он был из той категории людей, которые располагают к себе, к которым с первого взгляда проникаешься доверием и симпатией. Лицо улыбочное, простодушное, со вздернутым носом и редковатыми зубами. Движения размеренные, неторопливые. Голос мягкий, негромкий. Роста среднего, худощавый... Не знаю, как другим, а мне он чем-то напоминал сельского учителя.

Сколько бывало да и есть командиров и начальников, что не терпят никаких возражений со стороны подчиненных! Он же любое мнение выслушивал, не перебивая и не одергивая, а если поправлял, то уважительно, тактично. Любил советоваться. А еще обладал он таким человеческим качеством, какому, пожалуй, и названия не подобрать. Помнится, пришел он к нам в расположение. Как раз не то приказы объявляли, не то инструкции доводили. Мы стояли в строю. Видим, чем-то расстроен командир отряда: помрачнел, насутился. Темные глаза еще больше потемнели, брови сдвинулись к переносице.

Володя Зименко не удержался, наклонился ко мне, едва слышно шепнул:

— Неспроста майор объявился. Видать, кто-то из ребят накуролесил.

И тут вызывают из строя младшего сержанта Щербаня.

Я ахнул. Вот так номер! Уж кто-кто, а Щербань вроде бы не из тех, кто способен фортели выкидывать: тихоня из тихонь. И не один я удивился, по рядам пробежал шепоток. Одни с недоумением, другие с любопытством, третьи с нескрываемой жалостью смотрели на Щербаня. А он, невзрачный, тщедушный, с невыразительным лицом и большими, торчащими из-под замызанной пилотки ушами, потупился, втянул голову в плечи.

Майор встал рядом с ним и твердо сказал:

— Вчера я несправедливо обошелся с младшим сержантом Щербанем. Не разобрался и обидел человека... Ему бы объяснить мне, что и как, а он смолчал. Сожалею о своей горячности. Извините меня, товарищ Щербань...

Что там у них получилось, в чем не разобрался командир, за давностью времени выветрилось из моей памяти, но то, что он сказал: "...несправедливо обошелся... сожалею и раскаиваюсь в своей горячности", прощения у сержанта попросил, — это я хорошо помню.

Я прожил жизнь и по себе знаю: трудно, очень трудно бывает перешагнуть через свое самолюбие, ошибку свою признать. Тем более не где-то наедине, с глазу на глаз, а открыто, при всех. Это поступок.

Известно, что в жизни все гладко не бывает. Успехи сменяются неудачами, беда подстерегает там, где ее не ждешь. Нежданно-негаданно несколько наших собак заболели бешенством. Больных животных уничтожили. Ветнадзор объявил месячный карантин. Занятия, разумеется, отменили. Я в числе многих других остался не у дел. Вынужденное безделье угнетало, я не находил себе места.

Как-то, в унынии бродя по расположению, увидел зеленую легковушку. Она остановилась неподалеку. Из нее вышли майор Дятлов и незнакомый мне моложавый командир в полевой фуражке и кожаной тужурке без знаков различия.

— Вот хорошо, что встретил вас! — воскликнул Дятлов. — Отпала надобность вызывать. Разговор есть, и довольно серьезный... Капитан из штаба армии вам все объяснит.

Капитан сразу взял, как говорится, быка за рога:

— Противник подавляет нас огневыми средствами. Надо лишить его данного преимущества. — С этими словами он достал из планшета крупномасштабную карту: — Вот тут, в этом квадрате, мы с вами сейчас. А здесь деревня Козинка. До нее двадцать два километра. Могли бы вы в ночное время по азимуту выйти на нее?

— Разумеется.

— Тогда смотрите сюда. Вот кирпичный завод на восточной окраине Козинки. Есть предположение, что в цехах завода размещен крупный склад боеприпасов немцев. Похоже, фрицы готовятся к новому удару. Лишить их боеприпасов, пусть даже на некоторое время, — это серьезно помочь нашим войскам. Короче говоря, вы поведете группу за линию фронта. Задание, не скрою, рискованное. Направляем только добровольцев, и вы, разумеется, можете отказаться...

— Почему же отказаться?! Я со всей охотой... Хотелось бы только знать, с кем меня посылаете.

— Большая группа тут ни к чему. Одного помощника подберите по своему усмотрению, а корректировщика мы вам дадим. Ваше дело — вывести его к объекту, охранять и защищать при необходимости.

Так военная судьба свела меня со старшиной Морозовым.

4.

Позади остались передовая, боевое охранение, друзья-товарищи. Теперь мы (я, Морозов и рядовой Кучмий) могли надеяться только на себя.

Я уловил подозрительные звуки и резко остановился, напряженно прислушался. Вроде бы рядом кто-то есть. Да, точно: слева приглушенный немецкий говор. То была пулеметная точка, о которой нас предупреждали.

Взметнулась ракета и залила все вокруг призрачным, мертвенно-бледным светом. За ней — другая. Мы замерли, распластались на влажной земле.

Но вот ракета погасла, и наша небольшая группа двинулась дальше.

Недалеке начинался лес. Угрюмый, молчаливый. Нервы напряжены до предела. А вдруг нарвемся на засаду?

Оставив товарищей, пополз вперед, весь превратившись в слух. Все ближе и ближе деревья, кусты...

Будь что будет, но живым не дамся. Положил рядом с собой две гранаты, взял карабин на изготовку. Затем нащупал сучок поувесистей и швырнул его вперед. Засада, если она там, как-то да среагирует на шум.

Никакого движения.

Прополз еще десяток-другой метров и, убедившись в безопасности, трижды заухал, подражая филину. Услышав условный сигнал, Морозов и Кучмий присоединились ко мне.

Где-то в стороне шарил по небу прожектор, вспыхивали зенитные разрывы, а здесь было удивительно тихо.

Нельзя сказать, что никто нам не встретился. То прошел парный патруль, то протарахтела повозка... Питлеровцы в то время настолько уверовали в

свое превосходство, что были довольно беспечны. А вспомогательные подразделения по охране тыла наступающих войск, видимо, еще не подошли. И это помогло нам быстро продвигаться где лесом, где проселками. Правда, пришлось сделать изрядный крюк, обходя деревушку, откуда доносился рокот танковых двигателей и стук кувалды...

Скажу прямо: то был трудный, изматывающий душу путь. Мы шли скорбной дорогой отступления нашей дивизии. Когда в просветы между облаками выглядывала луна, видели почерневшие, опаленные деревья, расщепленные снарядами, вырванные с корнем, с омертвевшей листвой, сорванными верхушками. А на земле — следы повозок, автомашин, солдатских сапог, глубокие и мелкие воронки... Нередко наталкивались на побитые осколками, сгоревшие грузовики, на убитых лошадей с мучительно оскаленными зубами, запряженных в дровни или в санитарные двуколки. И куда ни глянешь — изувеченные, истерзанные осколками и пулями бездыханные тела бойцов и командиров. Жара сделала свое дело: далеко вокруг расплылся удушливый трупный запах.

Вместе со своими однополчанами и я вполне мог сложить здесь голову, и по мне теперь бы тоже неторопливо ползали синие и зеленые разжиревшие мухи... От одной этой мысли мурашки пробежали по спине.

Не раз встречались нам следы ожесточенных стычек. На песчаном вязком проселке, пересекавшем густой ельник, лежала на обочине полусгоревшая желто-пятнистая немецкая автомашина, а чуть подальше — накренившийся бронетранспортер без гусеницы, с огромной дырой в борту у самогo белого креста, рядом — тупорылый танк с сорванной башней...

Не стану подробно рассказывать, как мы добрались до Козинки. Одолеть за ночь два с лишним десятка километров, да еще при непрерывном нервном напряжении, совсем не просто. Вещмешок со скудным солдатским скарбом, вначале казавшийся легким, заметно потяжелел. Подсумки с патронами оттягивали ремень. Ноги в серых от пыли сапогах гудели от усталости. Поддерживало одно — мы уже на месте. Впереди целый день отдыха, а там, выполнив задание, пустимся в обратный путь.

Укрылись в дубняке на пригорке. Занималось утро нового дня. Над ближним лесом курилась синеватая дымка. Капли росы поблескивали, переливались на траве, будто недавно прошел дождь.

Впереди лежало поле без конца и без края. Густой молочно-белый туман заметно редел, расплылся по кустам ольшаника.

Я пристально рассматривал Козинку в бинокль. Неподалеку от нее мы держали оборону, и я тогда знал чуть ли не каждую приветливую, чистенькую хату. Теперь деревня наполовину сгорела. Куда ни

глянь — закопченные трубы, обуглившиеся деревья, поваленные ворота. В редких уцелевших домах — ни души.

А вот заросшее у берега белыми лилиями и широкими глянцевыми листьями кувшинок озеро. Неподдалеку от него кирпичный завод. Длинные, приземистые навесы, крытые толем сараи, одноэтажное здание заводоуправления без единого стекла в рамах. Тускло поблескивают на солнце рельсы подъездного пути...

Присмотревшись, я заметил притаившихся в тени деревьев часовых, зенитные орудия под маскировочными сетками, натянутую на колях колючую проволоку... Ясно — здесь склады.

— Отдыхайте, — сказал я товарищам. — Пару часиков понаблюдаю один, потом кого-нибудь из вас подниму.

День тянулся без особых происшествий. Откуда-то притопали к озеру десятка два солдат. Они долго плескались в воде. Я с ненавистью смотрел на этих беззаботных, смеющихся фрицев.

Наконец они ушли. И снова все стихло.

Мы по очереди поглядывали в бинокль на кирпичный завод. А там — никакого движения, точно все вымерло.

Незаметно подкрались сумерки, задымилась вода над озером. И тут на дороге показалась огромная большегрузная машина. За ней другая, третья... Не иначе как за боеприпасами катят.

— Ничего у них на этот раз не выйдет, — хмуро заметил Морозов.

Я не слышал, какие переговоры он вел с авиаторами, но только вскоре раздался гул летящих самолетов, в небе повисла на парашюте осветительная авиационная бомба.

Стало ясно, как в яркий солнечный день. Каждое дерево видно, каждый кустик. Засуетилась, забегала охрана. В вышине заметался луч прожектора. Застучали зенитки — гулко, сердито.

Морозов поспешно свернул рацию.

— Пора убираться, — сказал он. — Здесь нам больше делать нечего.

Бомбардировщики, развернувшись, устремились к цели. Пилоты, видать, подобрались умелые — высypали бомбы в самый центр кирпичного завода.

Несколько мощных ударов слились в один. Высоко в небо взметнулся огненный столб. Судя по грохоту, детонировали снаряды. Взрывы следовали один за другим, потрясая округу. Рухнуло здание конторы, разметало навесы и сараи. Сквозь черные клубы дыма вздымалось, бушевало пламя...

Темным настороженным лесом возвращались мы к линии фронта. Быть может, благополучно и добрались бы к своим, но под утро счастье изменило. То ли сказала бессонная ночь, то ли притупилось наше внимание, только не заметили за куста-

ми мотоцикла с коляской и двух немецких солдат около него. Один из них, стоя на коленях, возился с мотором, а второй, худой и жилистый, с обветренным грубым лицом, протягивал ему гаечный ключ...

Мы отпрянули, но поздно. Вслед за угрожающим "Хальт!" прогремела автоматная очередь. И хотя мы бросили в ответ гранату и уложили обоих, Кучмий оказался тяжело ранен.

— Идти не могу, — пробормотал он, — полный сапог крови...

Мы забрали у Кучмий винтовку, подсумки, гранаты. Соорудили носилки из двух жердей и плащпалатки и понесли его.

Обратный маршрут пришлось изменить. Мы стали наткаться на немецкие танкоремонтные и оружейные мастерские, хлебопекарни, склады и другие тыловые подразделения. Чтобы избежать опасных встреч, взяли значительно севернее.

А Кучмий весил под центнер, и мы с Морозовым изнемогли, измучились.

Линия фронта удалялась на восток. С каждым днем гул орудий слабел, становился глуше...

Как-то, вконец обессилев, остановились мы у лесного ручья. Кучмий жаловался на нестерпимую боль, и я решил сменить ему повязку.

Нога опухла, почернела. Неужели гангрена? Врача бы, да где его возьмешь?..

Видимо, Кучмий прочитал тревожные мысли на моем лице. Он приподнялся на локте и, посмотрев на свою ногу, бессильно откинулся:

— Ребята... понимаю, что дела мои плохи... Оставьте меня... Наши далеко, зачем вам пропадать из-за меня?..

Я принялся успокаивать его:

— Да ты что! Сейчас поищем подорожник, приложим к ране — и все пойдет на лад.

Кучмий ничего не ответил, только махнул рукой.

Шагов двадцать-тридцать прошли мы с Морозовым вдоль ручья, и вдруг грохнул одиночный винтовочный выстрел. Я машинально сорвал с плеча винтовку, метнулся назад. Морозов за мной.

Мы были готовы ко всему, но только не к тому, что увидели. Кучмий лежал навзничь, рядом валялась его винтовка...

5.

Измученные, голодные, еле волоча ноги, тащились мы осинником. Впереди показалась заросшая камышом речка. Мост. Я присел за кустом, припал к биноклю. И, поверьте, не сразу сообразил, что вижу красноармейцев, родных наших бойцов!

В груди поднялась теплая волна:

— Дошли, Морозов, дошли! Настал конец нашему странствованию!

Теперь уже шагали мы, больше не таясь. По-влажневшими глазами видел я, как сколачивали бойцы рогатки с колючей проволокой, устанавливали станковые пулеметы...

Неподалеку от дороги, на пенке расположился перетянутый потемневшими ремнями капитан в порядком выгоревшей фуражке. На его выдавшей виды гимнастерке столь знакомые и дорогие сердцу синие петлицы внутренних войск НКВД. Я обрадованно заулыбался.

А капитан, суровый, сосредоточенный, разбирался с теми, кто вышел из окружения в одиночку или мелкими группами. Таких набралось десятка три, если не больше. У всех землистые, давно не бритые лица, запавшие глаза, грязное обмундирование, кое на ком окровавленные, серые от пыли повязки. Но у большинства винтовки, ручные пулеметы, гранаты...

Рядом со мной сидел с немецким автоматом на коленях белобрысый боец. Пилотка на нем потемнела от пота, гимнастерка расстегнута.

— Слушай, друг, — обратился я к нему, — случаем не знаешь, куда нас после проверки?

Щурясь, он поднял голову:

— А на эс-пе-пе.

— А что это за эс-пе-пе? — спросил Морозов.

— Сборно-пересыльный пункт... Тут земляка среди заградотрядовцев встретил, так узнал у него, что там нас, окруженцев, словно бы через мелкое сито пропускают. Ежели все у тебя в порядке, помогут, подкормят — и на передовую. А есть ведь и такие, что панике поддались, в бега ударились, оружие побросали, петлицы спорили, документы позакапывали... С ними там другой разговор.

Проверка продвигалась медленно. Капитан каждого дотошно расспрашивал, заносил в список. А тем временем через переправу пропылил потрепанный пехотный полк, несколько артиллерийских упряжек, десяток кавалеристов...

Время тянулось медленно. Но вот все же наступил и наш с Морозовым черед говорить с командиром заградотряда. Я, как старший, честь по чести доложил ему, кто мы такие и почему здесь.

— Что ж, помогу вам разыскать штаб дивизии, — с этими словами он достал из полевой сумки блокнот. Но написать ничего не успел. Из-за поворота вылетела черная выдавшая виды эмка. Она бы перемахнула через мост на ту сторону речки, не будь на пути рогатки.

Угрюмый рыжеватый водитель резко затормозил как раз рядом с нами. Приоткрылась передняя дверца, и выглянул военный с забинтованной головой. Весьма осанистый, важный, по всему видно — большой начальник. В петлицах четыре шпалы. Полковник.

Он властно, непререкаемым тоном приказал:

— Распорядитесь освободить дорогу.

Но капитан оказался ужасным формалистом.

Словно и не обращая внимания, кто перед ним, он, представившись, потребовал документы.

Нахмурился полковник, но ничего не сказал, расстегнул левый карман, достал красную книжечку.

Капитан посмотрел удостоверение и вежливо заметил:

— Простите, но приказано все одиночные машины досматривать. — Помолчав, добавил: — Кто бы ни ехал...

Полковник помрачнел, по всему видать, не на шутку осерчал. Меня со стороны и то оторопь взяла. А заградотрядовец не сробел, твердо повторил:

— Кто бы ни ехал и в каком бы звании ни был.

— Вы отдаете отчет своим словам?! — не сказал, а словно прошипел полковник. — Понимаете, с кем говорите?! Какую ответственность на себя берете?!

Рывком распахнулась задняя дверца, и из автомобиля выскочил рябоватый двухметрового роста майор.

— Ты что, капитан, обалдел? — рявкнул он. — Комдив ранен, ему быстрее в госпиталь надо, а ты про какую-то проверку торочишь! Если сейчас же не освободите дорогу, я тебя, подлеца, увезу с собой и под трибунал отдам!

С этими словами он схватил энкавэдэшника и стал заталкивать в эмку.

Подбежали красноармейцы, принялись выручать своего командира. А майор вконец рассвирепел, с заднего сиденья выхватил автомат.

Вижу, дело принимает серьезный оборот. Этот перестреляет ребят. Навалился я сзади на майора, руки ему заломил. Мне бы одному с этим медведем не справиться, но Морозов не растерялся и пособил. Ремнем мы быстро скрутили ему руки.

Какая суматоха поднялась, и говорить нечего, само собой понятно. Но тут неожиданно взревел мотор, и эмка рванулась на мост. Вильнув, обошла рогатку, лишь задев ее правым крылом. Еще немного, и поминай как звали.

Однако зарокотал ручной пулемет, и машина встала, словно уткнувшись в стену. Очередь точно пришлась по скатам. Но она задела и шофера, тот вывалился из-за руля и отчаянно заорал. А полковник помчался по мосту с проворством, которого нельзя было от него и ожидать.

Но далеко не ушел, его взяли на мушку пулеметчики, окапывавшиеся на другом берегу речки.

Только тогда я сообразил, что это за "командир" и какие у него помощники. К тому же вскоре в багажнике их машины были обнаружены рация, сигнальные ракеты и взрывчатка... Страшно подумать, сколько вреда причинила бы эта тройца, проберись она в наш тыл.

К нам с Морозовым подошел капитан, уже не строгий и замкнутый, каким показался вначале, а

оживленный и совсем-совсем простецкий. Пожал нам руки и говорит:

— А вы молодцы! Не растерялись. С дорогой душой зачислил бы вас к себе.

— Спасибо на добром слове, — ответил я, — только мы в свою часть вернуться должны.

С тем и расстались.

6.

Фронтовые будни были напряженные, дел невпроворот. То очередная передислокация, то выезды в передовые части для боевого применения собак — истребителей танков (к сожалению, результаты были незначительны), то подготовка нового пополнения...

За повседневными хлопотами я все реже вспоминал Козинку. И тут... Оказалось, что командование не оставило без внимания то, что мы в Козинке провернули. Не забыло оно и подбитых мною танков.

Короче говоря, вскорости вручили мне орден Красного Знамени. Не скрою, сердце при этом сладко замерло. Не снилось мне, что стану краснознаменцем. Высокая это награда. Помню, еще мальчонкой жадно рассматривал фотографии первых орденосцев, легендарных героев гражданской войны Фрунзе, Котовского... А тут — подумать только! — и я краснознаменец. Пощупаешь орден на гимнастерке или глаза на него скосишь и думаешь: не война, так хорошо б хоть на денек, пусть даже на несколько часов показаться родным или товарищам по МГБ, конвойному полку. Пусть увидят, что я честно и добросовестно выполняю свой воинский долг.

Но об отпуске нечего было и думать. Разворачивались бои за Харьков.

Весь тот жаркий июньский день гремел бой у Северского Донца. К вечеру напряжение спало. Измучились, выдохлись люди, раскалились пушки и пулеметы. Казалось, просила передышки и окровавленная, исковерканная земля.

Постепенно стрельба утихла. Все живое попяталось, затаилось, замерло. Огромное багровое солнце клонилось к западу. Медленно удлинялись синеватые тени.

И вдруг тишину нарушила пулеметная стрельба. Не успел я сообразить, в чем дело, как из глубокой балки, что тянулась неподалеку, вылетел "кукурузник". Прижимаясь к земле, он, как говорится, во все лопатки улепетывал от наседавшего на него "мессера".

В кабине немецкого истребителя, видимо, сидел отъявленный садист. Похоже, он не спешил расправиться со своей жертвой, старался про-

длить мучения и бил короткими очередями по крыльям.

"Кукурузник" метался из стороны в сторону, уворачиваясь от врага. Вот он крутнулся в очередной раз и, выжимая из отчаянно тарахтевшего мотора все возможное, помчался к синевшему невдалеке лесу.

Вероятно, гитлеровцу надоело забавляться: он успел развернуться и быстро сближался с углой фанерной машиной.

Рывкнула пушка. Мимо! Снова рывкнула, но "кукурузник" продолжал лететь да еще огрызнулся из турельного пулемета. Огрызнулся метко, потому что "мессер" шарахнулся, словно норовистый конь, испугавшийся неожиданного препятствия, и со снижением потянул на запад. За ним разматывался длинный шлейф черного дыма. Никаких сомнений: пулеметная очередь угодила в двигатель.

Подобной развязки никто из нас, сидевших в траншее, не ожидал. Все бурно радовались за своего:

— Вот так дал! Маленький, а смотри как ловко огрел "худого"!

Но и с нашим самолетом творилось что-то неладное. Он с трудом, точно раненая птица, развернулся, круто пошел на посадку и тяжело плюхнулся на поле.

Я выскочил из своего укрытия и, не разбирая дороги, помчался к самолету.

Когда добежал, увидел, что пилот молодой, смертельно бледный парень, сидел на корточках, привалившись спиной к колесу шасси. На лоб свисала влажная от пота прядь волос. Болезненно морщась, он зажимал рану в плече. Сквозь растопыренные пальцы капала на траву кровь.

Он поднял на меня глаза и с трудом выговорил:

— Пакет в дивизию везли... и вот... И вот командира убило...

Я поспешно встал на крыло и заглянул в заднюю кабину, где помертвевшими глазами смотрел в небо старший лейтенант. Худощавое его лицо со впалыми щеками показалось мне удивительно знакомым. Где же мы с ним встречались, где?

И вдруг меня осенило: да это же начальник финслужбы нашего конвойного полка! Фамилию его за давностью лет я запамятовал, но никакого сомнения — это был он.

Я, признаться, недолюбливал его и по житейской своей неопытности, юношескому легкомыслию считал канцелярской крысой, бездушным сухарем, формалистом. И вот такая встреча...

Меня охватило смутное ощущение вины перед этим человеком. У него в груди, оказывается, билось сердце бойца. Смертельно раненный, он защищался до последнего и погиб как герой.

7.

Враг захватил Изюм и Купянск. Ходили слухи о тяжелых боях за Севастополь, а также на Воронежском и Ворошиловградском направлениях.

Измотанные в ожесточенных схватках полки и батальоны откатывались на восток. Нестройными шеренгами молчаливо и понуро шагали бойцы в насквозь пропотевших, выцветших гимнастерках, в побелевших от пыли сапогах, ботинках с обмотками. Тащились, боясь отстать, легко раненные с сержантами, а то и совсем почерневшими повязками. Тянулись пушки на конной и механической тяге, повозки с военным имуществом, полевые кухни, санитарные двуколки на высоких кованых колесах. Измученные, исхудавшие лошади волокли подводы беженцев... Горели хлеба, и на дорогу волнами набегал едкий сизый дым, смешиваясь с горьким запахом полыни.

С каждым шагом мы уходили все дальше и дальше от родных мест, обрекая близких на произвол судьбы, словно признаваясь в собственном бессилии и неспособности защитить их от иноземных грабителей и насильников. Сознать это было и тяжело, и больно.

Никогда не изгладится из моей памяти безотрадная картина нашего отхода через Задонье, через раскаленные, обожженные горячим солнцем Сальские степи к предгорьям Кавказа. Подумать только, куда зашли! От одной этой мысли становилось горько и обидно. Сколько же будем отступать? Где, на каком рубеже дадим наконец отпор врагу? Решающий отпор.

В селах и станицах из-за плетней с неммым укором, угрюмо смотрели на нас женщины и на удивление притихшие ребятишки. То были, пожалуй, самые черные и страшные дни войны, и вспоминать о них особенно грустно. Но так уж устроен человек, что всегда живет верой в лучшие времена. В те тяжкие дни без сна, хлеба и воды, без крыши над головой мы все же надеялись, что и на нашей улице наступит праздник...

К тому времени наш отряд понес значительные потери. Особенно досталось нам под Армавиром. Сколько уж лет миновало, а и по сей день стоят перед моими глазами дымящиеся воронки, окровавленная трава...

В фанерной с брезентовым верхом кабине обшарпанного грузовика погиб Саша Канунников. Лишь девятнадцать лет прожил этот скромный старательный паренек с по-детски веснушчатым лицом. Не повезло и мне. Осколок саданул в бедро, и я угодил в госпиталь. Уже там узнал, что смертельно ранило младшего сержанта Щербаня. Услышал я это печальное известие, и будто какая-то железная рука безжалостно стиснула и долго не отпускала сердце. Слов нет, очерствели мы на фронте, огрубели, притупились чувства, но не

привыкнуть, никогда не привыкнуть к гибели боевых друзей.

Когда делом занят, не замечаешь, как летит время. А вот если на госпитальной койке валяешься, очень уж оно медленно тянется: день что год, и каждый похож на предыдущий, как патроны в обойме.

Скоро стал я проситься на выписку, надоедать главврачу, пока он наконец не сдался:

— Ладно, будь по-твоему, лейтенант. Воюй, но больше к нам не попадай!

Вернулся я в отряд. А буквально через неделю поступил приказ: отряд расформировать. Разные по этому поводу ходили слухи, но все сводилось к одному — надобность, мол, в наших собаках-минерах, слава Богу, миновала: от обороны переходим к наступлению, и к тому же в войска уже достаточно поступает противотанковых средств.

Свернули мы свое хозяйство и получили новые назначения. Судьба так распорядилась, что направили меня на курсы командиров саперных подразделений, и вскоре я снова оказался на фронте.

Наш выпуск совпал со многими знаменательными событиями. К началу сорок третьего года в ходе войны наступил перелом. И что ни день — радостные сообщения: гитлеровцы разгромлены на Волге; вышибли фашистов из Балаклеи; вытурили из Изюма; идут успешные бои на подступах к Ворошиловграду, Краснодару и Ростову-на-Дону...

Назначение я получил в стрелковую дивизию, дислоцирующуюся под Купянском. Добирался, как и водится, попутками.

По шоссе тащили орудия, шли бензовозы, за ними — тридцатьчетверки, "катюши", пехотинцы на "студебеккерах". Бравые, хорошо обмундированные парни с автоматами, противотанковыми ружьями, ручными и станковыми пулеметами... Поток машин казался бесконечным, и гордостью наполнялось сердце: есть у нас и кому воевать, и чем воевать.

Встретилась и колонна пленных немцев. Куда подевались те наглые, самоуверенные "белокурые бестии", что надеялись на легкую победу? Грязные, заросшие, обмотанные всевозможным тряпьем, вплоть до женских платков, шлелись они на восток.

Купянска, веселого и чистого городка, каким сохранился он в моей памяти, было не узнать. Остатки сгоревших зданий с сорванными крышами, пустые проемы вместо окон, безлюдные улицы, заваленные битым кирпичом, деревья с обугленными ветвями...

Похоронные команды уже успели вывезти убитых, но на истоптанном, перетертом тысячами ног сером снегу еще валялись расстрелянные гильзы, зазубренные стальные осколки, ящики из-под снарядов, толовые шашки (удивительно похожие на бруски мыла), немецкие гранаты с длинными

деревянными ручками, металлические пулеметные ленты...

У военной комендатуры я распроцался с водителем попутки.

8.

Пехота, говорят, царица полей, артиллерия — бог войны, разведка — глаза и уши... А саперы кто? Не придумали им пока никакого красивого названия. А надо бы — заслужили.

Справедливо говорят, что сапер ошибается только один раз. Промашку допустил — и нет тебя... Но если уж снял ты, допустим, сотню мин, то считай, сотню человек спас. Вот что такое саперная наша служба!

А немцы очень даже хорошо знали, что из-за мин никакого разворота войскам нету, и закладывали их во множестве: противотанковые, противопехотные; натяжного действия, прыгающие; металлические, деревянные и даже со стеклянными корпусами противопехотные встречались. Смотришь, бугорок как бугорок, вроде бы крот вырыл. А то и вовсе ничего не заметно. Дерном, травой прикрыто. Сунешься, а там мина жертву подстерегает. Затаилась и какую-то хитрость в себе хранит. Разгадать ее трудно, но обязательно надо.

Поведешь поисковой рамкой миноискателя вправо, поведешь влево, шагнешь вперед, снова по сторонам поведешь... Выслушиваешь землю, как доктор больного. Миноискатель на всякий металл сигнал дает. А вот на деревянные корпуса не реагирует. Тут шуп выручает. Нехитрая штука этот шуп — обыкновенный тонкий стальной прут на длинной ручке, а ткнешь наискосок в грунт, и сразу становится ясно, есть там что или нет. Работаешь осторожно, аккуратно. Никакого панибратства мина не терпит, поспешности работа не любит, авось да небось не прощает.

Но человек привыкает ко всему. Привыкает и к опасности. И страха никакого нет — обычная работа, как и всякая другая на войне.

И все же первую свою мину и по сей день помню. Противотанковая она была — круглая, как блюдо, с выпуклой темно-зеленой крышкой, где белой масляной краской выведена цифра "29". Значит, мина уже где-то стояла, после того успела побывать на складе, где маркировщик поставил порядковый номер, а затем снова пошла в дело.

"Сейчас мы тебе жало вырвем", — подумал я и обвел рукой по окружности корпуса. Под днищем осторожно пошарил: а вдруг неизвлекаема — это когда ликвидатор поставлен, чтобы уничтожить того, кто попытается обезвредить.

На этот раз ни бокового, ни донного взрывателя не было.

Фу-у... Уже легче. Остался главный, верхний взрыватель. Вижу: указатель рядом с надписью

"шарф", что по-немецки означает "опасно". Красная точка у красной риски — мина на боевом взводе.

Пытаюсь повернуть взрыватель против часовой стрелки, чтобы красная точка сдвинулась к белой риске, к надписи "зигер" — "безопасно", — а взрыватель ни с места. Заржавел или по какой другой причине застопорился, только не идет и все тут.

Откровенно признаться, я малость растерялся. Как быть? Силой, разумеется, не возьмешь, но и оставлять нельзя. Снаряженная мина опасна... Рискнул в сторону от дороги ее оттащить. Получилось. Достал зажигательную трубку. Вставил ее в гнездо минного взрывателя и поднес зажженную спичку к огнеупорному шнуру. Зашипел шнур, заискрился... Отбежал я в сторону, за пеньком схоронился. Через несколько секунд взметнулась земля, ударил в уши тугой воздух. Все.

Как-то проверяли мы на околице села оставленные гитлеровцами блиндажи. Земля вязкая, припорошена снегом.

Взял я тогда с собой молоденького солдата Петра Кравчука, чтобы приучить его к саперному делу. Курносый такой, с оттопыренными, как у подростка, ушами. Неплохой паренек, старательный. Из госпиталей он к нам прибыл и по саперной специальности только еще азы проходил. Но опыт — дело наживное. Было бы желание.

Подходим мы к блиндажу. Добротный блиндаж, в четыре наката. Видим, бутылка вина и открытая банка консервов на столе. Тут же — белая с черным орлом и свастикой пачка сигарет. Вроде бы второпях все оставлено. И сапоги на видном месте, новенькие, с широкими голенищами. Мода такая у немцев была — автоматные магазины они за голенищами таскали.

Загорелся мой Кравчук.

— Разрешите, — говорит, — сапоги взять, а то мои сдохли, — и на обмотки свои показывает.

— А ходить по земле не надоело? — спрашиваю. — Соображать надо: вдруг приманку фашисты оставили? Польстится какой зеленый солдатик на трофейное барахло, а его на метле и объедут. Вот ты как раз такой и нашелся.

Взял я веревку, к длинному шесту привязал. К другому концу шеста крючок из проволоки приспособил и аккуратноенько те сапоги зацепил.

Отошли мы с Кравчуком подальше, насколько веревка позволяла, залегли в канаве.

— Давай, — говорю, — теперь дергай.

Потянул Кравчук за веревку, а тут ка-ак рванет! Бревна в воздух полетели. Вместо блиндажа воронка осталась да земля обгоревшая.

Пляжу: на моем Петруше лица нет. Губы будто мелом кто вымазал. Съежился, затылок рукой почесывает.

— Вот тебе и разжился... — бормочет и смущенно на меня поглядывает.

М-да, горазд был фашист на разные ловушки.

Стоит, к примеру, легковая автомашина на обочине дороги. Какой-нибудь брошенный при отступлении "Опель-капитан", "Мерседес" или "Фольксваген". Но не спеши открывать дверцу, не торопись садиться за руль! От дверцы тянется шнурок в взрывному заряду. Под сиденьем еще один "гостинец" оставлен, под капотом — третий... Всех немецких хитростей не перечислить.

Помню, приказали мне однажды двухэтажный дом проверить. Подозрение возникло, что "консервы" в нем имеются. Не мясные, разумеется, не рыбные и не овощные. "Консервами" мы называли МЗД — мины замедленного действия, самые что ни на есть опасные. Взрыватели у них разные бывают. Чаще всего со специальным часовым механизмом. Ставят на определенное время, а на какое — на час или сутки? — поди угадай.

Прослушал я в том доме подвал, стены, пол — ничего подозрительного, все в порядке. Одна на первом этаже каморка осталась. Проверяю стену. И вдруг слышу — тик-так, тик-так...

Вроде не робкого я десятка, а тут похолодел. Кирпичи разбираю, а в голове одна тревожная мысль: пока я над кладкой колдую, стрелка к назначенному времени подползает. Может, последние секунды моей жизни отсчитывает...

Эта неизвестность жутко выматывает. Слабый ритмичный стук часов — тик-так, тик-так — оглушительным громом в ушах отдается. Под самой зверской бомбежкой, под самым плотным пулеметным огнем мне куда легче было, чем в том безлюдном молчаливом доме. За несколько минут я столько пережил, что, кажется, на всю оставшуюся жизнь хватило бы...

Но вот наконец и похожий на графинчик с узким горлом часовой механизм. Отсоединил я его и чувствую: ноги не держат. Сел прямо на пол. А глаза мои как магнитом притягивают к себе безобидные на вид цифры и деления. Всего полчаса не дотянула стрелка до стопора!

Что и говорить, много сил и нервов затратишь, пока выведешь на стене: "Разминировано. Лейтенант Терновой" — либо табличку поставишь: "Дорога проверена. Мин нет".

Разное приходилось на фронте видеть. Вот, помню, как-то вышибли мы роту эсэсовцев из села Петропавловка. Не одну сотню сел и деревень прошел я за войну. Каждое, понятное дело, в памяти не удержишь, а это вот запомнил...

Захожу с Кравчуком в крайнюю хату. Старичок у окна лежит. Руки вдоль туловища вытянуты, редкая бородачка кверху вздернута.

— Здравствуй, — говорю, — дед! Свои мы, вставай, махорочкой угостим...

Ни слова в ответ. Мычит и глаза на нас таращит. — Захворал, что ли? Помощь какая требуется?

Но едва я ближе подошел, он пальцами по лавке

забарабанил. Видно, сказать что-то хочет, да не может.

"Немой, должно быть, — думаю, — и о чем-то предупреждает меня. Но о чем? И почему лежит как привязанный, шевельнуться боится? Неспрос-та все это. Разобраться надо..."

Что-то толкнуло меня заглянуть под лавку. А там стандартный головной заряд с продолговатым бронзовым взрывателем установлен. И чека взрывателя — подумать только! — с брючным ремешком провололочкой соединена.

Кравчук аж в лице переменялся. Да и у меня мурно на душе стало: до какой же это подлости и низости фашисты дошли — из живых людей ловушки стали делать!

Высвободили мы деда... Идем дальше и мальчонку лет шести встречаем. На шее у него бирка: "Петропавловка, 18". Фрицы, оказывается, всех жителей тут пронумеровали, как скот, и бирки заставляли носить...

9.

Осень сорок третьего наша саперная бригада провела в наступлении. Трудная выдалась пора. Подводила погода. Непрерывно моросил дождь. Мелкий, нудный... Тяжело было, а вот не унывали. Говорят, что раны у солдат атакующей армии затягиваются куда быстрее, чем у обороняющейся. Оно и понятно. Совсем другое настроение у бойца, когда гонит он врага со своей земли.

За какие-то несколько дней раскисли поля, развезло дороги. Пряжь непролазная. Но скидки на погоду никто не делает. Горючее фронту требуется, боеприпасы, продовольствие, медикаменты... И без газет, писем солдату тоже не обойтись.

К передовой шли подкрепления. По обочинам, выбирая сухие места, шагали бойцы. Храпели взмыленные от непосильной работы кони. Едва ползли, поминутно буксуя, грузовики...

Места пошли, как назло, топкие. Поступил приказ: гатить болото, укладывать через него лежневку — поперечный деревянный настил.

Что ж, дело знакомое. Заткнул мокрые, тяжелые полы шинели под ремень и приступай.

Работали, забывая об усталости. Ведь через болото или залитую водой балку лежит дорога на Берлин! Самая для нас короткая и самая верная дорога. И до тех пор, пока в Берлине фашисты сидят, не может быть нам ни отдыха, ни покоя.

Дневали и ночевали на трассе. Пока проложили ее, намаялись, совсем из сил выбились.

Но то были еще цветочки. Ягодки оказались впереди, когда артиллерию стали пропускать. С воем и скрежетом, лягая гусеницами, тягачи тащили тяжелые орудия.

Сначала вроде бы ничего, все шло благополучно, а потом не выдержала лежневка. Полопалась

провода, стали вылетать скобы, разъезжаться бревна...

Вместе с батарейцами хлебнули мы горюшка. В грязи с головы до пят, блестят только зубы да глаза с красными от усталости и бессонницы прожилками.

Осклизлые, измочаленные бревна пляшут, ворочаются под ногами, будто живые, а мы, словно муравьи, копошимся вокруг пушек. Одни в оружейный щит упираются, другие — в лафет, третьи, взявшись за спицы, колеса толкают... И все разом напропалую болото материм, а особенно Гитлера, чтоб ни дна ему ни покрывки!

За несколько дней до октябрьских праздников вызвал меня командир бригады. Захожу в штабной блиндаж. Подполковник там и наш ротный, капитан Очеретяный, над картой склонились.

— На несколько дней, Терновой, к перебежчику вас прикрепим, — сказал комбриг. — И вот для чего. Ночью подберетесь поближе к немецким окопам. Перебежчик переговоры поведет, а вы охранять и оборонять его будете. Ясно?

По совести говоря, не понравилось мне это задание, не по сердцу пришлось. Но дисциплина есть дисциплина, приказывают — выполняй.

— Слушаюсь! — ответил. — Все будет исполнено в лучшем виде.

Не успел я оглядеться, как перебежчика привели. Рыжеватый, чуть выше среднего роста, мундир на нем с большими накладными карманами, с оловянными пуговицами, узенькие погончики, ефрейторский шеврон на рукаве. Вошел, каблучками щелкнул, вытянулся.

— Оберефрейтор Шульц, — отрапортовал.

— Забирайте его, товарищ Терновой, и действуйте, — напутствовал подполковник. — Всем необходимым вас обеспечат. И ни пуха, как говорится, ни пера.

Я уже направился было к выходу, как командир бригады окликнул:

— Прошу сесть и запомнить: поскольку Шульц сам на нашу сторону перешел, мы к нему и относиться должны соответственно. Назад пути ему нет. По гитлеровским законам он заочно приговорен к смертной казни, а его родных ждет концлагерь...

На следующий день принялись мы к своему походу готовиться. Осень на дворе, ночи студеные, а мундиришко у Шульца на рыбьем меху. Никудышный мундиришко. Телогрейку я ему раздобыл, плащ-палатку, каску. Как темнеть стало, натянул я поверх ватного обмундирования маскировочный халат. К ремню штык-нож прицепил, гранаты, автомат ППШ, ясное дело, прихватил, запасные магазины к нему. Все, одним словом, как полагается.

Перед выходом к ротному явился. Пароль он мне сообщил, отзыв (иначе через боевое охранение не пропустят), а потом вдруг спросил:

— А не ссорится ли у вас ложка с котелком?

Улыбнулся я на эти слова, подпрыгнул раз-другой на месте. Ничего не бренчит, не гремит.

— Ну тогда счастливо вам! — напутствовал Очеретяный.

Выбрались мы с Шульцем за свое боевое охранение и очутились на нейтралке. Впереди гитлеровцы, позади наши. А вокруг сырая холодная мгла. Темно, точно в погребке. Но это нам только на руку. Ночь — лучший друг сапера и разведчика: и прикроет она тебя, и защитит.

Ползем мы с Шульцем по самой кромке минного поля. Я — впереди, он за мной. Наконец подобрались близко к немецким траншеям и в снарядную воронку скатились. Вода на дне ее скопилась, но ничего, терпеть можно. Отдохнули малость, и я говорю:

— Будем начинать!

Взял он рупор.

— Ахтунг, ахтунг! Говорит оберефрейтор Отто Шульц! Здравствуйте, земляки-дрезденцы! Здравствуйте, все ребята из второго батальона, все немецкие солдаты! Я жив-здоров, обращаются со мной хорошо. А что нам про русских твердили, то это все самая настоящая ложь...

Сначала на немецкой стороне было тихо. Вроде бы прислушивались там. Потом пулемет затарахтел. И будто совсем рядом. Впрочем, ночью всегда так кажется. Красными светлячками проплыла стайка трассирующих пуль, в небо взмыла осветительная ракета. Не то что бруствер вражеской траншеи или рогатки проволочного заграждения — каждую травинку, каждый комок земли видно.

Рассыпая искры, ракета упала и догорела где-то слева от нас.

Немного погодя еще один пулемет сыпанул. И все по кустам у оврага, все по кустам. Вероятно, немцы посчитали, что мы там схоронились.

Слово в слово сказанное Шульцем я, понимаю, не помню, но в общих чертах говорил он примерно так:

— Я на фронте с первых дней войны, и в трусости никто никогда не мог меня упрекнуть. Но, побывав в отпуске дома, я стал задумываться: почему и зачем мы воюем с Россией? Глод, холод, разруху принесла эта война Германии! Нас уверяли, что Россия — колосс на глиняных ногах. Что ж, мы на себе почувствовали, как это далеко от правды!..

Немцы было притихли, но как только Шульц пошел честить Гитлера и его фашистскую свору, передовая будто осатанела. Наверно, целая минометная батарея открыла огонь. Осколки над нами свистят, бурьян выкашивают. Но стрельба слепая, ветер относит голос Шульца, вот минометчики впустую и колотят...

А Шульц, чуть поутихло, снова выставил над краем воронки рупор и знает свое:

— Нет в Германии ни одной семьи, где не опла-

кивали бы покойников... Слушай меня, Ганс Шенфельд! Ты сам читал мне письмо, что твои дети погибли при бомбежке! А оба твои брата, Бруно Хампель, уже заработали березовые кресты под Сталинградом. Неужели и ты хочешь сгинуть в России?! Опомнитесь, пока не поздно! Следуйте моему примеру и сдавайтесь в плен! С несправедливой войной надо кончать!

За живое брал Шульц своих однополчан, здорово допекал бесхитростными словами. Это я сужу и по тому, сколько боекомплектов на нас перевели фашисты. И все в белый свет как в копеечку...

Вечером шестого ноября снова стали собираться мы с Отто на нейтралку. Почистил я автомат, смазал его, запасной магазин снарядил, одного "Федьку" (так мы называли гранаты Ф-1) ветошью протер, за другим потянулся. Слышу, кто-то снаружи окликает меня. Прислушался. Капитан Очеретяный.

Не успел я отозваться, ротный сам вошел в нашу землянку, и сразу стало в ней тесно. Большой, плечистый дядька был этот Очеретяный. До войны на шахте в Горловке крепильщиком работал.

— Киев наши взяли, Терновой! Понимаешь, Киев! — радостно кричит и руку мне так жмет, что аж суставы хрустят.

Очеретяного не узнать. Всегда сдержанный, спокойный, говорит неторопливо, точно гвозди вбивает, а сейчас тараторит быстро-быстро:

— Это же здорово! Как раз к Октябрьской фрицев из Киева вымели! Отличный подарок на праздник! Теперь до Житомира рукой подать! А там и Львов на очереди...

Сказал я Отто, что за новость ротный принес, а сам от радости никак не опомнюсь. Очень многое у меня с Киевом связано.

— Киев? — переводя дыхание, переспросил Отто. — Это же зер гут! Очень карашо! — И убежденно добавил: — Скоро Гитлер капут!

Немного погодя двинулись мы с ним на задание. Звезды на небе яркие-яркие пригоршнями рассыпаны. Тихо вокруг. Из немецких траншей доносились неразборчивые слова команды, лязг металла, тоненькое пиликанье. Вероятно, часовой, чтоб не уснуть, на губной гармошке играл...

Послюнявил я палец, наружу из воронки выставил. Чувствую — ветерок от нас. Порядочек. Можно приступать. На этот раз выбрался Шульц из воронки, вперед со своим рупором пополз. Поближе чтобы, значит. И начал. Далеко-далеко голос его разносился. Рассказал о сдаче Киева, о том, что вскоре Гитлеру не то что на Днепре, за Шпрее не удержаться. Призывал опомниться, осознать, в какую пропасть толкают фашисты немецкий народ.

Не дали ему договорить. Засвистели мины, завизжали осколки. Одна из мин плюхнулась рядом с ним...

Вытащил я бедолагу на плащ-палатке, в лазарет приволок.

Никогда больше не довелось нам свидеться. Но и теперь, если где в газете прочитаю про Германию и увижу фамилию Шульц, все думаю: не тот ли это Отто, с кем свела меня судьба?

10.

В начале июня сорок четвертого года нашу бригаду вместе с другими частями и соединениями перебросили на Витебское направление.

Из теплушки было видно, что натворила в здешнем краю война. Разрушенные станции, сброшенные под откос остова сгоревших вагонов, платформ, цистерн... Редко где уцелел пакгауз или будка путевого обходчика.

Но вот эшелон остановился. Мост впереди взорван, а поставить новый еще не успели. Выгрузились, двинулись пешим порядком.

Трудно летом в походе, но зато уж о ночлеге беспокоиться не приходится — любой кустик ночевать пустит. Хуже осенью да зимой: вся защита от ветра и холода — натянута на кольщиках плащ-палатка. Хорошо, если костер можно развести, а если нет?

...Километров двадцать отмахали мы пыльными проселками, пока объявили дневной привал.

Приветливый березняк с тихо булькающим родничком укрыл нас и от палящего солнца, и от немецкой авиации. Здесь было так мирно и спокойно, что не хотелось и думать о войне.

"Пожалуй, можно рассупониться", — решил я, сбрасывая с себя амуницию. Повесил автомат на сучок, потом повалился в траву.

Сквозь листву березы, раскинувшейся надо мной, пробивались редкие солнечные блики. По белоснежному в черных рябинках стволу, будто изучая его, полз муравей. Он поднимался все выше и выше, не страшась огромной для себя высоты. Низко гудя, словно маленький бомбовоз, деловито пронесся желтый с черным пояском шмель.

Уже через десять-пятнадцать минут мои саперы отдышались, умылись, подвесили между рогульками котелки. Аппетитно запахло гороховым супом и гречневой кашей.

На сухой паек и концентраты перешли мы не по своей охоте. При выгрузке из эшелона набросился на нас вражеский истребитель. Зенитчики тотчас взяли его в оборот, но две-три очереди выпустить "мессер" успел. К счастью, никого не ранило и не убило, а вот полевая кухня наша накрылась. Решето получилось, а не кухня. Хочешь не хочешь, пришлось в котелках готовить...

Прибыли мы на боевой участок восточнее Витебска. Глухомань, места заболоченные, топкие. Озер, речушек и ручьев не сосчитать. Мог ли кто из нас предполагать, что именно здесь, в глухих

лесах и болотах, готовится генеральное наступление, что именно тут наши войска прорвут глубококошелонированную оборону врага! Что ж, солдат видит лишь то, что делается в полосе его взвода, ну пусть роты. Вышла рота на выгодный рубеж, захватила удобную позицию — радуется, доволен солдат. Думает, просто убежден, что на данном направлении самые что ни на есть важные задачи решаются. Отошла рота назад — и кажется солдату, что положение аховое, что весь фронт попятился.

К тому времени, о котором веду речь, на фронте стояло временное затишье, и роте поручили укрепить лежневку фашинами — связками хвороста.

Да-а, я на себе хорошо испытал, что война не только лихие схватки да удалые разведки боем. Война — это тяжелый, просто изнурительный труд. Ни днем ни ночью не прекращались работы на фронтовой дороге. Прикорнул часок-другой, и снова за пилу, за топор, за лопату...

Капитан Очеретяный находился неотлучно с нами. Частенько сам брался за нехитрый саперный инструмент. Ну а если командир не прохладается и на гимнастерке у него соль выступает, то солдату и подавно отставать неудобно. Пусть жара, пусть комары поедом едят и пот глаза заливают...

Но недолго довелось нам лежневку ремонтировать. Как-то поздно вечером ротный получил распоряжение о передислокации.

Сборы у солдата короткие, и вскоре мы уже шагали по разбитому большаку к переднему краю. Где-то во вражеском тылу польхало зарево пожаров. Обшаривая ночное небо, тревожно метались голубовато-молочные столбы прожекторов.

11.

В глубине своей обороны гитлеровцы проложили рокадную дорогу. Рокадной называлась она потому, что шла не к фронту, а вдоль него. Требовалось узнать, как охраняются мосты, заминированы ли подступы к ним, и всякое такое прочее. Выяснить все это предстояло для того, чтобы в нужный момент уничтожить переправы, затрудняя противнику переброску войск.

Выполнять задачу поручили нескольким группам инженерной разведки. В назначенный день и час проводили мы ребят.

Бывал я на таких заданиях и знаю: точно по плану редко получается. Предусмотреть абсолютно все невозможно, всегда остается немалая доля риска.

...Прибыли с задания Николай Иванов, Вася Шмаков. Пора бы вернуться и Белых с Кравчуком, а их все нет и нет.

Что может быть тяжелее неизвестности, ожидания? Мне не сиделось на месте. Даже думать не хо-

тел, что стряслась беда. Двух братьев потерял Петья Кравчук летом сорок третьего. Один летал стрелком-радистом на штурмовике, другой командовал пулеметным взводом. Неужели война забрет у родителей и последнего, младшего сына? У Белых, я знал, остались жена и дочурка в таежном поселке за Нижнеудинском.

Вдруг в ночном небе повисла "дьявольская свечка" — осветительная ракета, и заговорил пулемет. "Возможно, наши возвращаются, — обрадованно подумал я. — Вон как фрицы всполошились". Но пулемет умолк, и я понял, что ошибся: не пришли они, не пришли...

Вернулся в блиндаж. Там солдаты обступили капитана Очеретяного.

— Был в медсанбате, — услышал я знакомый басок. — Белых и Кравчук задание выполнили. Все, что требовалось, разведали. Оба ранены. Белых тяжело. У него искалечена нога. А Кравчуку мелкие осколки посекали лоб, веки...

— Эх, судьба! — с горечью произнес кто-то.

— Петька ослеп? — упавшим голосом спросил Шмаков.

— Медики заверили: видеть будет, — успокоил ротный.

Мы облегченно вздохнули: лишь бы не ослеп солдат.

Вот, пожалуй, и все о том печальном событии. Белых долго лечился в тыловых госпиталях. К нам уже не вернулся — признали инвалидом. А Кравчук вскоре снова воевал в родной роте...

12.

За полтора месяца мы продвинулись на запад на четыреста километров! Впереди лежала Восточная Пруссия.

В стремительном наступлении поредели полки, техника нуждалась в ремонте... К боям в Германии требовалось основательно подготовиться. Многие части отвели в ближний тыл на переформировку. Не стала исключением и наша.

Началась учеба пополнения. Только не за партами, и вместо учебников да тетрадок — тол, огнепроводный шнур, топоры да лопаты...

А фронт уже готовился к наступлению.

Помню ненастный октябрьский вечер сорок четвертого года. Мелкой, поспешно вырытой траншеей пробирался я вслед за капитаном Очеретяным. Траншея тянулась среди мокнувшей на поле соломы, извивалась по низкорослому корявому ельнику и привела в развалины пограничной заставы.

Кто-то, скорее всего разведчик, прикрепил к обугленному столбу кусок фанеры. На нем черными печатными буквами было выведено: "Боец, вот она, Германия! От Москвы 1650 километров".

— Видите впереди речушку? По ней проходила

наша старая государственная граница, — негромко, но очень торжественно сказал капитан.

Государственная граница! Волнение перехватило горло. За ней под бесцветным, словно вылинявшим, небом Германия!

Не верилось, казалось кошмарным сном, что гитлеровцы замахивались на Москву и Ленинград, тянулись к Волге, хозяйничали в предгорьях Кавказа.

Не счесть, сколько малых и средних рек встретилось нам в Литве — Вилия, Десна, Вента, Дубиса, Невежис, Шешупе, Юра... Каждая из них о чем-то да напоминает. Одни мы вплавь одолевали, другие по шатким, поставленным на скорую руку мосткам форсировали... Но особенно глубокую зарубку в моей памяти оставила та безымянная, совсем неприметная пограничная речушка. Медлительная, спокойная, почти неподвижная... Сорок месяцев дрались мы на фронтах не на жизнь, а на смерть — в муках и крови, теряя товарищей, шли к ее заросшему ивняком пологому берегу. И наконец добрались. Потому что наша сталь оказалась крепче крупновской, а люди и подавно...

Капитан передал мне свой полевой бинокль. Оптика здорово сокращала расстояние. Вот они совсем рядом, косогор и сосны у его подножия.

— Нейтралка наштапована минами, — заметил Очеретяный, — стоят противотанковые надолбы. Внутри вон того сарая упрятан артиллерийский дот. А охалка валежника правее маскирует огневую точку в бронеколпаке. Оборона долговременная. Закончена, судя по всему, в самом спешном порядке.

— Выходит, не предполагали фрицы, что не удержатся в России, что дадим мы им по шее?

— Получается, так, — кивнул капитан и чуть погодя добавил: — Вам, Терновой, боевая задача: к рассвету подготовить проход для танков. Окончательно не уточнено, но похоже, что придется в прорыве и сопровождать их.

...Днем было сухо и тепло, деревья отливали багрянцем. А после полуночи, к тому времени, когда на задание выступать, пошел снег, поднялся резкий, холодный ветер. Но для нас такая погода имела свой плюс. В белых маскхалатах, невидимые в нескольких шагах, потрошили мы немецкие мины. Работать было трудно, но радостно: как-никак начинаем бить врага на его же собственной земле!

Противник нервничал. Одна за другой взмывали в мокрое небо осветительные ракеты, трещали пулеметные очереди...

В свое расположение мы вернулись продрогшие до костей. До того утомились, что мгновенно уснули. Но отдохали часа два, не больше. Разбудил нас связной командира батальона. Передал приказ: отправляться к танкистам.

Кряхтя и позевывая, вылезли мы из обжитой

землянки. Танковую роту отыскали довольно быстро.

— Браток! — окликнул я долговязого солдата в замазленном комбинезоне и ребристом шлеме. — Подскажи, где ротный, лейтенант Трофимов.

— Вон двое около бочки с соларкой. Тот, что пониже, с планшеткой, он и есть.

В нескольких шагах от лейтенанта я кашлянул в кулак, чтобы обратить на себя внимание. Танкист обернулся, и я оторопел. Страшным было его лицо, обезображенное следами ожогов.

— Что, не ожидал увидеть такого красавца? — невесело усмехнулся Трофимов. — Не отводи глаза, сапер, злее будешь. Нам с тобой не целоваться, а воевать... Ну ладно, — оборвал он себя. — давай о деле. Обмозгуем все как следует...

Туман начал рассеиваться, видимость улучшалась с каждой минутой.

Восемь утра. Девять... Над нашими головами с протяжным свистом и воем "шо-ов, шо-ов, шо-ов" понеслись огненные стрелы реактивных снарядов. Началось!

После залпа "катюш" замолотила тяжелая артиллерия. Все слилось в невообразимый оглушительный грохот. Впереди — сплошная стена разрывов. Казалось, небо слилось с землей, рушились горы. Со стороны и то страшно смотреть. Живого места не должно было остаться в полосе прорыва. Не должно, а все же кое-какие огневые точки уцелели. Гитлеровцы пытались огрызаться, да куда там против многих сотен стволов.

Едва дальнбойки перенесли огонь в глубину, как ринулись волна за волной бомбардировщики и штурмовики. В сорок первом нам бы такую силу. Эх, если бы в сорок первом...

Шипя и рассыпая искры, взвились в небо красные ракеты — сигнал атаки. По машинам!

Взревели дизели. Из выхлопных труб вырвались языки пламени. Тридцатьчетверка Трофимова тронулась с места. За ней, соблюдая дистанцию, двинулись остальные танки.

Я сидел позади командирской башни плечом к плечу со своими саперами и смотрел, как пушкари и летчики разметали вражеские укрепления. Куда ни глянешь, все исковеркано, покорежено. На месте дотов — железобетонные глыбы с торчащими металлическими прутьями. Размочаленные бревна разбитых блиндажей. Разбросанные взрывами снаряды, минометные лотки, гранаты... И воронки, вокруг воронки на обугленной, еще дымящейся земле.

В три ряда встали на нашем пути метровые двутавровые балки в бетонных основаниях — "зубы дракона". Прямые попадания пробили бреши в надолбах, перепахали противотанковый ров. И все же требовалось подорвать, оттащить в сторону остатки "драконых зубов", иначе танкам не пройти.

Едва мы сунулись, рядом ухнула мина. За ней со зловещим свистом другая.

На войне как на войне — без риска, известно, не обойтись, но что ни говори, а с навесным огнем шутки плохи.

— Ложись! — скомандовал я.

То ли лейтенант Трофимов, то ли кто другой заметил наш маневр, только раз-другой ударила танковая пушка. Не знаю, угадали ли танкисты адрес немецкого минометчика, но стало тихо. Мы уже обрадовались, что сможем быстро выполнить свою задачу, как снова ухнуло рядом, и угрожающе засвистели осколки.

Засекли! И бьют, похоже, не вслепую. Огонь корректирует наблюдатель. Того и гляди — накроют.

Наш брат сапер привык работать в любых положениях. Но попробуй, ползая по-пластунски, тащить тяжеленные балки с намертво приставшим к ним бетоном. Кто знает, сколько времени на это уйдет...

Выручили дымовые шашки. Дымовая завеса укрывала нас от врага. За несколько минут дорога была расчищена, и тридцатьчетверки ринулись вперед.

Вскоре мы подошли к мосту через овраг. Он стоял целехонький, видать, немцы не успели взорвать его. Обычно в таких местах они густо минировали, а здесь миноискатель молчал, вроде бы все в порядке. Но Жакен Алимбаев вовремя шуп в дело пустил. И вскоре на какую-то доску наткнулся: лежала поперек дороги, землей присыпанная. Что за доска, как здесь оказалась? Недоброе он заподозрил. И не ошибся. На такой глубине, что никакой миноискатель не поможет, была установлена противотанковая мина и довесок к ней — ящик взрывчатки. Метровая стойка передавала от доски давление на заряд. В общем, фугас немцы заложили не без хитрости. Танк могло бы разнести (про машину или повозку и говорить нечего), а заодно и мосту бы какую. Но не сработала вражеская ловушка, раскусил ее рядовой Алимбаев.

В тот же вечер доложил я обо всем Очеретяному, просил, чтобы наградили бойца. Честь по чести оформили бумаги на орден Славы. Только не успел сапер получить свою награду, погиб вскоре, прокладывая дорогу разведчикам через немецкий передний край.

13.

Совсем не гладко складывается жизнь на фронте. Уж война-то — мастерица на всякие случайности и неожиданности.

Как-то студеным декабрьским утром пошел я с Кравчуком и еще двумя бойцами в боевое охранение. Дорога вилась через лес, а леса в Восточной Пруссии, скажу вам, здорово разнятся с нашими. Нет в них ни сказочной таинственности глухома-

ни, ни густых зарослей, кудрявых перелесков, короче, той первозданной красоты, отвечающей русской душе. Реденькие, скучные в тех краях леса, словно причесанные да приглаженные.

Так вот, миновали мы лесок и сразу же увидели вереницу товарных вагонов на железнодорожных путях. Что-то вроде полустанка с небольшим поселком при нем — десяток-другой островерхих домов под черепицей.

И тут, откуда ни возьмись, появились двухмоторные пикировщики "Юнкерс-88". Включив сирены, они с устрашающим воем ринулись на станцию. Бомбы разворотили вокзал, угодили в приземистые длиннющие пакгаузы. Там что-то начало оглушительно взрываться. Забушевало пламя, взметнулось к пасмурному небу. Высоко вверх полетели какие-то ящики, бочки, обломки бревен и досок...

— Вон как стараются, черти полосатые! Боятся, чтобы нам не досталось. — вполголоса, словно разговаривая сам с собой, произнес Кравчук.

Самолеты ушли, а взрывы почему-то продолжались. С шумом и грохотом рухнула водочка, разнесло паровоз, опрокинуло груженную железным ломом платформу...

"Тяжелые орудия бьют, что ли? — предположил я. — Тогда почему не слышно в воздухе пронзительного свиста снарядов? Да какой там артобстрел! Как я сразу не догадался: сброшены бомбы замедленного действия!"

Бомбы те были просто дьявольской выдумкой. Когда они взорвутся — спустя сутки? через час или через несколько минут? — определить саперу невозможно. А ведь неизвестность, ощущение неотвратимой опасности всегда угнетает, сковывает волю. Будь ты смельчак из смельчаков, а помирять-то по-глупому никому не хочется...

Колебаться и раздумывать было некогда, оставил я боевое охранение, а сам с Кравчуком двинулся дальше. Шарим глазами по сторонам, ищем следы падения невзорвавшихся бомб: они серьезная угроза для наступающих войск.

Кравчук предостерегающе поднял правую руку. Вижу, на заснеженном перекрестке дорог что-то темнеет. В голове у меня мелькнуло смутное предположение. Так и есть: глубоко в грунт вошла авиабомба и, судя по оставленному отверстию, весьма солидная.

Призадумался: пока "подарочек" на большаке, нет никакого хода войскам. Ни обойти его, ни объехать. Слева от дороги — заболоченная лощина с редкими, чахлыми кустиками, чуть присыпанными мокрым снегом; справа — противотанковые надолбы, металлические ежи...

Конечно же, на этом шоссе свет клином не сошелся, можно поискать объезд и направить туда следующий за нами стрелковый батальон. Но сколько на это уйдет времени? Нет, так не годится!

Может, рискнуть и, огородив жердями яму, все-таки пустить по шоссе колонну? Можно-то можно, а та полутонная чушка возьмет и жажнет... Правда, винить некого будет, прямым ходом я первым на тот свет отправлюсь. Но дело не только во мне. Советь не позволять десятки человеческих жизней под удар ставить.

— Я вот что предлагаю, — заметив мою нерешительность, сказал Кравчук. — Опустите меня в яму. Я поставлю взрывной заряд. Бомба сдетонирует и освободит дорогу... У меня как раз и веревка для спуска есть.

— Да ты, Кравчук, соображаешь, что говоришь?! — нахмурился я. — Выбрось глупости из головы. Мы, брат, иначе сделаем... Давай сюда твою веревку, я к ней толковую шашку приспособлю. А ты зажигательную трубку готовь. И чтоб огнестойкий шнур имел длину сантиметров пятнадцать-двадцать... Найдется такой кусок? Вот и отлично! Оставляй всю эту музыку да подавайся к тем вон — видишь? — валунам. А я аккуратноенько опущу заряд в яму и...

У меня чуть было не сорвалось с языка: "Потом тоже туда прибегу, если, конечно, успею. Потому что часовой замыкатель в любой момент сработать может". Но ничего этого я, разумеется, не сказал, а закончил как можно спокойней, будто разговор шел о самом будничном:

— ... и к тебе.

Другой на месте Кравчука со всех ног пустился бы подальше от опасного места. Он же, насупившись, молчал. Затем поправил свою порывевшую шашку-ушанку и твердо заявил:

— Как хотите, а одного вас не оставлю!

...Едва мы укрылись за огромными, седыми от снега валунами, как, болезненно охнув, вздрогнула земля. Далеко вокруг полетели замерзшие комья вперемешку с горячими стальными осколками. Тугой воздух ударил в уши, и все смолкло.

В ту же минуту по дороге двинулись бойцы походного охранения. Мы с Кравчуком, подхватив свое саперное имущество, поспешили за ними. Свою задачу выполнили успешно, и от сознания этого на сердце было легко и отрадно.

14.

Наступил сорок пятый год. Теперь уже никому не давали медалей "За оборону...", награждали только лишь "За взятие...". На фронте против нас все чаще действовали старики да безусые мальчишки — фольксштурмисты и гитлерюгендовцы — последние резервы противника.

Появились у немцев и ручные гранатометы кумулятивного действия. Фаустпатроны — оружие, ничего не скажешь, серьезное. Шарахнет — танковую броню насквозь прожигает, и дыра величайшей с шашку...

Многие фольварки — помещичьи имения — фашисты превратили в настоящие крепости. Окна в подвалах приспособили под амбразуры, на чердаках оборудовали наблюдательные пункты...

Но ничто уже не могло изменить ход событий. Мы успешно продвигались в глубь Восточной Пруссии. Пусть гитлеровцы по-настоящему узнают, что такое война, пусть свои мосты жгут и взрывают, по своим селениям лупят из орудий, свои сады кромсают из минометов...

На одном из хуторов мы взяли в плен гауптмана, капитана, по-нашему. Шинель на нем со светлыми пуговицами. Фуражка с высокой тульей и вышитым серебряной канителью гербом. На мундире — железный крест на красно-белой ленточке.

Этот высокий полный старик из фольксштурмистов оказался отъявленным фашистом. Уставился на меня серыми злыми глазищами и убежденно произнес:

— Военное счастье переменчиво. То, что вы в Германии, ровным счетом ничего не означает. Мы тоже были под Москвой. Фюрер обязательно приведет нас к победе!

У того гауптмана нашли заповедь Гитлера солдатам третьего рейха. Дословно не помню людоедское наставление, но суть его заключалась в том, что на войне не нужны жалость и сострадание. Немецкий солдат обязан убивать всякого русского, будь то даже старик, женщина или ребенок. Этим, дескать, он спасет себя от гибели, обеспечит будущее своей семье и прославится навеки...

Едва я закончил переводить товарищам эту "заповедь", как все зашумели:

— Значит, убивай всех русских, советских?! Выходит, так? А почему же тогда мы должны щадить этого ублюдка? Давайте шлепнем его, и делу конец!

Гауптман догадался, о чем речь, побледнел, съжился, заговорил о международной конвенции, запрещающей жестокое обращение с военнопленными. Прусская фанаберия сразу слетела с него.

— Теперь про конвенцию, гад, вспомнил! — зашумели солдаты. — Смотреть на него тошно. Да и запах пошел... Поди, в штаны навалил, сволочь.

Только увели гауптмана, заявился Кравчук, бледный, взволнованный:

— Заглянул я, ребята, в сарай. На гвозде вроде бы путы для лошадей. А когда присмотрелся, понял, что никакие то не путы, а кандалы... — и бросил цепи на стол. — Вот для кого они! — и развернул перед нами синий матерчатый прямоугольник. Окантовка на нем бледно-голубая и три белые буквы "OST".

Это была невольничья нашивка — отличительный знак "восточных рабочих", угнанных в рабство к бауэрам — немецким кулакам. Горько нам стало. О чем еще можно было говорить?

...Хожу по хутору, смотрю. Полное запустение.

нигде ни души, если не считать исхудавших, голодных кошек. Жители поверили геббельсовской пропаганде о зверствах русских и в панике бежали на запад.

В тот же день мы встретили на пустынной лесной дороге немку — пожилую женщину с увесистым рюкзаком за плечами. Она плелась, едва переставляя ноги в мужских башмаках и полосатых чулках. Увидев нас, сжалась, словно ожидая удара. Смотрит затравленно, со страхом, бормочет, точно заклинание: "Гитлер капут..."

Я заговорил с ней по-немецки. Посмотрела доверчивой, немного успокоилась. Рассказала, что не хватило сил идти неизвестно куда и зачем. Решила на свой страх и риск вернуться домой.

— Правильно решили, фрау, — говорю. — Наши солдаты с мирными жителями не воюют. Живите спокойно, бояться вам нечего.

15.

...Стояла вторая половина февраля. На смену морозам и метелям пришла оттепель. Почернел, начал оседать съедаемый туманами снег. На буграх появились проталины.

Мы вели бой за город Мельзак. Где-то на западной его окраине еще огрызались пулеметы, взметывались султаны взрывов, но центр уже был наш.

Грели многие дома — островерхие, под черепицей, как везде в тех краях. Из стрельчатых окон вырывались длинные языки пламени. На узких, мощенных камнем улицах — густая пелена чада и гарн. Повалены, смяты низенькие, из металлической сетки заборчики. Везде, куда ни глянешь, разбитая или брошенная фашистами боевая техника. Впритык друг к другу орудия, снарядные ящики, огромные крытые брезентами грузовики, повозки с обрубленными постройками...

Под грудой развалин — почерневшая кирпичная стена. Раскачивалась чудом зацепившаяся за железную балку кровать. И странно было видеть на высоте второго этажа дверь, которая никуда не вела...

В окнах домов, на балконах — белые флаги — скатерти, простыни, полотенца: "Сдаемся, пощадите..."

Мимо тащились беженцы. Везли свои пожитки в детских колясках, на велосипедах... Поглядывали на нас боязливо, виновато прятали глаза. Понувро брели охраняемые конвоирами пленные гитлеровцы. Заросшие щетиной, грязные. Воротники шинелей подняты, пилотки натянуты на уши... Они плелись унылые и растерянные, не глядя по сторонам, не обращая внимания на многочисленные плакаты с призывами держаться до конца, со щедрыми обещаниями нового чудо-оружия.

На одном из перекрестков регулировала движе-

ние статная краснощекая девушка в туго стянутой кожаным ремнем новенькой шинели.

Шмаков не удержался:

— Красавица, за победой куда? Направо или прямо?

Остановились на площади рядом с кирхой. Одни уселись на бровке тротуара, другие устроились на каких-то ящиках. В общем, кто где. Петя Кравчук откуда-то кресло приволок, достал из футляра баян и склонился над ним, перебирая перламутровые пуговицы. Поначалу играл, а затем тихонько запел. Поплыли в воздухе задушевные простые слова про темную ночь, когда пули свистят по степи да тускло мерцают редкие звезды.

Все притихли. Но тут кто-то выкрикнул:

— Кухня справа!

Смотрим, и действительно, огромный огненно-рыжий мерин, прозванный Герингом, тащит полевую кухню. На козлах ротный повар. Подкатил поближе и, как всегда, негромко произнес:

— За вами, братцы, не угонишься!

Загрели солдаты котелками, потянулись к походной кухне. И в это время из-за угла дома — вереница ребятишек. Худые, измученные, самому старшему от силы двенадцать. Как цыплята, в кучу сбились. Подойти не решаются, робеют. Стоят растерянной стайкой, и вдруг расхрабрилась одна белокурая девушка, подошла. Обтрепанное синее пальтишко на худеньких плечиках, как на вешалке, висит. Лицо бледное, аж светится. А глаза... Совсем не детские глаза у нее. Наверное, немало горюшка хлебнула да слез пролила...

Протянула та девчушка консервную банку, а повар растерялся. Наливать суп или нет?

Видят всю эту картину наши ребята и в сто голосов как на повара напугаются:

— Бери черпак, орудуй! Вся рота согласна. Корми детишек. Мальшня за фашистов не в ответе...

Коля Иванов притащил сухари в плотном желтом бумажном мешке и поставил перед ребятами:

— Берите, киндеры, ешьте, сколько душа желает.

И все бы хорошо, да откуда ни возьмись — "мессершмитт". Низко прошел, из пулеметов саданул.

Ребятишки врассыпную кто куда. А ту девчушку, что первой подошла отважилась, наповал убило.

Навсегда остались в моей памяти те изможденные, голодные немецкие ребятишки у нашей ротной полевой кухни, лежащая ничком на брусчатке худенькая белокурая девчушка, а рядом — пробитая пулей "мессера" консервная банка с медленно вытекающим солдатским супом.

16.

Вскоре после этой истории вызывает меня капитан Очеретяный, Берите, говорит, своих людей и отправляйтесь на восточную окраину Мельзака.

ПЕРЕДОВАЯ

Передовые части проход, мол, для себя сделали, а сойти с дороги нельзя. Мин видимо-невидимо.

Хотя я и сам все прекрасно понимал, но капитан напомнил, что задание весьма ответственное. Не сегодня-завтра подтянутся тылы: танкоремонтные базы, оружейные мастерские, хлебопекарни, полевая почта, банно-прачечные отряды... В лепешку разбиться, а несчастных случаев чтобы не было.

...Мы делали свою обычную работу. Рос за кюветом штабель обезвреженных немецких мин — противотанковых и противопехотных, когда неподалеку остановился “Виллис”. Рядом с водителем генерал. Моложавый, красивый и очень представительный. На заднем сиденье — майор с желтым портфелем на коленях. По всему видать, адъютант.

— Что ж, подождем офицера связи, — сказал генерал и вышел из машины. Вышел и стал прохаживаться взад-вперед по шоссе.

Я встревожился. А что, если он на обочину сойдет? Там проверить грунт мы еще не успели и, возможно, есть мины.

Но предупреждать об осторожности генерала я как-то не осмелился. Не мне ему советы давать. А на сердце все же беспокойно. И тут вспомнил я про таблички, что мы загодя припасли: “Опасно, мины! С дороги не сходить!”

Решил одну из таких поставить, где генерал прогуливается. Вроде бы так, между прочим. Но сделать, как задумал, не успел. Вижу, он напрямик ко мне направляется. Где-то видел я это лицо, а где — запамятовал... И вдруг словно током меня ударило. Да это же сам командующий фронтом генерал армии Черняховский! Точно он, Иван Данилович! Помню: на переправу через реку Шешупе к нам приезжал.

Представился я ему, доложил, что за задание по разминированию выполняем.

Поздоровался со мной генерал за руку. Высокий он был, подтянутый. Лицо смугловатое, доброе. На подбородке ямочка. Глаза карие, внимательные. Голос негромкий, душевный... Дружески, совсем по-домашнему принялся расспрашивать, где я служу и почему брови у меня спаленные...

Понравилось мне его обращение. Иной младший лейтенант с краткосрочных курсов прибудет, без году неделя на передовой, а уж бывалым солдатам тычет. Даже тем, кто по возрасту ему в отцы годится. А тут...

Наверное, еще расспрашивал бы меня генерал, да примчался какой-то долговязый подполковник на легковой автомашине.

— Мне пора, — заторопился командующий. — Из штаба дивизии приехали. — Он посмотрел на меня внимательно. — Вот что, товарищ Терновой. Работа у вас опасная. Так что берегите людей. Как можно больше заботы и уважения к ним... Много у

всех нас дел после войны. Так и передайте командиру батальона. До свиданья.

Как замороженный стоял я, не сводя глаз с удаляющегося “Виллиса”. Вот машина по свежему танковому следу, чуть накренившись, перевалила через кювет и покатила по мокрому проселку.

Я уже собрался вернуться к своим солдатам, как увидел, что рядом с “Виллисом” взметнулся черный столб земли. Чуть погода донесся глухой взрыв.

Минута... Другая... “Виллис” развернулся и поехал обратно. За ним машина офицера связи.

Все ближе и ближе. В первой — генерал армии Черняховский. Побледнел, шинель расстегнута...

Слабонервным я никогда не был, но тут перехватило дыхание. Вероятно, десятки, сотни раз бывал Черняховский в самом пекле, на переднем крае и оставался жив-здоров. Не паркетный он генерал, а боевой, суворовских традиций. Осенью сорок третьего, говорили, вместе с передовыми частями Днепр под огнем форсировал... И смерть обходила его стороной. А сейчас, когда война близится к завершению...

Ну почему так случилось?..

Все в машине, сидевшие бок о бок с ним, невредимы остались. Одного его смертоносный осколок разыскал. И снаряд тот был, по всему видать, шальной. Больше по нашему квадрату гитлеровцы не стреляли...

* * *

Наши войска, преодолевая отчаянное сопротивление врага, успешно продвигались вперед. На своем кровавом, все испепеляющем пути война оставляла выжженную землю, стянутую ржавой колючей проволокой, обезображенные воронками и траншеями безжизненные поля, густо заросшие бурьяном, начиненные минами и обезлюдившие разрушенные города и селения. Да еще бесчисленные одиночные и братские могилы. Муки и горючие слезы людские...

Что и говорить, неисчислимые жертвы, горе и страдания принесло военное лихолетье. Трудные то выдались годы, невероятно трудные. Но даже в самые черные времена мы верили в свою Победу. И она наступила, желанная, выстраданная...

Книжная полка

«СЛАДКАЯ КАТОРГА» ВАЛЕНТИНА ПИКУЛЯ

О творчестве замечательного русского писателя Валентина Пикуля осталось не так много свидетельств. В самом начале своей литературной деятельности он перебрался из Ленинграда в Ригу, где три десятка лет жил едва ли не отшельником. Писатель мало кого принимал у себя, не подходил к телефону, не часто появлялся на людях. Причина этому одна — он работал. По двенадцать часов в день проводил за письменным столом. «Сладкая каторга» — так он сам называл свою работу.

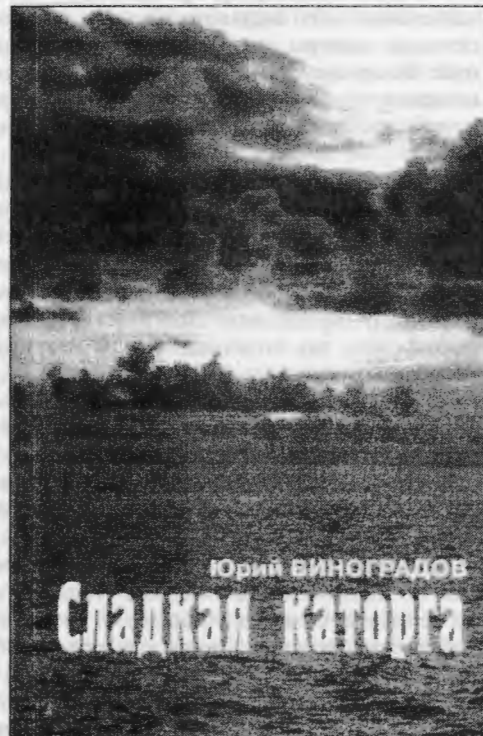
«Сладкая каторга» — так называл свою книгу воспоминаний о Валентине Саввиче московский писатель и драматург Юрий Виноградов*.

«Писатели как бы делятся на три категории, — замечает он. — Для одних написание книги — это обыкновенная хорошо оплачиваемая работа, как любая профессия, на приличный заработок от которой он живет. Других привлекает престижность писательского звания. Еще бы, самая редкая и почитаемая в стране специальность звучит по-особому веско и гордо: писатель! Третьи, а их подавляющее большинство, просто не могут обойтись без того, чтобы не писать, ибо какая-то внутренняя, не подвластная им сила, за-

ставляет создавать художественные произведения, с помощью которых обращать людей к наиболее значимым нравственно-социальным событиям. К таким писателям относится и Валентин Пикуль...»

В книге Юрия Виноградова собрано немало наблюдений о встречах с В.С.Пикулем, какое-то время они жили рядом, но и затем, когда Юрий Виноградов перевелся к новому месту службы в Москву, их встречи не прекратились. Все эти годы он приглашал Валентина Саввича на встречи с участниками семинаров молодых литераторов армии и флота, через которые прошло немало одаренных офицеров и прапорщиков, в том числе и из внутренних войск. Редко покидающий Ригу Пикуль всегда откликался на такие приглашения. О чем он, сам прошедший военную службу в годы войны юнгой на эсминце Северного флота, говорил молодым писателям в военной форме? Об истории России — живой связи времен, горячей любви к Родине, патриотизме и воспитании молодого поколения. Особенно сильно звучали его слова об офицерской чести.

Основной темой творчества Пикуля была русская история. О его литературном наследии продолжают спорить и сегодня, но

никто не откажет ему в одном: Валентину Пикулью удалось возродить интерес к русской истории едва ли не у целого поколения.

И когда в конце восьмидесятых были сняты все ограничения на тиражи печатаемых книг, Пикуль стал самым издаваемым, читаемым и почитаемым автором России.

Его книги продолжают выходить и сегодня. Международная ассоциация писателей баталистов и маринистов продолжает том за томом выпускать полное собрание сочинений писателя. Открыта мемориальная доска на доме, где он жил. Его имя носит и корабль Российского Военно-морского флота. В этом ряду заняла достойное место и книга воспоминаний Юрия Виноградова.

Раф САЙГАНОВ,
литературный критик

* Виноградов Ю.А. «Сладкая каторга». М.: Граница, 1999. 192 с. с илл.

Встреча для вас

Лев ЛЕЩЕНКО: Я ВЫРОС В БОГОРОДСКОМ ПОЛКУ

На одном из концертов народный артист России Лев ЛЕЩЕНКО признался: «Я вырос в богородском полку».

Родился будущий певец 1 февраля 1942 года в семье офицера внутренних войск. В части, где служил его отец, был прекрасный духовой оркестр, которым руководил известный в то время военный дирижер Георгий Петрович Николаев. Этому творческому коллективу первому в войсках в годы войны было присвоено почетное звание «Образцово-показательный». В победном 1945-м музыканты оркестра играли на Крымской и Берлинской конференциях. Их выступления высоко оценили главы государств-союзников.

Лев ЛЕЩЕНКО одним из первых услышал духовую музыку в исполнении прославленного коллектива. Когда стал артистом, активно пропагандировал со сцены жанр военной песни. Он всегда придерживался разнообразного репертуара, который любит и поет весь народ, от мала до велика. И, наверное, все-таки справедливо распорядилась судьба, что именно Лев ЛЕЩЕНКО впервые исполнил одну из лучших песен XX века — «День Победы».

— Лев Валерианович, зрители привыкли видеть вас на сцене и на экране всегда праздничным, добродушным, в меру веселым. Однако, общаясь с вами, я вижу усталое, озабоченное лицо. Скажите, пожалуйста, какое настроение, состояние души вам наиболее свойственно в жизни?

— Если честно, то обычно я бываю грустным, если не скучным. Административных дел, к сожалению, гораздо больше, чем творческих. Особенно сей-

час. Необходимо самому во все вникать, заниматься организацией съемок, контролировать творческий процесс. И это несмотря на то, что у меня большой штат сотрудников.

Все, что зритель видит на сцене, ему кажется радостным и праздничным. На самом же деле, в будничной обстановке, это далеко не так. Например, совсем недавно мы с Симоном Осиашвили потратили огромное количество времени, для того чтобы заменить несколько

КАЛЕЙДОСКОП

слов в новой песне, найти нужную строчку. Но в результате так и вернулись к первоначальному варианту. Творчество — это настоящие муки, это разгребание, раскапывание камней и песка.

— Выходит, у вас не такая уж и легкая жизнь?

— Не могу, конечно, сказать, что жизнь трудная, но... А когда нет определенных препятствий, то просто наступает депрессия.

— Неужели и у вас бывают минуты уныния, равнодушия, безразличия?

— Знаете, я человек творческий. И поэтому когда у меня что-то не получается, то начинаю просто бездельничать. А всякое безделье очень тоскливо.

— И чем, если не секрет, разгоняете тоску? Как вдохновляете себя в эти моменты?

— Самое лучшее — это, конечно, расслабиться, забыться. Можно выпить рюмку водки, посидеть с друзьями, поехать на дачу или просто на природу, погулять по лесу, послушать птичек...

— Выходит, время лечит?

— Нет. Оно просто успокаивает.

— Скажите, Лев Валерианович, какой период жизни вы считаете для себя наиболее счастливым? Для кого-то это молодость, для кого-то — зрелые годы...

— Я никогда не жалел о молодых годах, не пытался вернуться к прошлому. У одного хорошего поэта есть замечательное, на мой взгляд, четверостишие:

*Упаси нас Бог познать заботу
Об ушедшей юности тужить.
Делать нелюбимую работу,
С нелюбимой женщиною жить.*

Безусловно, молодость — это

самые лучшие годы для любого человека. Но, повторюсь, я не хотел бы возвращаться туда. Желая остаться в том возрасте, в котором нахожусь сейчас. Потому что мой нынешний возраст — это время зрелости, период устойчивых психологических позиций и личностных отношений. Мне это нравится гораздо больше.

— Многие люди говорят, что с удовольствием прожили бы заново свою жизнь. У меня же порой возникают сомнения на этот счет. А как вы относитесь к такому высказыванию?

— Не думаю, что все без исключения, но есть люди очень счастливые. Мне никогда не приходило в голову искать ответ на вопрос: что же такое счастье? А теперь вот думаю, что счастье — это то состояние, когда человек в конце своей жизни скажет: "Я не хотел бы прожить иначе...".

Существуют разные этапы жизни: и удачи, и потрясения. Но главное — итог человеческого бытия. Сегодня я чувствую себя прекрасно: молодо и уверенно. А что будет дальше, одному Богу известно.

— Интересно, а вы совершали в своей жизни глупости?

— Конечно. И много раз. В основном это касается творческих экспериментов. Но без подобных глупостей ничего не возможно сделать.

И еще к разряду глупостей относится непонимание того, что уже немолод, и те физические нагрузки, которые до сих пор позволяю себе, несвойственны моему возрасту. Это иногда меня подводит. Во время занятий спортом попадаю в разные неприятные ситуации: то ногу подверну, то мышцу растяну...

— Вы занимаетесь спортом? А какой вид предпочитаете?

— Да как вам сказать... Я занимаюсь тем, что под руку попадется — теннисом, подводным плаванием, баскетболом... Если лежит футбольный мяч, мимо него не пройду.

— А в личной жизни вы, Лев Валерианович, тоже совершали глупости?

— Не стану утверждать однозначно, но... В роли Скуратова никогда не был.

— Нет, я имею в виду ошибки, о которых пришлось бы позже сожалеть...

— Знаете, даже мой первый брак, который оказался неудачным, я не считаю ошибкой. Потому что на определенном этапе он тоже принес мне какие-то интересные моменты в жизни — эмоциональные, творческие, человеческие. Но все это осталось в прошлом.

— А случилось ли такое, что судьба дарила ситуацию или человека, а вы этого не заметили, не разглядели, прошли мимо?

— Я как раз замечаю то, на что мне зачастую не нужно обращать внимания. И лишь позже осознаю, как слишком много заботился о том или ином человеке, не получив взамен абсолютно ничего.

Но бывает и наоборот. Во время какой-то случайной встречи ты неожиданно вдруг поддерживаешь какого-то человека. И потом добро возвращается к тебе с лихвой. Поэтому считаю, надо постоянно думать о том, что все люди должны быть милосердными, снисходительными, добрыми. Если раньше всегда с эстрады я говорил благодарным зрителям: "Желаю добра!" (а добро — это общечеловеческое понятие), то сейчас, в той ситуации, в которой мы жи-

вем, людям прежде всего необходимо желать милосердия.

— **Не секрет, все об этом повсюду говорят, рассуждают при каждом удобном моменте, но делают почему-то меньше, чем разглагольствуют...**

— Это потому, что все хотят справедливости, которой на земле никогда не было и не будет. Я недавно прочитал у одного философа: "Справедливости нет, есть милосердие". К сожалению, каждому человеку присуща своя мораль, своя справедливость, своя мотивация...

— **Лев Валерианович, песни, которые сейчас исполняет молодежь, зачастую пишутся по заказу шоу-бизнесменов. Как вы считаете, много ли в настоящее время новых, запоминающихся музыкально-поэтических произведений, которые можно петь в компаниях, во время дружеских застолий?**

— Таких песен, к сожалению, очень мало. На радио и на телевидении существуют определенные пропорции: всего понемногу.

— **Ну по радио еще можно что-то приличное услышать. А уж на телевидение без больших денег вообще не пробиться...**

— Что поделаешь! Это наша суровая действительность.

— **Сейчас в России огромное количество и молодых исполнителей, и ансамблей. Зрителей и слушателей зачастую потчуют чем попало. С вашей точки зрения, как можно отделить зерна от плевел?**

— Что-то пытаться запретить сейчас просто невозможно. Это, думаю, не пройдет. Как только мы снова вернемся к живой музыке, живому голосу, звучанию живому, тогда халтура сама вы-

лезет наружу. И принятия соответствующих законодательных актов Государственной Думой здесь, на мой взгляд, недостаточно. Необходимы еще какие-то неординарные меры по отношению к артистам со стороны зрительской аудитории. Например, поклонники эстрадной музыки, я считаю, **НЕ ДОЛЖНЫ** ходить на "фанерные" концерты, **НЕ ДОЛЖНЫ** покупать билеты на тех, кто только открывает рот и бегаёт по сцене, а не поет. Представители средств массовой информации **НЕ ДОЛЖНЫ** писать о таких исполнителях, телевидение **НЕ ДОЛЖНО** снимать их. Неужели журналисты не могут понять, что они делают рекламу бездарным певцам, тем самым развращая публику.

— **Как вы считаете, у творческого человека должна быть такая черта характера, как уверенность?**

— По-моему, скорее всего кураж должен быть. И, конечно, уверенность в том, что ты делаешь. Считаю, творческий человек должен верить в себя и, возможно, быть немного настырным...

— **А если человек талантливый, но деликатный, трудно ему придется в жизни?**

— Федор Иванович Шаляпин говорил, что скромность — निकратчайший путь к бесславии. Он имел в виду скромность не в бытовом плане, а то состояние человека, который считает, что его талант недооценен.

— **У вас много песен о Москве. В прежние годы вы исполняли такие известные произведения, как "Я вас люблю, столица!", "Я по свету немало хаживал..." и многие другие. К 850-летию Первопрестольной записали целый цикл песен об этом прекрасном горо-**

де. Планируете ли в ближайшее время исполнить еще что-нибудь новенькое о Белокаменной?

— Да, конечно. Думаю, что новые песни о Москве вы услышите в самое ближайшее время.

— **Скажите, Лев Валерианович, какие качества вы не прощаете своим друзьям, знакомым?**

— Прежде всего никогда не прощаю подлости и предательства. Не терплю вранья и незаслуженных оскорблений. Мне отвратительно безразличие людей по отношению к тому, что я стараюсь делать искренне.

— **Но если все-таки кто-то вдруг предал вас или подставил?**

— Если такое когда-нибудь случится, то этот человек просто исчезнет из моей жизни навсегда.

— **А что вы не смогли бы простить женщине?**

— То же самое, что и мужчине: измену и подлость...

— **Иосиф Кобзон решил завершить концертную деятельность после 60-летнего юбилея. Что и сделал. А вы как-то прогнозируете свою жизнь, творчество?**

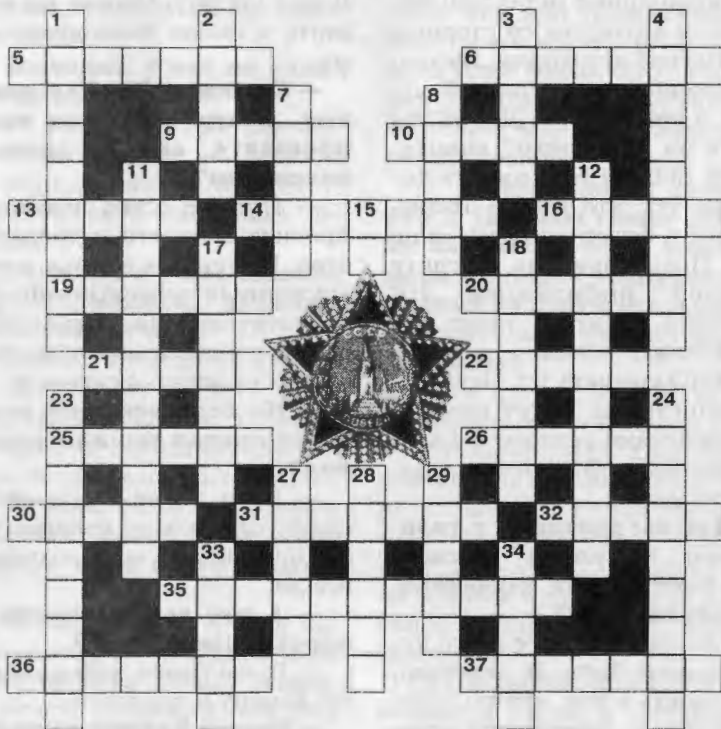
— Я, наверное, так же, как Иосиф Давыдович, буду завершать выступления на большой сцене. Завершу, но петь буду!

Записал Геннадий ШАХОВ

Фото из семейного альбома
Л. В. ЛЕЩЕНКО

КРОССВОРД

9 мая — День Победы

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Отборная привилегированная часть войск. 6. Ежедневная газета народно-патриотических сил России. 9. Первый немецко-фашистский концентрационный лагерь, созданный в 1933 г. под Мюнхеном. 10. Заряд взрывчатого вещества, закладываемый в землю или устанавливаемый под водой на небольшой глубине и взрывающийся внезапно для противника. 13. Специальное помещение для приема, хранения и сортировки материальных средств. 14. Лицо, награжденное каким-либо орденом. 15. Стратегический ракетный комплекс США наземного базирования с двухступенчатой жидкостной межконтинентальной баллистической ракетой, находящийся на боевом дежурстве с 1963 г. 19. В огнестрельном оружии — заключенные в гильзе пуля (снаряд, дробь), пороховой заряд и капсуль для воспламенения заряда. 20. Кодовое наименование плана операции войск Донского фронта по разгрому окруженной группировки фашистских войск под Сталинградом в 1943 г. 21. Отравляющее вещество кожно-нарывного действия, впервые примененное немцами в первой мировой войне против англо-француз-

ских войск. 22. Маршал Советского Союза, кавалер высшего военного ордена "Победа", дважды Герой Советского Союза. 25. Высшая и наиболее эффективная форма полевой, морской и воздушной выучки частей. 26. Кодовое наименование операции группы армий "Центр" фашистской Германии во второй мировой войне, имевшей целью окружение и уничтожение советских войск под Москвой в 1941 г. 30. Конструктор стрелкового оружия, создатель 7,62-мм трехлинейной винтовки образца 1891 г. 31. Теория и практика передвижения по воздуху на летательных аппаратах тяжелее воздуха. 32. Территориальное общевойсковое объединение соединений, частей, военно-учебных

заведений и различных местных военных учреждений. 35. Неожиданные для противника действия, способствующие достижению успеха в бою. 36. Ежедневная газета социальной защиты ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов СНГ. 37. Советский конструктор, создатель среднего танка Т-34.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Американский генерал, главнокомандующий операцией "Буря в пустыне" в 1991 г. 2. Устаревшее название расположения войск на отдых вне населенных пунктов. 3. Отверстие в казенной части артиллерийских орудий XV-XVII вв., заполненное порохом для воспламенения заряда. 4. Советский график, автор плакатов "Все для фронта! Все для Победы!", "Дойдем до Берлина!" и др. 7. Прием, применявшийся в воздушном, морском и танковом бою. 8. Условная линия, полоса, участок местности, с которой отсчитывается начало или конец определенного этапа каких-либо действий войск, сил и средств. 11. Основной вид боевых действий, проводимых в целях разгрома противника. 12. Кодовое наименование плана совместной операции немецких и финских войск против Советского Союза в Заполярье во второй мировой войне. 15. Марка самолетов, созданных в ОКБ под руководством авиаконструктора О. К. Антонова. 17. Полоса местности, занятая или намеченная для занятия войсками и ведения боевых действий. 18. Единица измерения продолжительности работы машин. 23. Воспитанник суворовского училища. 24. Электромеханический аппарат, использующийся на проводных линиях связи для ведения служебных переговоров. 27. Быстроходный корабль небольшого водоизмещения, предназначенный для разведки и посыльной службы. 28. Герой Советского Союза, писатель, автор документальной повести "Полководец". 29. Человек, управляющий летательным аппаратом. 33. Сооружение для хранения, технического обслуживания и ремонта летательных аппаратов. 34. Маневр войск, проводимый в целях выиграть времени для последующих действий.

Составил Евгений КУЛИКОВ

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД "КОСМОС", ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Терешкова. 6. Заправка. 7. Стыковка. 9. Стрелка. 13. Наз. 15. Анилин. 16. "Сириус". 21. Минерализация. 24. "Вулкан". 26. Окуляр. 27. Ути. 30. Электра. 31. Подпитка. 32. "Интелсат". 33. Береговой.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Ракета. 3. Оптика. 4. Лавейкин. 5. Аккреция. 8. Метагалактика. 10. Швартовка. 11. Космодром. 12. "Минилаб". 14. Лисичка. 17. Рея. 20. Рак. 22. "Электрон". 23. Глазенап. 28. Алькор. 29. Хрунов.

ПО КРУГУ В ЦЕНТРЕ: 18. "Йога". 19. "Взор". 25. "Кедр".

ПОДПИСКА – 2000

Ф. СП-1

Министерство связи РФ
Роспечать

АБОНЕМЕНТ на газету
журнал
На боевом посту

(индекс издания)

(количество комплектов)

На 2000 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на газету
журнал

ПВ

место

ли-
тер

(индекс издания)

На боевом посту

Сто-
имо-
сть

подписки

руб.

Количество комплектов

переадресовки

руб.

На 2000 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Подписка на журнал осуществляется через агентство «Роспечать» (по каталогу).

Индексы:

70610 — для индивидуальной подписки

73175 — для организаций и предприятий

Стоимость подписки

70610

1 мес. — 25 руб.

3 мес. — 75 руб.

6 мес. — 150 руб.

73175

1 мес. — 30 руб.

3 мес. — 90 руб.

6 мес. — 180 руб.

• Подписка на приложение к журналу газету «Ситуация» осуществляется через агентство «Роспечать» (по каталогу).

Индекс 50157

Стоимость подписки:

1 мес. — 7-37 руб.

3 мес. — 22-11 руб.

6 мес. — 44-22 руб.

• Подписка на приложение к журналу сборник учебно-методических материалов «Войсковой вестник» осуществляется через агентство «Роспечать» (по каталогу).

Индекс 73515

Стоимость подписки:

2 мес. — 15-00 руб.

4 мес. — 30-00 руб.

6 мес. — 45-00 руб.

• Подписка через редакцию осуществляется по стоимости коллективных подписчиков.

• Номера предыдущих выпусков вы можете приобрести в редакции.

Справки по тел.: 917-98-07.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины. При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах "Роспечати".

Заполнение месячных клеток при переадресовке издания, а также клетки "ПВ-МЕСТО" производится работниками предприятий связи и "Роспечати".

В соответствии с требованиями налоговой инспекции и финансовых органов журнал «На боевом посту» и его приложения впредь смогут оплачивать лишь те материалы и письма, в которых имеется обратный почтовый адрес автора, номера телефонов, полностью указаны его фамилия, имя и отчество, серия и номер паспорта (удостоверения личности офицера), число, месяц и год рождения.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи объемом не более одного авторского листа, отпечатанные на пишущей машинке или изготовленные на ПЭВМ в двух экземплярах (на дискете — в gif-формате с одной распечаткой), через два интервала с постраничными, последовательно пронумерованными ссылками на использованные источники. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность информации, точность

цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За содержание рекламы отвечает рекламодатель. В соответствии с Законом РФ "О средствах массовой информации" редакция имеет право не вступать в переписку с корреспондентами. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения автора. За качество полиграфического исполнения журнала отвечает типография, за его распространение — редакция. В случае затруднений в оформлении подписки и обнаружения брака сообщите в отдел распространения и МТО редакции по адресу: 107120, Москва, Сыромятнинский проезд, 8, тел.: (095) 917-98-07, 361-81-71.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «На боевом посту» обязательна.

Вадим Сергеевич ШЕФНЕР родился в семье военного. Окончил рабфак при Ленинградском университете. Первые стихи опубликовал в 1936 году. Во время войны был солдатом, затем военным корреспондентом. В осажденном Ленинграде вышла его книга "Защита".

Год 55-летия Победы для замечательного фронтового поэта, прозаика, лауреата Государственной Пушкинской премии В.С.Шефнера знаменателен и его собственным юбилеем — 85-летием со дня рождения. С обеими этими датами мы от души и поздравляем Вадима Сергеевича!

Зеркало

Как бы ударом страшного тарана
Здесь половина дома снесена,
И в облаках морозного тумана
Обугленная висится стена.

Еще обои порванные помнят
О прежней жизни, мирной и простой,
Но двери всех обрушившихся комнат,
Раскрытые, висят над пустотой.

И пусть я все забуду остальное —
Мне не забыть, как, на ветру дрожа,
Висит над бездной зеркало стенное
На высоте шестого этажа.

Оно каким-то чудом не разбилось.
Убиты люди, стены сметены, —
Оно висит, судьбы слепая милость,
Над пропастью печали и войны.

Свидетель довоенного уюта,
На сыростью изъеденной стене
Тепло дыханья и улыбку чью-то
Оно хранит в стеклянной глубине.

Куда ж она, неведомая, делась,
Иль по дорогам странствует каким
Та девушка, что в глубь его гляделась
И косы заплетала перед ним?..

Быть может, это зеркало видало
Ее последний миг, когда ее
Хвост обломков камня и металла,
Обрушась вниз, швырнул в небытие.

Теперь в него и день и ночь глядится
Лицо ожесточенное войны.
В нем орудийных выстрелов зарницы
И зарева тревожные видны.

Его теперь ночная душит сырость,
Спят пожары дымом и огнем.
Но все пройдет. И что бы ни случилось, —
Враг никогда не отразится в нем!

Ленинград, 1942г.

